Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й.

РУ́ССКІЙ А́РХІ́ВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

9.

Пров. 30

25092

Стр.

1. Записки Николая Николаевича Муравьева-Карскаго. 1819 годъ. Путешествіе въ Хиву..... 5
2. Филаретъ архіепископъ Черниговскій. (Пастырское служеніе въ Ригѣ). И. С. Листовскаго..... 43
3. Отвѣтъ В. А. Кокорева В. А. Полетикѣ на письмо его по поводу „Экономическихъ Проваловъ“..... 113
4. Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ-де-Гелль въ 1840 году. Сообщено княземъ П. П. Вяземскимъ..... 129
5. Письмо княжны В. Н. Репниной къ издателю „Русскаго Архива“..... 143
6. О сообщеніи матеріаловъ для изданія сочиненій Полежаева. П. А. Ефремова..... 144

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1887.

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ“

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

Сочиненіе В. А. КОКОРЕВА.

Цѣна **ПЯТЬ** рублей.

(БЕЗЪ ПРИБАВЛЕНІЯ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ).

Вся вырученная сумма назначается на устройство, въ половинномъ разстояніи между Москвой и Петербургомъ, лѣтняго безплатнаго помѣщенія для учащагося юношества, не имѣющаго средствъ освѣжить свои силы пребываніемъ въ каникулярное время въ здоровомъ деревенскомъ воздухѣ.

Получать можно въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской улицы и Ковенскаго переулка, въ домѣ № $^{16}/_{17}$, и въ Москвѣ въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, № 175.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЗАПИСОКЪ

ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ

ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ПОДЛИННИКѢ.

Открыта подписка на изданіе ЗАПИСОКЪ ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ во Французскомъ неизданномъ подлинникѣ, болѣе обширномъ нежели Русское извлеченіе изъ нихъ, появившееся въ «Русскомъ Архивѣ» нынѣшняго года. Желающіе имѣть эти Записки отдѣльною Французскою книгою благоволятъ доставлять **3** рубля (включая и пересылку) въ **Москвѣ** въ Контору «Русскаго Архива» на Садовой, 175-й или въ книжный магазинъ Готье на Кузнецкомъ мосту; въ **Петербургѣ**— на Невскомъ, у Полицейскаго моста, въ книжный магазинъ Мелье.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887.

3.

Въ 1887 году „Русскій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1887.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

Перепечатка бумагъ и статей изъ «РУССКАГО АРХИВА», какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго соглашенія.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1819 годъ *).

Путешествіе въ Хиву.

(Начато писаніемъ въ Тифлисѣ, 3-го Марта 1820.)

19-го Сентября я оставилъ берегъ. Проводникъ мой Сеидъ жилъ въ кочевьѣ при колодцѣ Суджи-Кабилъ. Онъ прислалъ ко мнѣ 4-хъ верблюдовъ съ родственникомъ своимъ Абулъ-Гуссеиномъ. Достали еще двухъ лошадей, и такъ я отправился въ степь. При мнѣ находились только переводчикъ Армянинъ Петровичъ и денщикъ мой Морозовъ. Я просилъ у Пономарева еще одного или двухъ человѣкъ изъ десантной команды или изъ матросовъ; но онъ, по обыкновенной нерѣшительности своей, боялся ихъ отпустить со мной, говоря, что если я съ ними пропаду, то онъ будетъ отвѣчать начальству, за чѣмъ онъ отпустилъ ихъ безъ предписанія главнокомандующаго. Увѣрившись, что въ семъ случаѣ одна судьба моя могла спасти меня, я болѣе не настаивалъ и замѣнилъ недостатокъ въ людяхъ добрымъ штуцеромъ, пистолетомъ, большимъ кинжаломъ и шашкой, которые я всегда на себѣ носилъ. Петровичъ былъ человѣкъ очень усердный, но усердію его сопротивлялись ограниченныя способности его. Къ сему онъ еще имѣлъ престранную и смѣшную наружность и охоту быть шутомъ. Сіи способности его еще развернулись на корветѣ, и онъ продолжалъ ремесло сіе во все время дороги, что̀ иногда развеселяло меня.

Кіатъ и Таганъ-Ніасъ провожали меня до Сеидовой обы. Поднявшись на высокія скалы, составляющія берегъ Балканскаго залива, я увидѣлъ обширную степь, по которой мнѣ слѣдовало ѣхать въ Хиву. Она покрыта мѣстами кустарникомъ, мѣстами же песчана. Въ нѣ-

*) Начало этихъ автобіографическихъ Записокъ помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 и 1886 годовъ. Въ послѣдней тетради 1886 года изложена цѣль Хивинской поѣздки и приготовленія къ ней. П. Б.

сколькихъ мѣстахъ, въ небольшомъ разстояніи отъ берега, есть колодцы съ хорошей и солоноватой водой, при которыхъ находятся Трухменскія кочевья; ни произрастеній, ни травъ совершенно никакихъ не видно. Стада верблюдовъ и барановъ пасутся по симъ голымъ равнинамъ и питаются сухими кустиками, разсыпанными по степи. Беззаботные и лѣнивые Трухменцы кое-какъ продовольствуютъ себя хлѣбомъ, покупаемымъ ими въ Астрабадѣ или въ Хивѣ, и верблюжьимъ молокомъ. Промыслъ ихъ воровство: таская людей изъ Астрабада, они продаютъ ихъ въ Хиву и выручаютъ за оныхъ большія деньги.

Поднявшись, какъ я выше сказалъ, на скалу, я заѣхалъ къ знакомому мнѣ старшинѣ муллѣ Каибу, гдѣ позавтракалъ съ Кіатомъ верблюжьимъ молокомъ. Я отправился далѣе, ѣхалъ мимо нѣсколькихъ кочевьевъ, имѣя въ сторонѣ небольшія возвышенія, которыя должны быть отраслью Балканской горы, и передъ вечеромъ я прибылъ въ обу Сеида, населенную Трухменскимъ племенемъ Келте поколѣнія Джафаръ-бай, отрасли Шеребъ, происходящей отъ народа Іомудскаго, составляющаго одно изъ 11-ти главныхъ поколѣній Трухменскихъ. Сіи Трухменскія поколѣнія разсыпаны по всей степи, начиная отъ Каспійскаго моря почти до Китайскихъ предѣловъ. Они раздѣляются на много мелкихъ отраслей, изъ коихъ въ каждой есть избранный старшина, и ему народъ повинуется или, лучше сказать, его народъ уважаетъ или по старости лѣтъ его, или по разбойническимъ добродѣтелямъ его, или по богатству. Въ оби Суджи-Кабилъ, куда я прибылъ, считается 50 дворовъ и три колодца съ хорошей чистой водой. Кочевье сіе отстоитъ отъ моря на три агача *); отъ Красноводской якорной стоянки нашей въ 38 верстахъ на N O. Я остановился въ кибиткѣ Сеида и былъ принятъ очень ласково.

20-го я дневалъ въ Суджи-Кабилѣ. По сказаніямъ мулловъ Трухменскихъ, мы должны были въ путь отправиться 12-го числа луннаго мѣсяца Зилхидже, что̀ составляло 21-го числа Сентября. Сей день у нихъ считался счастливымъ для поѣздки нашей, и проводники мои никакъ не хотѣли меня прежде сегодня вести. Я впослѣдствіи времени узналъ, что старшина поколѣнія Келте уговаривалъ Сеида не ѣхать со мной въ Хиву. Причиною сего была дружба, которую тотъ старшина имѣлъ съ Гекимъ-Али-баемъ, старшиною поколѣнія Киринджикъ, коего братъ сперва намѣревался вести меня, но которому было отказано за то, что онъ требовалъ съ меня 100 червонцевъ; съ Сеидомъ же я порядился за 40. Но Сеидъ, давъ мнѣ слово, не хотѣлъ отстать отъ него, и противъ согласія всѣхъ единоплеменниковъ принялъ меня.

*) Агачъ равенъ 7-ми верстамъ.

Рѣдкій поступокъ сей, не соотвѣтствующій безчестнымъ правиламъ, коими руководствуются Трухменцы вообще въ денежныхъ дѣлахъ, имѣлъ причиною внушенія Кіата, который пользуется довѣренностію между Трухменцами и, надѣясь послѣ счастливаго возвращенія успѣть въ видахъ своихъ со стороны нашего правительства, уговорилъ Сеида ѣхать, и по прибытіи моемъ въ Суджи-Кабилъ два раза ѣздилъ къ вышеупомянутому старшинѣ въ кочевья. Нравъ Сеидовъ былъ, можетъ быть, еще изъ лучшихъ между Трухменцами, мнѣ знакомыми. Онъ былъ грубъ въ обращеніи, не весьма дальновидѣнъ, но постояненъ, рѣшителенъ и храбръ. При томъ же онъ былъ хорошій наѣздникъ и славился разбоями, которые онъ производилъ въ Персіи. Въ теченіи сихъ записокъ видны будутъ нѣкоторые прекрасные поступки съ его стороны; другіе же такъ гнусны, что его узнать нельзя. Про него разсказываютъ Трухменцы слѣдующій случай. Когда Сеиду было 16 лѣтъ, онъ поѣхалъ разъ со старымъ отцомъ своимъ въ поле за три дня ѣзды отъ своей кибитки. Они увидѣли толпу конницы поколѣнія Теке, имъ непріятельскаго. Отецъ его ѣхалъ на добромъ конѣ, а Сеидова лошадь едва тащилась. Не имѣя надежды спастись, старикъ сѣлъ и хотѣлъ отдать лошадь свою сыну, говоря ему: Сеидъ, я уже старъ и довольно жилъ; ты молодъ и можешь поддержать семейство наше; прощай, спасайся, а я здѣсь останусь. Сеидъ въ отвѣтъ обнажилъ саблю и отвѣчалъ старику, что если онъ не хочетъ самъ спасаться, то погубитъ ихъ обоихъ, и все семейство осиротѣетъ, потому что онъ намѣренъ былъ въ такомъ случаѣ защищаться. Онъ самъ соскочилъ съ лошади. Краткость времени и приближающійся непріятель не дали имъ долѣе спорить; они рѣшились спасаться каждый на своемъ конѣ; наступающая ночь позволила имъ укрыться, и отецъ его сознался при всѣхъ единоплеменникахъ своихъ, что Сеидъ превзошелъ его самаго.

Я нашелъ однакоже, что нравы Трухменцовъ въ сей оби гораздо лучше тѣхъ, которыхъ я на берегу видѣлъ. Сіе отъ того, я полагаю, что, живучи далѣе въ степи, они не привыкли столько къ плутовству черезъ обращеніе съ нашими купцами, пріѣзжающими всякой годъ съ разными товарами на Трухменскій берегъ. Кіатъ однакоже не упустилъ случая склонить меня къ сдѣланію подарковъ Гекимъ-Али-баю и Ана-дурдѣ, старшинамъ, которые вмѣстѣ со мной ѣхали въ Хиву по своимъ надобностямъ, а также подарить нѣкоторыя бездѣлицы женамъ Сеида и нанятыхъ имъ проводниковъ моихъ.

Изъ Суджи-Кабила я извѣстилъ письменно маіора Пономарева о благополучномъ прибытіи моемъ.

21-го съ разсвѣтомъ я выѣхалъ изъ Суджи-Кабила на большомъ и толстомъ верблюдѣ, съ котораго я чуть не свалился, когда сталъ онъ подыматься. Мой собственный караванъ состоялъ изъ 17 верблюдовъ, принадлежащихъ четыремъ хозяевамъ, которые были у меня проводниками и ѣхали въ Хиву за покупкой хлѣба. Изъ нихъ старшій былъ Сеидъ, второй родственникъ его Абулъ-Гуссеинъ, третій Кульчи, а четвертый Акъ-Нефесъ. Верблюды наши были привязаны другъ къ другу за хвостъ и тянулись длинной цѣпью; на передовомъ же верблюдѣ сидѣла Курдинка Фатьма, бывшая наложница отца Сеидова. Она уже 12 лѣтъ была у него въ неволѣ. Ища себѣ лучшей участи, она просила хозяина своего продать ее въ Хиву, на что тотъ не соглашался, но принужденъ былъ сдѣлать сіе, когда передъ отъѣздомъ моимъ несчастная Фатьма подбѣжала къ колодцу и сказала Сеиду, что если онъ ея не продастъ, то она бросится въ колодецъ, и тогда онъ за нее ни одного реала не получитъ. Ее взяли, и что̀ сія женщина переносила дорогой, почти невѣроятно! Она едва имѣла одежду, днемъ и ночью вела караванъ безъ сна и почти безъ пищи; на привалахъ обязанность ея была пасти и путать верблюдовъ и еще спечь въ горячей золѣ хлѣбъ для своихъ хозяевъ.

Проѣхавъ 20 верстъ, мы остановились около полдня на часъ времени, и соединились съ другимъ караваномъ, коимъ предводительствовалъ Гекимъ-Али-бай. По мѣрѣ удаленія нашего отъ берега караванъ нашъ все усиливался изъ разсыпанныхъ по сторонамъ Трухменскихъ кочевьевъ, такъ что, когда мы вступили уже совершенно въ безлюдную степь, что́ на третій день случилось, то у насъ было до 200 верблюдовъ; людей же насъ было до 40 человѣкъ, которые шли въ Хиву за покупкой хлѣба.

Ссора, которую имѣлъ Гекимъ-Али-бай съ моимъ Сеидомъ, распространилась и на меня. Мы шли особо и на ночлегъ останавливались поодаль отъ тѣхъ. Караванъ мой былъ хорошо вооруженъ и если Гекимъ-Али-бай, я полагалъ, имѣлъ намѣреніе разбить меня, то онъ вѣрно не смѣлъ сего сдѣлать, опасаясь оружія нашего. Онъ никогда не хотѣлъ кланяться мнѣ, когда я съ нимъ встрѣчался, и сидя у своего огня говорилъ всегда дурно объ насъ съ своими товарищами. Я своихъ противъ него также взбунтовалъ, и удалось мнѣ даже нѣсколько человѣкъ переманить съ его стороны ко мнѣ, посредствомъ чая, до котораго Трухменцы большіе охотники. Можетъ быть, что Гекимъ-Али-бай имѣлъ еще другую причину бѣгать меня: онъ боялся дурнаго пріема отъ Хивинскаго хана и не хотѣлъ быть запутаннымъ въ семъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, я имѣлъ всѣ осторожности и во всѣ 16 дней и ночей поѣздки моей не скидывалъ съ себя оружія.

Послѣ полдня мы поднялись на небольшую высоту, называющуюся Кизылъ-Айягъ *), которая должна быть отраслью отъ Балканскихъ горъ. Прошедши еще 20 верстъ, мы остановились на привалѣ передъ вечеромъ, оставя позади съ лѣвой рукой кочевья при колодцахъ Сюльмень. Я измѣрилъ разстояніе сіе часами, полагая четыре версты на часъ. Сравнивъ свой обыкновенный шагъ съ верблюжьимъ, я нашелъ, что я весьма мало уходилъ отъ нихъ, я же хожу по пяти верстъ въ часъ. Можно верблюду и больше четырехъ верстъ на часъ положить, но я ввелъ въ расчисленіе остановки на переходахъ, которыя хотя и весьма малы, но тоже составятъ нѣчто въ цѣлые сутки. Во время переходовъ сихъ меня не столько мучило непріятное качаніе, которому подверженъ ѣздокъ на верблюдѣ, какъ скука непреоборимая: я былъ совершенно одинъ, говорить было не съ кѣмъ. Счастье мое было еще, что жаръ хотя былъ довольно сильный, но еще весьма сносный. Степь представляла премерзкій видъ: совершенная смерть, послѣдствіе опустошенія послѣ какого-нибудь сильнаго переворота въ природѣ; ни одного животнаго, ни одной птицы, никакой зелени, ни травки; индѣ были песчаныя полосы, на которыхъ видны были маленькіе кустарники. Къ тому прибавить еще мысли, посѣщавшія меня объ удаленіи изъ отечества своего для того, можетъ быть, чтобы предаться въ вѣчную неволю въ руки изверговъ. Таковое положеніе мое продолжалось 16 сутокъ. Я былъ все время поѣздки моей въ Трухменскомъ платьѣ. Имя мое было Мурадъ-бегъ. Нѣкоторое знаніе въ Трухменскомъ языкѣ, которое я имѣлъ, много послужило мнѣ: меня всѣ въ караванѣ знали, но при встрѣчахъ съ чужими я часто слылъ за Трухменца поколѣнія Джафаръ-бай, дабы избавить себя отъ вопросовъ любопытныхъ.

Я увидѣлъ въ сію ночь лунное затмѣніе, которое продолжалось болѣе часа. Трухменцовъ очень безпокоило сіе. Они приступили ко мнѣ, чтобы я имъ растолковалъ причину сего. Они говорили, что луна померкаетъ только при смерти какого-нибудь великаго государя или старшины ихъ, что можетъ быть она предвѣщаетъ мнѣ пріемъ, которой мнѣ будетъ сдѣланъ въ Хивѣ. Я долженъ былъ вывести ихъ изъ затрудненія. Я вспомнилъ, что какой-то древній мудрецъ рѣшилъ сей случай, накинувъ плащъ свой на вопрошающаго; я скинулъ съ себя чуху и, бросивъ ее Сеиду на голову, спросилъ у него, видитъ ли онъ огонь, которой передъ нами горѣлъ? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Я приложилъ сіе сравненіе къ движенію тѣлъ небесныхъ, заслоняющихъ другъ друга въ извѣстныя времена. Трухменцы не поняли меня. Думали. Я говорилъ дерзко обо всѣхъ свѣтилахъ, и они увѣрились въ моей му-

*) Красная или золотая нога, т.-е. подошва горы.

дрости. Ты точно посланникъ, сказали они мнѣ; ты человѣкъ избранный и знаешь не только, что̀ на землѣ дѣлается, но даже и то, что̀ на небесахъ происходитъ. Я довершилъ удивленіе ихъ, когда предсказалъ имъ, которой конецъ луны начнетъ сперва выдаваться (я видѣлъ, съ которой стороны она затмѣвалась).

22-го въ часъ пополуночи мы поднялись. Ночь была очень холодная, и роса какой я еще никогда не видалъ. Пройдя 24 версты, мы прибыли на разсвѣтѣ къ колодцамъ Сюйли, при которыхъ было до 20 кибитокъ Трухменскихъ. Колодцы сіи имѣютъ 15 саженъ глубины, вода въ оныхъ нехороша, однако можно пить, хотя съ отвращеніемъ. При семъ мѣстѣ есть большое кладбище. Надгробные камни должны быть известковые; они довольно велики, хорошо выточены и съ нѣкоторыми ваяніями; на оныхъ на многихъ видны слѣды раковинъ. Работа сія не есть Трухменцовъ. Жители говорятъ, что кладбище сіе очень древнее и что камни такого свойства находятся на берегу моря. Изъ сего мѣста я опять извѣстилъ письменно маіора Пономарева о себѣ черезъ Трухменца Аширъ-Магмеда, который меня до того мѣста провожалъ.

Напоивъ верблюдовъ, мы еще четыре версты прошли и сдѣлали привалъ часа на полтора; потомъ прошли еще восемь верстъ и остановились передъ вечеромъ. Направленіе наше было въ цѣлый день на О. Въ правой сторонѣ видна была Балканская гора, на покатости коей, по словамъ жителей, есть хорошія пастбища и прѣсныя воды; тамъ пасутся конные табуны ихъ.

23-го, около полуночи, мы поднялись. За часъ до восхожденія солнца мы уже находились при колодцахъ Демурджемъ [1]), отъѣхавши 18 верстъ. Въ семъ мѣстѣ жило до 40 семействъ Трухменскихъ, но кочевье сіе не на большой дорогѣ: оно нѣсколько вправо отъ оной. На дорогѣ же противъ сего мѣста находятся колодцы Ясакджемъ [2]), у которыхъ караваны не останавливаются, потому что вода въ оныхъ солоноватая. Колодцы Демурджемъ находятся на ровной низменности, которая окружена берегами и, кажется, должна быть дномъ бывшаго въ семъ мѣстѣ озера. Такъ какъ я уже двое сутокъ почти совсѣмъ не спалъ, я слѣзъ съ верблюда и бросился на землю. Пока верблюдовъ поили, что̀ продолжалось не болѣе часа, я уснулъ мертвымъ сномъ. Мнѣ представилось, что я прощался со старшимъ братомъ моимъ навсегда, что̀ ѣхалъ на вѣрную погибель, въ вѣчную неволю; когда же я проснулся, я увидѣлъ себя окруженнымъ женщинами и ребятишками, которыя обступили меня и разсматривали. Крутой пе-

[1]) Желѣзо въ сборѣ.

[2]) Ясаки въ сборѣ.

реходъ сей я не могъ скоро постичь; но голосъ Сеида, который уговаривалъ меня скорѣе вставать, напомнилъ мнѣ, что я уже въ рукахъ Трухменскихъ и можетъ быть наканунѣ предвидѣнной неволи. Я не вѣрилъ снамъ, но меня сія мысль занимала нѣсколько дней, и для развлеченія я выдумалъ, сидя на верблюдѣ, читать. Сначала мнѣ сіе показалось трудно, но послѣ я привыкъ. Пустая книга, которую я читалъ (The Vicar of Wekefield), довольно развлекала меня, чтобы не видѣть томительную единобразность природы, въ которой одинъ только движущійся предметъ могъ меня занимать: восходящее и закатывающееся солнце назначало часы отдыха. Я наблюдалъ луну по почамъ. Свѣтила сіи, поручая меня обоюдно другъ другу, показывали мнѣ приближеніе того времени, какъ свершится исполненіе долга моего.

Напоивъ верблюдовъ, мы поѣхали далѣе и сдѣлали привалъ въ шести верстахъ отъ Демурджема, потому что на днѣ сего озера не росло ни прутика; у насъ во всей дорогѣ травы не было, но верблюды также переносятъ хорошо недостатокъ въ пищѣ, какъ и въ водѣ: они ѣдятъ прутья и все, что̀ бы ни попалось въ степи, въ лѣтнее же время могутъ пробыть 20 дней безъ воды. Такъ какъ мы пущались на нѣсколько переходовъ, не имѣющихъ колодцевъ, то мы налили тулуки наши водой изъ Демурджема. Караванъ нашъ еще усилился.

Отдохнувъ часа два, мы пустились въ дорогу и прошли 30 верстъ до захожденія солнца; направленіе наше было O NO ¼ O. Изъ Демурджема я писалъ Пономареву, чтобы имѣли подъ надзоромъ семейство Гекимъ-Али-бая: онъ мнѣ казался съ дурными намѣреніями. Въ теченіи сего перехода мы шли все по днамъ высохшихъ озеръ. Въ 10 верстахъ отъ Джемурджема въ правой рукѣ видно было кочевье при колодцѣ Геройданъ; вода въ опомъ изъ лучшихъ. Довольно странно, что земля сія не вездѣ имѣетъ воду одного свойства; подлѣ копани съ одной соленой водой показывается прѣсная; иные же колодцы имѣютъ до 40 саженъ глубины. Жители не знаютъ, кѣмъ они были вырыты; они сдѣланы на срубахъ и довольно хорошо.

23-го же числа передъ полночью мы пустились въ путь, прошли 28 верстъ по направленію O N и сдѣлали привалъ прежде захожденія солнца. Въ лѣвой сторонѣ, верстахъ въ пяти отъ дороги, видно было большое озеро, называемое Трухменцами Кулп-Дерія (Море Слуги) или Аджи-Куюси (Горькой Колодецъ). Оно имѣетъ миль 10 съ Сѣвера на Югъ. Оно соединено съ Карабогазскимъ заливомъ. Кажется, что сіе обширное озеро неизвѣстно нашимъ землеописателямъ. Карабогазскій заливъ, въ которомъ полагается пучина, еще не былъ осмотрѣнъ нашими мореплавателями. Киржимы обывательскіе ходятъ безъ всякой опасности по берегамъ части залива за ловлею тюленей, но никогда еще суда сіи не дерзнули вступить въ самую оконечность Кули-Деріи.

Жители сами не знаютъ, почему они не дѣлаютъ сего; но они говорятъ о томъ съ мистическимъ видомъ. Какая нужда въ это озеро заѣзжать? говорили они: всѣ животные убѣгаютъ его, степные звѣри боятся пить воду изъ него, она особенно горька и смертельна даже; ни одной рыбы не водится въ сей водѣ. Они полагаютъ, что озеро сіе поглощаетъ воду Каспійскаго моря, потому что теченіе изъ моря въ проливъ Карабогазскій необыкновенно сильное; озеро же Кули-Дерія повидимому уменьшается. Слѣды береговъ онаго очень далеко еще видны. Сѣверный берегъ онаго скалистый. Въ народѣ говорятъ, что птицы, перелетающія сей заливъ, слѣпнутъ.

Близъ привала нашего отдѣлялась одна дорога, которая шла по берегу озера налѣво въ Мангышлакъ. При соединеніи сихъ дорогъ есть большое кладбище; надгробные камни того же рода, какъ и въ Сюйли; жители говорили, что памятники сіи поставлены въ честь Іомудовъ, убитыхъ на семъ мѣстѣ во время нападенія Киргизъ-Кайсаковъ или, какъ они говорятъ, Кыргызъ-Казаховъ.

24. Съ восхожденіемъ солнца мы поднялись и, прошедши 30 верстъ, остановились почти на вершинѣ цѣпи горъ Сарё-Баба [1]). Направленіе сей цѣпи идетъ отъ Сѣвера къ Югу. Въ теченіи сего перехода мы сначала спускались и поднимались по глубокимъ рытвинамъ или оврагамъ, составленнымъ потоками дождевыхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Кули-Дерію. Дорога была очень дурная. Мѣсто сіе называется Белчерингри. Свойство земли, кажется мнѣ, было известковое. Съ половины перехода стали мы подниматься на горы Сарё-Баба, которыя давно уже были видны. Подъемъ сей весьма легкій, хотя и дологъ. Вечерній привалъ нашъ былъ очень безпокойный. Сильный вѣтеръ заносилъ насъ пескомъ, и холодъ былъ довольно сильный; при томъ мы съ трудомъ могли собрать по степи кое-какъ прутьевъ для обогрѣнія себя.

Того же числа передъ полночью мы пошли далѣе и скоро спустились съ сихъ горъ. Спускъ сей довольно крутъ, хотя невысокъ, но дорога такъ хороша, что можно даже подумать, что она сдѣланная. На самой вершинѣ сихъ горъ есть небольшой бугорокъ, называющійся Кыръ [2]), при которомъ дуетъ сильный вѣтеръ во всякое время. На семъ бугрѣ поставленъ памятникъ въ честь родоначальника поколѣнія Трухменскаго Еръ-Сарё-Баба [3]). Многочисленное поколѣніе сіе прежде обитало около Балканскаго залива, теперь перешло къ Бухаріи. Еръ-Сарё-Баба, по словамъ жителей, жилъ въ древнія времена и уважался по добродѣтелямъ своимъ и по многодѣтству. Онъ пожелалъ быть похо-

[1]) Желтый Дѣдъ.
[2]) Безплодное мѣсто.
[3]) Мужъ Желтый Дѣдъ.

роненнымъ на вершинѣ сей горы, близъ дороги, дабы всякій прохожій молился за него, и оставилъ имя свое симъ горамъ. Надробный же памятникъ его состоитъ изъ деревяннаго шеста, къ коему привѣшено нѣсколько тряпокъ разноцвѣтныхъ. Низъ шеста заваленъ каменьями, оленьими рогами и разбитыми черепьями горшковъ. Сіи приношенія дѣлаютъ ему и здѣшніе Трухменцы, хотя они совершенно другаго поколѣнія; никто изъ нихъ не посмѣетъ тронуть сей могилы, близъ которой видно также древнее кладбище.

Спустившись съ горы, казалось, что мы перешли въ другой климатъ: сдѣлалось тихо и тепло. Мы шли сыпучими песками, по коимъ видны были кусты. Наконецъ, 25-го числа, къ 3 часамъ утра, мы прибыли къ колодцамъ Туеръ послѣ 25 верстъ перехода. Направленіе наше было О N. Кибитки сіи принадлежатъ поколѣнію Ата. Народъ сей несильный и обиженъ сосѣдями; они прибѣгаютъ къ покровительству Хивинскаго хана. Они рѣдко дерзаютъ разбойничать, потому что разбросаны, но еще лучше другихъ грабятъ, когда вѣрный случай имъ представится. Одежда ихъ, а особливо лица различествуютъ отъ прочихъ Трухменцовъ. Образъ жизни и нравы ихъ тоже различны. Числомъ ихъ не болѣе 1000 кибитокъ и, казалось бы, что народъ сей долженъ вести начало свое изъ тѣхъ поколѣній, которыя населяютъ всю называемую нами Татарію.

Въ Туерѣ находится 6 колодцевъ съ хорошей водой; но земля въ семъ мѣстѣ совершенно голая, зелени я во всю дорогу не видалъ, а здѣсь и сухаго прутика не примѣтилъ. Неподалеку отъ сихъ колодцевъ есть памятникъ изъ камня, хорошо выстроенный въ честь Трухменца Джафаръ-бая, одного родоначальника въ поколѣніи Іомудовъ. Онъ оставилъ названіе свое храбрѣйшему и многочисленнѣйшему изъ племенъ Іомудскихъ; ихъ считается до 2000 кибитокъ, они имѣютъ нѣкоторое первенство надъ прочими. Проводникъ мой Сеидъ былъ сего поколѣнія и гордился имъ, такъ какъ и прочіе единоплеменники его.

Изъ Туера идутъ двѣ дороги въ Хиву. Настоящая ведетъ прямо, но имѣетъ два неудобства: первое то, что на ней недостатокъ въ колодезной водѣ, а второе то, что она идетъ недалеко отъ кочевьевъ Трухменцовъ поколѣнія Теке, которое есть самое разбойничье, въ вѣчной ссорѣ съ сосѣдями; взаимный грабежъ между ними никогда почти не прекращается, и нерѣдко случается, что Теке разбиваютъ караваны Іомудовъ. Первое неудобство сіе зимою въ счетъ не принимается для хожденія каравановъ, потому что тогда снѣгъ замѣняетъ недостатокъ въ колодцахъ; конные же и лѣтомъ по оной ѣздятъ. Вторая дорога идетъ влѣво, отлоняясь къ С. В—ку. Она двумя сутками ѣзды длиннѣе первой, но имѣетъ больше воды и безопаснѣе; однако Сеидъ зарядилъ въ Туерѣ свое оружіе и совѣтовалъ мнѣ пересмотрѣть свое.

Напоивъ верблюдовъ, мы пошли далѣе. Степь на семъ переходѣ стала покрываться возвышеніями по сторонамъ. Гекимъ-Али-бай продолжалъ вести себя очень грубо противъ меня. Несмотря на опасность въ семъ мѣстѣ, онъ никогда не хотѣлъ, чтобы хоть нѣсколько повременить, дабы намъ вмѣстѣ ѣхать. Я его никогда не просилъ о семъ, видя изъ поступковъ его, что въ случаѣ нападенія на него надежды мало. Я сталъ самъ дальше отъ него держаться и брать по ночамъ осторожности. Свои тюки я всегда складывалъ въ видѣ равелина, держалъ оружіе въ готовности и останавливался съ своимъ караваномъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Одинъ разъ приходили изъ большаго каравана люди, которые совѣтовали мнѣ соединиться съ ними ради опасности. Я отвѣчалъ имъ, что они сами могутъ присоединиться ко мнѣ, если боятся, и они ушли. Однако одинъ старикъ Велъ-Усша, которому весьма хотѣлось чаю пить, перешелъ ко мнѣ съ 16 верблюдами и однимъ работникомъ. Онъ всю дорогу со мной ѣхалъ въ надеждѣ получить богатые подарки отъ меня. Онъ ошибся, а мнѣ удалось поссорить его, также какъ и своихъ проводниковъ, съ Гекимъ-Али-баемъ. Я долженъ былъ сіе сдѣлать, дабы имѣть хорошихъ лазутчиковъ въ Хивѣ и узнавать замыслы его и, можетъ быть, доносы на меня Хивинскому хану, которые бы онъ дѣлалъ, чтобы выиграть у хана и отомстить Сеиду. Онъ примѣтилъ, что я велъ записки дорогою и первый распустилъ о семъ слухъ въ Хивѣ, слухъ, по которому меня засадили.

25-го числа прежде полуночи мы поднялись въ дорогу. Мѣстоположеніе было нѣсколько гористо. Послѣ 23 верстъ хода мы прибыли передъ разсвѣтомъ, 26-го, къ колодцу Диринъ*). Колодезь сей находится въ глубокой балкѣ; онъ обстроенъ камнемъ, вода въ ономъ вонючая и солоноватая; однако мы принуждены были налить ею бурдюки наши, потому что мы отправлялись изъ сего мѣста въ настоящую безводную степь. Диринъ можно назвать границей приморскихъ Трухменцовъ, потому что верстѣ въ $1^1/_2$ отъ сего колодца влѣво находится послѣднее кочевье Іомудовъ, поколѣнія Бага, содержащее до 50 дымовъ. Отъ сего мѣста должна тянуться совершенная пустыня 5 или 6 сутокъ до колодцевъ Бешъ-Дишикъ, которые можно принять за прежнія границы Хивинскаго владѣнія. Сей переѣздъ самый трудный во всей дорогѣ отъ Балкана до Хивы. Балка Диринъ имѣетъ крутые берега и весьма похожа на потокъ рѣки, текшей съ Сѣвера на Югъ въ старинный потокъ, нынѣ сухой, Аму-Дарьи, рѣки, о которой будетъ ниже упомянуто. Недостаетъ воды и зелени, чтобы оживить мѣсто сіе,

*) Глубокій.

прекрасно расположенное; но здѣсь природа мертвая, и кажется никогда жизнь не посѣтитъ сихъ мѣстъ, населенныхъ звѣроподобными людьми.

Въ семъ мѣстѣ Гекимъ-Али-бай, столкнувшись съ моимъ караваномъ, сдѣлалъ мнѣ первое привѣтствіе. Искренность моя не на языкѣ, сказалъ онъ мнѣ, такъ какъ у окружающихъ васъ; но она въ сердцѣ моемъ. Я отворотился и не отвѣчалъ ему. Здѣсь явилось ко мнѣ много охотниковъ ѣхать впередъ къ Хивинскому хану вѣстниками о моемъ прибытіи; но я имъ отказалъ, зная вѣроломство ихъ и безтолочь.

26-го. Дорогой, я встрѣтился съ небольшимъ караваномъ, идущимъ изъ Хивы. Я далъ записку Магометъ-Ніасу, ѣхавшему съ симъ караваномъ, къ маіору Пономареву, въ которомъ извѣщалъ его о благополучной ѣздѣ моей. Я просилъ его захватить сына Гекимъ-Али-бая, если онъ услышитъ, что со мною случилось что нибудь нехорошаго.

27-го, я достигъ наконецъ Бешъ-Дишика *), мѣста гадчайшаго; но тутъ была хорошая прѣсная вода. Я себя уже полагалъ на землѣ Хивинской и превозмогшаго почти $^2/_3$ сего труднаго пути; но что̀ меня всего больше утѣшало было то, что тутъ положенъ у насъ ночлегъ. Я былъ девять дней въ дорогѣ, или качался на верблюдѣ, или пѣшкомъ шелъ. Въ сіи девять сутокъ я почти совсѣмъ не спалъ. Трухменцы находили средство растягиваться на верблюдахъ, но я сего сдѣлать никакъ не умѣлъ, а изрѣдка дремалъ и нѣсколько разъ чуть не свалился съ горы, на которую взбирался. Каждый день я надѣялся уснуть. Мнѣ никогда не удавалось перемѣнить платье, набитое пескомъ и пылью, умыться, напиться чаю на прѣсной водѣ и сварить что нибудь, ибо вся пища моя дорогою состояла изъ черныхъ сухарей и воды. Мнѣ удалось все сіе сдѣлать. Я отдохнулъ, ожилъ и успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, которыя здѣсь пріобщаю.

Послѣдній переходъ сей я почти все ѣхалъ сыпучими песками. Я видѣлъ издали впереди себя отвѣсной высокій берегъ съ большими трещинами, который по словамъ сопутниковъ моихъ былъ прежній берегъ моря. Не доѣзжая 10 верстъ до колодцевъ, я увидѣлъ передъ собой потокъ пребольшой рѣки, котораго ширина была до 100 саженъ, а глубина почти 15. Берега онаго были очень крутые и обросли, такъ какъ и дно, кустами. Сухой потокъ сей шелъ отъ Сѣверо-востока къ Юго-западу, а направленіе наше было почти прямо на Востокъ; поэтому намъ слѣдовало переправиться черезъ оную; но сего никакъ невозможно было сдѣлать за крутизной береговъ и обваловъ. Мы поворотили налѣво и, прошедши версты 3 по самому берегу сей сухой рѣки, между песчаными буграми, нанесенными вѣтромъ въ видѣ морской

*) Пять отверстій.

зыби, вышиною сажени въ двѣ, я остановился на минуту, дабы написать записку къ маіору Пономареву о себѣ съ встрѣтившимся караваномъ на отдыхѣ противъ колодца Сарё-Камышъ, находящагося на днѣ сей сухой рѣки.

Я продолжалъ свой путь все по берегу еще 7 верстъ и пріѣхалъ къ спуску на дно рѣки. Я спустился и расположился ночевать по близости большаго каравана, у колодцевъ Бешъ-Дишикъ. Видѣнной мною такъ называемый морской берегъ шелъ въ паралель рѣкѣ не болѣе какъ въ 12 верстахъ разстоянія отъ оной.

Такъ какъ видъ сего сухаго потока среди ровной степи не измѣнился, а имѣлъ еще изгибы на подобіе рѣки, то я сталъ заключать, что она должна быть древняя Аму-Дарья, объ отысканіи которой Государь Петръ Великой столько старался. Когда я спросилъ у жителей, какъ сіе мѣсто называется, они мнѣ сказали, что это потокъ сухой рѣки, называющейся Усъ-бой. Въ старину же, продолжали они, когда она здѣсь текла, то рѣка сія называлась Аминъ-Дерія. Она впадала въ Балканской заливъ, теперь же она перемѣнила теченіе свое уже съ давнихъ временъ и изъ Хивинскаго ханства идетъ въ сторону Демуръ-Казыка (Желѣзнаго Кола), т. е. на Сѣверъ по направленію полярной звѣзды. По возвращеніи моемъ изъ Хивы я узналъ отъ Кіата, что устье сей рѣки хотя занесено пескомъ, но еще примѣтно и что на берегу оной построена деревянная изба на подобіе Русскихъ избъ, о построеніи коей старики отъ своихъ отцовъ по преданію ничего не знаютъ. Жители же о сю пору не смѣютъ ломать оной, боясь приступиться къ ней, какъ къ какой нибудь святынѣ. Удивительно, что домъ сей такъ долго держится. Впрочемъ онъ не могъ быть построенъ прежде временъ Петра Великаго во время экспедиціи князя Бековича для отыскиванія золотаго песка. Такъ какъ мѣста сіи были прежде населены другими поколѣніями Трухменцовъ, то и немудрено, что жители нынѣшняго Балкана не имѣютъ никакихъ преданій о построеніи сей избы. Что она такъ долго стоитъ, можно приписать къ рѣдкимъ дождямъ случающимся въ тѣхъ странахъ.

Дно сухой Аму-Деріи совершенно другихъ свойствъ отъ степи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно не занесено пескомъ. Въ иныхъ мѣстахъ по оному видна зелень, даже растутъ деревья, есть колодцы съ прекрасной прѣсной водой. Въ Сарё-Камышѣ даже вода, выступивши изъ срубовъ колодца, течетъ ручьемъ по сухому дну рѣки, но подлѣ сего самаго колодца есть другой съ солоноватой водой. При ночлегѣ нашемъ было 6 колодцевъ съ прекрасной водой тоже на сухомъ днѣ рѣки.

Отъ сего мѣста почти до самыхъ настоящихъ границъ Хивинскаго ханства находится довольное количество кустарника по дорогѣ.

Нельзя сказать, чтобы и до сихъ поръ мы нуждались въ оном̀ъ на станціяхъ, исключая 6 или 7 приваловъ.

Пришедъ къ колодцамъ Бешъ-Дишикъ, послѣ прибытія большаго каравана, ночью, я удивленъ былъ, что Гекимъ-Али-бай и братъ его Таганъ-Али встрѣтили меня, сами разъвьючили верблюдовъ моихъ и составили мои тюки. Первый подошелъ ко мнѣ, извинялся въ томъ, что онъ всю дорогу отстранялся отъ меня, говоря, что единственное его желаніе въ томъ состояло, чтобы служить мнѣ, и просилъ меня считать на него какъ на самаго вѣрнаго изъ моихъ служителей. Я принялъ его безъ гордости и напоилъ чаемъ, но не ввѣрился совершенно въ его слова, и въ эту ночь былъ еще осторожнѣе, чѣмъ въ прочія. Вотъ что можно было полагать причиною столь внезапной перемѣны. Если онъ имѣлъ въ самомъ дѣлѣ дурныя намѣренія, то, не могши ихъ привести о сю пору въ исполненіе, онъ, можетъ быть, разсчелъ, что, такъ какъ я былъ уже близко Хивинскихъ владѣній, то ему гораздо выгоднѣе быть полезнымъ мнѣ, полагая, что ханъ меня хорошо приметъ и что ему тутъ тоже что нибудь перепадетъ; онъ же зналъ чрезъ встрѣтившійся съ нами караванъ, что въ Хивѣ носился слухъ о скоромъ прибытіи Россійскаго посла. Слухъ сей дошелъ до Хивы черезъ Трухменцовъ, которые пріѣзжали туда съ Гюргена и Атрека; въ бытность нашу на ихъ берегахъ они замѣтили, что я распрашивалъ о дорогѣ въ Хиву, и догадывались о моемъ намѣреніи, которое я и не скрывалъ. Молва, носившаяся между жителями ханства Хивинскаго была та, что владѣлецъ онаго Магметъ-Рагимъ былъ крайне обрадованъ моимъ пріѣздомъ и ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ, чтобы я ему вручилъ четыре верблюжьихъ вьюка съ червонцами, которые я будто ему везъ отъ Падишаха или Бѣлаго Царя.

Намъ опять предстояло нѣсколько дней идти безъ воды, и такъ 30-го числа мы поднялись съ разсвѣтомъ и, прошедши 25 верстъ, остановились при закатѣ солнца. Переходъ сей былъ довольно занимательный. Выйдя на берегъ сухой Аминъ-Дерьи, мы шли недалеко отъ оной. Въ лѣвой сторонѣ имѣли мы небольшой отвѣсный берегъ предполагаемаго Трухменцами моря, о которомъ я выше упоминалъ. Берегъ сей, коего концы теряются вдали, имѣетъ вездѣ одинаковый видъ и вышины до 20 сажень. Та часть степи, которая за онымъ находится, также ровна какъ и нижняя, по которой мы ѣхали. Ѣдучи подлѣ, мы забавлялись эхомъ, которое чрезвычайно чисто повторяетъ всѣ слова. Послѣ трехъ верстъ берегъ сей сталъ отдаляться влѣво, и я увидѣлъ въ оном̀ъ очень правильно высѣченныя пять отверстій, совершенно вида дверей или входа въ какое нибудь жилище. Къ такимъ чудесамъ непремѣнно принадлежитъ сказка о какомъ нибудь

царѣ. Вотъ что мнѣ проводники мои разсказывали. Сіи пять входовъ называются Бешъ-Дишикъ или Пять Дыръ. По нимъ и названы колодцы, при которыхъ мы ночевали. О семъ же мѣстѣ извѣстно по всему нашему Трухменскому кочевью, что отверстыя дыры сіи ведутъ въ огромнѣйшіе чертоги, въ которыхъ съ давнихъ временъ живетъ съ большимъ своимъ семействомъ, сокровищемъ и съ дочерьми царь, что нѣкоторые дерзновенные испытывали туда заходить, но были въ пещерахъ сихъ невидимой силою связаны по рукамъ и по ногамъ, и такимъ образомъ тамъ погибли. Дабы не испортить сей сказки, я не спросилъ у Трухменцовъ, кто имъ сіе за извѣстіе далъ, если никто оттуда не возвращался. Тутъ пошли разныя сужденія. Это не можетъ быть, сказалъ одинъ. Ты не вѣришь! отвѣчалъ другой. А кто насъ передразнивалъ, когда мы разговаривали и ѣхали подлѣ горы? Онъ симъ озадачилъ невѣровавшаго, которой принужденъ былъ молчать послѣ столь явнаго доказательства.

Отличительная простота сія въ нравахъ Трухменцовъ не мѣшаетъ имъ быть умными и весьма острыми въ отвѣтахъ своихъ; но сей самой простотой можно много успѣть между ними. Султанъ-ханъ, урожденецъ изъ Чика, о которомъ я прежде упоминалъ, прослылъ у нихъ за волшебника: онъ зналъ лечебныя свойства нѣсколькихъ растеній, предсказывалъ будущее по звѣздамъ; его слушали, и онъ привелъ въ повиновеніе три большія поколѣнія Трухменскихъ: Іомудъ, Теке и Кепьёнъ. Поколѣнія сіи прежде всегда были въ междоусобной войнѣ; въ 1813 же году онъ собралъ ихъ и воевалъ противъ Персіянъ.

Однако мнѣ не хотѣлось проѣхать мимо сего очарованнаго мѣста, чтобы не посѣтить стараго царя и не посмотрѣть дочерей-красавицъ его, или увидѣть мѣсто, въ которомъ, можетъ быть, прежде скрывались разбойничьи шайки. Я полѣзъ съ однимъ Трухменцомъ къ симъ большимъ жилищамъ. Они были выше чѣмъ на половинѣ всего берега. Передъ ними былъ слой нѣсколько выдававшійся впередъ, которой былъ длиною сажень до ста и составлялъ родъ галереи передъ сими отверстіями. Рыхлая земля обсыпалась подъ моими ногами и руками; я лѣзъ между берегомъ и отвалившейся сверху скалою, въ тѣсной ущелинѣ. Надъ головой моей висѣлъ ужасной величины камень, который грозилъ паденьемъ, и надобно было проползть черезъ маленькую дыру, дабы выйти на вышеупомянутый уступъ, съ котораго, казалось, легко можно было пройти въ необитаемыя пещеры.

Трухменецъ Кульчи, который впереди шелъ, пробрался сквозь дыру подъ камнемъ, вышелъ на выдавшійся слой и не могъ далѣе по оному идти, потому что въ семъ мѣстѣ онъ прерывался на разстояніи двухъ саженъ. Если бы мы сіе пространство перешли, то непремѣнно

были бы въ пещерахъ, до коихъ только нѣсколько шаговъ оставалось. Я бы превозмогъ сіе затрудненіе посредствомъ веревокъ; но караванъ былъ уже далеко ушедши, и я поторопился нагнать его. Мнѣ казалось, что прежде настоящій ходъ въ пещеры былъ съ сего мѣста, но что его нарочно завалили большимъ камнемъ. Я не знаю, какія дѣлать заключенія о семъ берегѣ, которой весьма похожъ на берегъ моря или большаго озера. Обширность его глазомъ необозрима съ одной точки.

Отъѣхавъ отъ Бешъ-Дишика, я вскорѣ переѣхалъ на другой берегъ Аминъ-Дерьи. Переѣзжалъ тоже чрезъ много водопроводовъ, въ коихъ воды не было, но они весьма хорошо обозначались.

Къ ночи съ 30 Сентября на 1 Октября мы прошли еще 33 версты по направленію SO. На семъ переходѣ былъ у насъ противуположный берегъ предполагаемаго моря. Въ правой сторонѣ на берегу онаго стояли развалины замка *Утинъ-Кала*. Водопроводы сіи и развалины не суть ли явное доказательство, что нынѣшній сухой потокъ Усъ-бой былъ прежде съ водой, и вѣроятно, что рѣка сія называлась Аминъ-Дерья?

Въ ночи съ 1-го на 2-е Октября мы прошли 31 версту и остановились послѣ разсвѣта неподалеку отъ одного мѣста, гдѣ кусты, служащіе пищей для верблюдовъ, были ядовитые. Проводники опасались сего мѣста, дабы не лишиться своихъ верблюдовъ. Передъ самымъ разсвѣтомъ встрѣтились мы съ большимъ караваномъ Трухменцовъ поколѣнія Човдуръ, племени Игдыръ. Верблюдовъ было до 1000, а людей до 200. Они шли съ большимъ шумомъ, пѣли, хохотали, кричали, радовались, что выѣхали изъ Хивинскаго ханства, закупя благополучно хлѣбъ. Они шли на Мангышлакъ. Гекимъ-Али-бай со своимъ караваномъ былъ прошедши впередъ, а я оставался съ своими 4-мя Трухменцами и двумя переманенными. Такъ какъ мы сошлись въ узкомъ мѣстѣ между кустами, то принуждены были выждать, пока тотъ весь большой караванъ пройдетъ. Игдыры, распрашивая нашихъ Трухменцовъ объ ихъ поколѣніи, столпились около насъ и узнали по шапкѣ Петровича, что онъ не Трухменецъ долженъ быть. Они осматривали насъ и распрашивали у проводниковъ что́ мы за люди. Это плѣнные Русскіе, отвѣчали наши; нынче пришли сюда къ берегу. Мы поймали трехъ и ведемъ ихъ продавать. Везите ихъ проклятыхъ невѣрныхъ! отвѣчали Игдыры съ насмѣшкой; мы сами трехъ Русскихъ продали въ Хивѣ за хорошія деньги.

2-го Октября мы прошли 33 версты по направленію SO. Мы встрѣчались со многими караванами, идущими изъ Хивы съ хлѣбомъ. Они сказали намъ, что нынѣ ханъ наложилъ по одному тиллу (4 р. сер.)

на Трухменцовъ съ каждаго приходящаго верблюда; что какъ Трухменцы не хотѣли сей подати платить и просили отмѣненія оной, то ханъ приказалъ удержать прибывшіе караваны, обѣщаясь самъ выѣхать въ крѣпость *Ахъ-Сарай* (Бѣлый Замокъ) для личнаго свиданія съ Трухменскими старшинами, для выслушанія просьбы и принятія подарковъ отъ нихъ; что, не смотря на то, многіе караваны бѣжали; что ханъ уже долженъ быть выѣхавшимъ изъ Хивы и что я съ нимъ непремѣнно встрѣчусь въ Ахъ-Сараѣ. Извѣстія сіи были довольно пріятны для меня, потому что я предвидѣлъ скорой конецъ моему путешествію. Я сталъ сочинять рѣчь для перваго свиданія съ нимъ и далъ ее перевести Петровичу, приказавъ ему выучить ее наизустъ. Но какъ я крѣпко ошибся!

Съ вечерняго привала нашего расходились дороги во всѣ стороны въ разныя кочевья Хивинскаго ханства. Большой караванъ Гекимъ-Али-бая весь разошелся по сторонамъ за покупкой хлѣба, а мы остались одни. По сторонамъ были видны огни выѣзжавшихъ изъ ханства въ степь съ арбами за дровами и для жженія уголья. Тутъ бываютъ очень частые разбои; однако никто къ намъ не подходилъ. Я обрадовался, когда увидѣлъ слѣды колесъ. Я не полагалъ, чтобы со мною могли такъ дурно поступить, какъ то сдѣлали; но я помышлялъ только о томъ, что я опять соединился съ людьми и попалъ въ населенную страну.

Въ ночи съ 2 на 3 мы прошли 29 верстъ по направленію OSO довольно частымъ кустарникомъ, сбились было съ дороги, но опять попали на настоящую послѣ двухъ или трехъ часовъ иска. Поутру мы сдѣлали привалъ, послѣ котораго, поднявшись и прошедши 10 верстъ OSO, пришли къ водѣ, не имѣвъ оной четырехъ сутокъ.

Мы пришли къ водопроводу, выведенному изъ нынѣшней Аминъ-Дерьи рѣки, текущей изъ горъ, лежащихъ на Сѣверѣ отъ Индіи, мимо Бухаріи, Хивой, на восточную сторону города и впадающей въ Аральское море. Водопроводы сіи идутъ черезъ все ханство, которое можетъ имѣть до 150 верстъ въ поперечникѣ въ иныхъ мѣстахъ.

На первомъ водопроводѣ, у котораго мы остановились для напоенія верблюдовъ, жили въ кибиткахъ Трухменцы премножества различныхъ поколѣній. Они поселились въ окрестностяхъ городовъ Хивинскихъ и обрабатываютъ землю; когда же уберутъ хлѣбъ, то ѣздятъ на разбой въ Персію и продаютъ въ Хивѣ привезенныхъ ими невольниковъ.

Селенія въ Хивинскомъ ханствѣ расположены по водопроводамъ, между коими пространства суть песчаныя степи; но земля при сихъ водопроводахъ, обрабатываемая частью обывателями и частью невольниками, представляетъ видъ совершеннаго изобилія. Плодородіе удивительное! Засѣвается жителями Сарочинское пшено, пшеница, кунд-

жутъ, изъ котораго дѣлаютъ масло и джюганъ, дающій круглое зерно поменьше гороховинки, бѣлаго цвѣта и растущее толстыми колосьями на подобіе кукурузы. Джюганъ служитъ для прокормленія лошадей; жители его тоже иногда употребляютъ въ пищу. Хивинцы имѣютъ тоже овощи и плоды всѣхъ сортовъ. Изъ послѣднихъ отличны дыни и арбузы. Дыни сіи бываютъ въ $^3/_4$ аршина и отмѣнно сладкаго вкуса. Скотоводство имѣютъ тоже они очень большое. Оно состоитъ изъ верблюдовъ, рогатаго скота и барановъ, изъ коихъ нѣкоторые необыкновенной величины. Лошади въ Хивѣ отличныя; то еще лучше ихъ считаются тѣ, которыхъ приводятъ Трухменцы съ Гюргена и Атрека. То что̀ онѣ выносятъ неимовѣрно. Когда Хивинцы или Трухменцы ѣздятъ на разбой въ Персію, то онѣ по 8 дней ѣздятъ сряду по 120 верстъ въ сутки, въ безводныхъ степяхъ, бываютъ по 4 дни безъ воды и другой пищи не имѣютъ, какъ 5 или 6 пригоршень джюгану, который онѣ на себѣ везутъ всю дорогу.

Того же 3 числа, поднявшись поутру съ привала, я увидѣлъ передъ собой туманъ, которой занималъ весь горизонтъ. Я ожидалъ восхожденія солнца, но не видалъ его. Когда я прибылъ къ вышеупомянутому водопроводу, я увидѣлъ, что казавшійся мнѣ туманъ не что иное былъ какъ вихрь песчаный, который продолжался безъ остановки цѣлый день. Я попалъ въ сей самый вихрь и не видалъ цѣлый день солнца. Я ѣхалъ отъ водопровода еще 10 верстъ до ночлега. Уши, глаза, ротъ, носъ и волосы мои были совсѣмъ наполнены пескомъ; лицо рѣзало жесточѣе еще мятели. Верблюды наши все отворачивались отъ вѣтра, и песчаный туманъ сей былъ столько густъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи нельзя было предметовъ различить. Часа за два до вечера Сеидъ остановилъ караванъ и пошелъ въ сторону для отысканія пристанища въ видѣнныхъ имъ кибиткахъ. Проходивъ съ часъ, онъ воротился, найдя насъ съ трудомъ, и повелъ къ кибиткамъ. Тамъ жили Трухменцы поколѣнія Куджукъ-Татаръ изъ Іомудовъ племени Кырыкъ, и его старшина Атанъ-Ніасъ-Мергенъ тутъ же находился.

Изъ Трухменцовъ, которыхъ я видѣлъ и знаю, сей мнѣ всѣхъ болѣе понравился. Переселившись въ Хивинскія владѣнія, онъ вступилъ въ службу ханскую и считался у него наѣзднико̀мъ. Онъ ѣздилъ всякую недѣлю на поклонъ къ хану и только что возвратился, когда я къ нему прибылъ. Кочевье его было расположено на водопроводѣ *Даш-Гоусъ* (Каменное Водохранилище). Онъ пригласилъ меня къ себѣ въ кибитку съ гостепріимствомъ, которое знаменуетъ человѣка безкорыстнаго и честнаго, что̀ весьма рѣдко между Трухменцами. Онъ прилагалъ все возможное стараніе, чтобы доставить мнѣ покой: зарѣзалъ лучшаго своего барана, подалъ мнѣ умыться, сварилъ пищи и прогналъ всѣхъ

любопытныхъ, сбѣжавшихся смотрѣть меня. Атанъ-Ніасъ-Мергенъ увѣрилъ меня, что до хана уже дошли слухи о моемъ прибытіи, чтобъ я вѣстника въ Хиву не посылалъ, а ѣхалъ бы прямо въ городъ, по обыкновенію ихъ; подъѣхавши же къ палатамъ ханскимъ, чтобы я объявилъ, что я гость и посланникъ и ожидалъ бы наилучшаго пріема. Я не совершенно вѣрилъ, чтобы такое внезапное прибытіе могло понравиться хану, хозяина же своего благодарилъ за совѣты, которые онъ мнѣ точно отъ чистой души говорилъ. Когда я нѣсколько отдохнулъ, онъ представилъ мнѣ четырехъ сыновей своихъ. Одинъ другаго былъ молодцоватѣе. Они хвастались длинными фитильными ружьями, которыя имъ ханъ подарилъ и прекрасными жеребцами. Втораго сына своего Атанъ-Ніасъ-Мергенъ отправлялъ на дняхъ на разбой въ Астрабадъ съ 30 человѣками, собравшимися идти туда на обыкновенный ихъ промыслъ.

4-го числа мы выѣхали передъ полднемъ, отдохнувъ порядочно. Почтенный хозяинъ мой Атанъ-Ніасъ-Мергенъ провожалъ меня верстъ 12. Настоящей дороги тамъ не было. Намъ надобно было переѣхать степь, заключающуюся между водопроводами Дашъ-Гоусомъ и Ахъ-Сараемъ. Пространство сіе покрыто песчаными буграми. Такъ какъ вѣтеръ продолжался, то насъ опять стало заносить пескомъ, но еще больше прежняго. Но хозяинъ нашъ самъ сбился съ дороги. Тутъ я видѣлъ, какъ вѣтеръ сметаетъ песчаные бугры съ одного мѣста на другое. Если въ степи малѣйшій прутикъ находится, то его заноситъ пескомъ, и въ короткое время бугоръ поспѣлъ. Съ половины дороги хозяинъ оставилъ меня, прося позволенія воротиться. Вѣтеръ сталъ утихать, и я примѣтилъ по сторонамъ нѣсколько разваленныхъ крѣпостей и строеній. Все же мѣсто, по которому я ѣхалъ, было покрыто обломками жженыхъ кирпичей и кувшиновъ. Наконецъ, проѣхавши 24 версты по направленію SO, намъ открылся передъ вечеромъ водопроводъ Ахъ-Сарай, по коему расположено было множество кибитокъ, видны хорошо обработанныя поля и нѣсколько деревьевъ. Мы хотѣли въ тотъ же день добраться по сему водопроводу до деревни, въ которой жили родственники Сеида, но не могли и были принуждены остановиться въ бѣдной Трухменской деревушкѣ. Тутъ уже началось показываться строеніе. Трухменцы жили въ кибиткахъ, а скотину держали въ загороженныхъ четырьмя земляными стѣнами хлѣвахъ. Жители сего мѣста были отдаленнаго поколѣнія, живущаго близъ Бухаріи и не знали поколѣній приморскихъ Трухменцовъ. Они обступили меня и замучили вопросами. Я не нашелъ другаго средства отвязаться отъ нихъ и держать ихъ поодаль, какъ стращая ихъ именемъ Магмеда-Рагимъ-хана, коего я назывался гостемъ. Не менѣе

того они отказали мнѣ въ ночлегѣ, говоря, что они не знаютъ Магмеда-Рагимъ-хана. Такъ какъ я штуцера изъ рукъ не выпущалъ, и началъ шумѣть съ ними, они отошли отъ меня и, собравшись въ кучу поодаль, стали разговаривать между собою, я же сталъ располагаться между ихъ кибитками ночевать, какъ одинъ старикъ подошелъ ко мнѣ и позвалъ меня къ себѣ въ кибитку, говоря, что онъ ее уже очистилъ для меня. Я воспользовался симъ предложеніемъ. Зашедши въ бѣдную кибитку, я сталъ хозяйничать и выгналъ множество любопытныхъ, которые наглымъ образомъ садились около меня и распрашивали. Старый хозяинъ мой съ Китайской рожей самъ не зналъ что̀ у него за люди и счелъ себя весьма счастливымъ, что я его съ дочерью тоже не выгналъ и далъ имъ по стакану чаю. Такъ какъ множество народа обступило мою кибитку, то я приказалъ ночью Трухменцамъ своимъ держать караулъ; они уже важничали передъ прочими своимъ образованіемъ и тѣмъ, что я имъ чаю давалъ пить, и слушались меня; а Петровичъ мой покрикивалъ на нихъ, что̀ я ему при нихъ запрещалъ дѣлать, оправдывая Трухменцовъ. Въ отсутствіи же ихъ я ему приказывалъ не спущать имъ не одной вины, и они боялись Петровича.

Переночевавъ благополучно, 5-го числа съ разсвѣтомъ мы тронулись въ походъ и, прошедши 10 верстъ по каналу, направленіемъ OSO, прибыли къ издали видѣннымъ нами двумъ высокимъ деревьямъ, подлѣ которыхъ жилъ родственникъ Сеида. По мѣрѣ того какъ я больше вдавался по водопроводу внутрь края, я видѣлъ возрастающую обработанность земли; поля съ богатѣйшими жатвами поражали меня противуположностью своею противъ видѣнныхъ мною наканунѣ. Едвали видѣлъ я въ Германіи такое тщаніе въ обработываніи полей какъ въ Хивѣ. Всѣ дома были обведены каналами, по коимъ сдѣланы вездѣ мостики. Я ѣхалъ прекрасными лужайками, между плодовыми деревьями; множество птицъ увеселяло меня пѣніемъ; кибитки и строенія изъ глины, разсыпанныя по симъ прекраснѣйшимъ мѣстамъ, составляли весьма пріятное зрѣлище. Я обрадовался, что попалъ въ такую чудесную землю и спросилъ у проводниковъ своихъ съ выговоромъ, зачѣмъ они сами не обработываютъ такимъ образомъ землю, или, если у нихъ земля ничего не производитъ, то зачѣмъ они въ Хиву не переселяются? «Посолъ», отвѣчали они мнѣ, «мы господа, а это наши работники. Эти сверхъ того боятся владѣльца своего, а мы кромѣ Бога не боимся никого». Въ Хивинскомъ ханствѣ по водопроводамъ въ деревняхъ живутъ большею частію переселенные Трухменцы. Народа по симъ мѣстамъ множество. Они одѣваются хорошо и въ обращеніи гораздо ловчѣе прибрежныхъ Трухменцовъ. Подъѣзжая къ дому Сеи-

дова родственника, я встрѣтился со свадьбой. Разряженная красавица ѣхала на большомъ верблюдѣ, на коемъ было сдѣлано довольно богатое сидѣніе, обшитое все шелковыми матеріями.

Я былъ очень хорошо принятъ родственниками Сеида. Для меня опорожнили маленькую комнату, впрочемъ довольно грязную и темную. Пока я переодѣвался, множество старшинъ собралось, чтобы поздравить меня съ пріѣздомъ. Я впустилъ знатнѣйшихъ къ себѣ и, поговоривъ съ ними нѣсколько, вышелъ къ прочимъ. Всякой дѣлалъ мнѣ привѣтствіе какъ умѣлъ. Ханъ еще не выѣзжалъ изъ Хивы, и я тотчасъ послалъ двухъ изъ собравшихся Трухменцовъ, одного въ Хиву къ хану съ извѣщеніемъ о моемъ прибытіи, а другаго въ ближайшую ханскую крѣпостцу, называющуюся Ахъ-Сарай для извѣщенія тамошняго чиновника ханскаго, родомъ Узбека *). Но я съ прискорбіемъ слышалъ рѣчи Трухменцовъ, разговаривавшихъ обо мнѣ: они хвалили Русскаго посланника и говорили, что онъ не изъ простыхъ людей долженъ быть, ибо знаетъ грамотѣ и у всѣхъ колодцевъ записывалъ глубину оныхъ и разстояніе одного отъ другаго. Слухи сіи дошли до хана и были причиной смертнаго приговора, произнесеннаго на меня какъ на лазутчика. Прибывшій въ тотъ же день Трухменскій старшина Берди-ханъ изъ Хивы явился ко мнѣ. Въ 1812 г. онъ служилъ у Персіянъ, былъ раненъ Русскими и взятъ въ плѣнъ, служилъ два года у генерала Лисаневича и, возвратившись въ родину свою, бѣжалъ въ Хиву. Разспросивъ его нѣсколько объ ханѣ, я его отпустилъ, обѣщавъ ему по просьбѣ его дать выпить стаканъ водки, если пріѣдетъ ко мнѣ. Я его больше не видалъ.

Я хотѣлъ въ тотъ же день ѣхать въ Хиву (мнѣ оставалось еще до 40 верстъ), но Сеидъ мой никакъ не далъ мнѣ этого сдѣлать. Я сердился, сталъ кричать на него, и онъ принужденъ былъ послать отыскивать лошадей; но между тѣмъ, кажется, приказалъ посланному не находить ихъ. Мнѣ кажется, что ему хотѣлось продержать меня тутъ, чтобы выхлопотать подарокъ родственникамъ своимъ. Немудрено тоже, что черезъ мое ходатайство ханъ проститъ имъ наложенную на верблюдовъ ихъ подать. Они заговаривали мнѣ о томъ, но я притворился будто не понимаю ихъ и отдѣлался.

И такъ я принужденъ былъ весь день тутъ остаться. Я ходилъ прогуливаться, и толпа за мной шла. Одинъ Трухменецъ, прекрасно одѣтый и очень бойкій, служащій въ войскѣ ханскомъ, разговаривая со мной, сталъ смотрѣть мои пуговицы на сюртукѣ, и безъ дальнихъ околичностей, дабы удостовѣриться серебрянныя ли онѣ, сталъ ихъ поворачивать на всѣ стороны. Чтобы онъ отъ меня отсталъ, я спро-

*) Узбекъ значитъ: самъ себѣ господинъ.

силъ у него съ насмѣшкой, что Хивинское серебро одинаковаго ли цвѣта съ нашимъ? Всѣ засмѣялись; а любопытный, оставивъ меня и ударивъ рукой по эфесу своей сабли, отвѣчалъ мнѣ: «Господинъ посланникъ, мы Трухменцы люди простые, намъ такія вещи прощаютъ; но насъ уважаютъ за храбрость нашу и за остріе кривой сабли нашей, которая всегда предстоитъ къ услугамъ хана».—«Она также предстоитъ къ услугамъ нашего Бѣлаго Царя», отвѣчалъ я, «съ тѣхъ поръ какъ черезъ мое посредничество установится миръ и доброе согласіе между обѣими державами».

Я легъ довольно поздно и началъ засыпать, какъ вдругъ оповѣстили меня о прибытіи ко мнѣ чиновника изъ Хивы отъ Магмедъ-Рагимъ-хана. Вошелъ молодой человѣкъ, видный собою; съ нимъ былъ другой пожилыхъ лѣтъ. Они сѣли подлѣ моей постели, и молодой началъ меня распрашивать отъ имени хана о причинѣ моего пріѣзда и о видахъ правительства нашего. Я ему отвѣчалъ, что о семъ я самъ сообщу лично хану или тому человѣку, которому онъ мнѣ лично прикажетъ сіе сказать; что впрочемъ я имѣю письма къ Мегмедъ-Рагиму, коихъ содержаніе мнѣ неизвѣстно было. Абдуллѣ (онъ такъ назывался) показалъ я запечатанныя письма и приказалъ ему о семъ хану донести. Удивительно, продолжалъ онъ, что отъ Бѣлаго Царя съ двухъ сторонъ посланники пріѣхали; у насъ есть въ Хивѣ четыре посланца вашихъ. Вѣдь и вы тоже Бѣлому Царю служите? Я старался его увѣрить, что то не могли быть посланцы, а какіе-нибудь бѣглые, которые назвались такъ, и что ихъ надобно остановить; что если они самозванцы, то я ихъ перевяжу и отправлю въ Россію. Абдулла увѣрялъ меня, что они тоже Русскіе посланники (я послѣ узналъ, что то были нашихъ четыре Нагайца, пріѣхавшихъ съ письмомъ къ хану). Пьете ли вы чай? спросилъ у меня Абдулла. Если пьете, то велите чайникъ для меня поставить.—Мы пьемъ чай днемъ, а не въ полночь, отвѣчалъ я; а такъ какъ я не совсѣмъ здоровъ и усталъ съ дороги, то вы бы меня обязали, еслибы оставили въ покоѣ. Прощайте! Онъ всталъ и ушелъ. Я послѣ узналъ, что этотъ Абдулла сынъ какой-то знатной особы, прежде при ханѣ служившей, что никогда ханъ его ко мнѣ не посылалъ, но что весь допросъ его былъ сдѣланъ по одному его любопытству, что онъ тогда мимо Ахъ-Сарая ѣхалъ и заѣхалъ изъ любопытства посмотрѣть меня.

Въ тотъ же самый день я узналъ, что двое Русскихъ, слышавшіе о прибытіи судна къ берегамъ Трухменскимъ, наканунѣ прибытія моего въ Ахъ-Сарай, бѣжали къ берегу, оставивъ женъ своихъ и дѣтей. Ихъ однакоже послѣ поймали. Хивинцы имѣютъ много невольниковъ Русскихъ (которыхъ имъ продаютъ Киргизы, хватая ихъ на

Оренбургской линіи), Персидскихъ и Курдинскихъ, доставляемыхъ имъ Трухменцами въ большомъ количествѣ. Обращеніе съ сими невольниками самое жестокое: по малѣйшему подозрѣнію ихъ о побѣгѣ, они наказываютъ ихъ жестокимъ образомъ; если же сіе во второй разъ случится, то прибиваютъ ихъ гвоздемъ въ ухо къ дверямъ и оставютъ въ такомъ положеніи трое сутокъ; если они вынесутъ такое наказаніе, то продолжаютъ по старому мучиться въ неволѣ.

6-го числа поутру достали мнѣ наемныхъ лошадей, дабы ѣхать въ Хиву; но прежде сего я былъ приглашенъ на завтракъ къ одному старшинѣ, и отъ того я промедлилъ часа два. Еслибы сего не случилось, то обстоятельство мои приняли бы совершенно другой видъ, и я въ тотъ же день былъ бы въ Хивѣ. Немудрено, что ханъ, удивленный моимъ внезапнымъ прибытіемъ, принялъ бы меня хорошо и скоро отпустилъ. Возможно и то было, что народъ разорвалъ бы меня до въѣзда въ городъ, можетъ быть и по повелѣнію хана, до котораго бы вдругъ дошли слухи, что Русскіе пришли въ Хиву отмщать за кровь Бековича. Такого рода слухи въ Хивѣ весьма легко распространяются, и владѣлецъ, не видавшій никогда ничего болѣе своего малаго ханства и степей, оное окружающихъ, могъ бы легко повѣрить сему. Я не отъѣхалъ еще восьми верстъ, какъ меня нагналъ конный человѣкъ, скачущій во весь духъ. Онъ просилъ меня отъ имени ханскаго остановиться, потому что меня нагоняли два чиновника, посланные прошлую ночь изъ Хивы для отысканія меня. Я подождалъ, и вскорѣ пріѣхали ко мнѣ сіи два человѣка. Съ ними было человѣка 4 конныхъ. Старшій изъ нихъ былъ человѣкъ маленькаго роста, лѣтъ подъ 60, съ длинной сѣдой бородой. Онъ смотрѣлъ совсѣмъ обезьяной, нѣсколько заикался, говорилъ скоро, и изо всякаго слова видно было въ немъ мерзкаго и пустаго старичишку, алчнаго къ деньгамъ. То былъ нѣкій Атъ-Чанаръ-Ала-Верди *). Атъ-Чанаромъ его звали потому, что ханъ его всегда употреблялъ какъ разъѣзжаго съ приказаніями его. Другой былъ высокаго роста и толстый, съ маленькой бородкой, но благородной и скромной осанкою; рѣчи его соотвѣтствовали наружности его, а послѣ и поступки его таковыми же оказались. Его называли Ешъ-Незеръ; ему было за 30 лѣтъ; званіеего было юзъ-баши, что по переводу значитъ сотникъ; но въ Хивѣ названіе сіе принадлежитъ не сотеннымъ начальникамъ которыхъ нѣтъ, а военнымъ чиновникамъ, коимъ ханъ повѣряетъ отряды различныхъ силъ во время войны.

Атъ-Чанаръ, какъ я послѣ узналъ, родомъ изъ Персіянъ Астрабадскихъ; его увезли маленькаго въ плѣнъ; онъ принялъ законъ Сюйли и женился. Сынъ его Ходжашъ-Мегремъ оказалъ разъ въ сраженіи

*) Атъ-Чанаръ—скачущая лошадь; Ала-Верди—Богъ далъ.

какую-то важную услугу хану и попался къ нему въ любимцы *); вскорѣ онъ получилъ управленіе таможни, сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ ханствѣ и, получивъ совершенную довѣренность ханскую, онъ вывелъ въ люди отца своего и братьевъ. Ханъ подарилъ ему много земли и водопроводовъ; онъ еще болѣе купилъ и теперь считается третій изъ самыхъ значущихъ особъ при ханѣ. Такъ какъ онъ имѣлъ торговыя сношенія съ Астраханью, то просилъ хана, чтобы я у него былъ гостемъ, пока не рѣшатъ что-нибудь на счетъ моей участи, вѣрно въ надеждѣ получить подарокъ, буде дѣла хорошо пойдутъ или прислужиться хану удушеніемъ меня, если сіе ему бы угодно было. По сему самому Атъ-Чанаръ-Ала-Верди объявилъ мнѣ приказаніе ханское ѣхать съ нимъ въ деревню его Иль-Гельди, гдѣ все приготовлено было для пріема моего. Мы ѣхали верстъ 18 прекрасными населенными мѣстами; въ одномъ мѣстѣ только переѣзжали песчаную степь, заключающуюся между двумя водопроводами. Погода была прекрасная. Я увидѣлъ издали крѣпостцу, къ одному концу которой примыкалъ садикъ: это была крѣпостца Иль-Гельди. Четыре башни были по угламъ, стѣны вышиною въ 3 съ полов. сажени. Она была построена изъ глины, смѣшанной съ камнемъ. Въѣздъ въ оную былъ въ большіе ворота съ висячимъ замкомъ; длина бока сей крѣпостцы не имѣла болѣе 25-ти сажень. Крѣпостца сія не принадлежала хану, а Ходжашъ-Мегрему. Въ Хивѣ у всѣхъ почти помѣщиковъ есть такого рода строенія безъ бойницъ; внутри дѣлается небольшой бассейнъ, нѣсколько дворовъ, покои, кладовыя, мельницы и мѣста для храненія скота. Обыкновеніе сіе должно имѣть начало свое въ безпрерывныхъ безпокойствіяхъ, терзающихъ народъ. При смерти владѣльцевъ дѣлались междоусобныя войны, и въ мирныя времена нерѣдко случалось, что тамошніе же Турхменцы грабили Хивинцовъ. Такого рода крѣпостца, заключающая въ себѣ запасъ или хозяйство, могла всегда нѣсколько дней держаться противъ небольшой толпы Трухменцовъ. Въ Иль-Гельди было человѣкъ 50 или 60 жителей, которые частью занимали комнаты, а частью помѣщались въ кибиткахъ, поставленныхъ на дворѣ. Тутъ были и жены ихъ. Въ противной стѣнѣ отъ воротъ была башня съ маленькой комнатою, которая вела за крѣпостцу въ садикъ, въ которомъ былъ маленькой грязный бассейнъ, нѣсколько деревьевъ и хорошій виноградникъ. Садъ сей былъ окруженъ стѣною вышиной сажени въ полторы, а къ стѣнѣ примыкали съ наружи домъ какого-то муллы и мечеть.

Пріѣхавши въ Иль-Гельди 6-го числа Октября, я былъ встрѣченъ братомъ Ходжашъ-Мегрема, сыномъ Атъ-Чанара, Сеидъ-Незеромъ. Онъ

*) Мегремъ значитъ любимецъ.

служилъ помощникомъ у брата своего въ таможнѣ. Сеидъ-Незеръ имѣлъ длинное лицо. Онъ былъ хорошъ собой, но нравъ его былъ крутой и дерзкій. Вся эта Персидская порода Атъ-Чанара была съ длинными бородами, что̀ въ Хивѣ очень рѣдко; она сверхъ того отличалась своею алчностью къ деньгамъ: свойство обыкновенное таможенныхъ чиновниковъ во всякомъ царствѣ. Однако мнѣ въ тотъ день дѣлали всякія вѣжливости. Сеидъ-Незеръ, сказавши мнѣ поклонъ отъ хана и старшаго брата своего, привезъ съ собою самоваръ, чаю и сахару; сварили для меня пловъ, принесли всякихъ плодовъ и помѣстили въ особую комнату. Дни были теплые, и потому холодный и темный, невыбѣленный чуланъ сей казался мнѣ сноснымъ. Я выходилъ на дворикъ, а иногда и въ садъ, хотя все подъ карауломъ. Я сперва считалъ сіе за почесть, но послѣ увидѣлъ, что я въ плѣну. Меня увѣряли, что на другой день ханъ меня позоветъ; но настало 7-е число, и никто меня не требовалъ. Пріѣхалъ изъ Хивы Якубъ, третій сынъ Атъ-Чанара, который объявилъ мнѣ, что на другой день меня ханъ непремѣнно потребуетъ.

8-го пріѣхалъ ко мнѣ нѣкто Якубъ-Бай, человѣкъ ѣздившій въ Астрахань и знавшій нѣсколько словъ порусски. Онъ торговалъ въ Астрахани, промотался и возвратился въ Хиву безо всего, пристроился къ таможнѣ и сталъ поправляться. Якубъ-Бай пріѣхалъ отъ хана, дабы узнать, кто я таковъ, съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ, какія суть мои препорученія, и требовалъ сверхъ того, чтобы я далъ ему бумаги для врученія ихъ хану. Я раскричался на Якубъ-Бая, говоря ему, что я ни къ кому больше не посланъ какъ къ хану, что если онъ самъ не хочетъ видѣть меня, то бы отпустилъ меня обратно. «Впрочемъ», сказалъ я Якубъ-Баю, «ты можешь сказать хану, что я имѣю къ нему два письма и подарки, первое письмо отъ сардаря земель заключающихся между Каспійскимъ и Черными морями, а другое отъ маіора Пономарева, управляющаго однимъ изъ ханствъ, подвластныхъ нашему сердарю». Якубъ-Бай всталъ сердитый и ушелъ.

Съ этимъ Якубъ-Баемъ пріѣхалъ еще одинъ Якубъ, родомъ Жидъ, но уже давно переведенный въ Магометанскую вѣру. Жидъ сей ѣздилъ въ Оренбургъ и Астрахань, гдѣ его называли Яковъ Ивановичемъ, но я его назвалъ Яковъ Андреевичъ. Когда я его симъ именемъ звалъ, то онъ откликался, снимая шапку: «Здравствуй, хозяинъ!» Онъ ко мнѣ хаживалъ и разсказывалъ о торговыхъ дорогахъ Хивы въ Россію и въ Кашемиръ; братъ его нѣсколько разъ ѣздилъ въ сей городъ.

Четверо Трухменца моихъ имѣли позволеніе выходить всюду къ своимъ родственникамъ. 9-го числа Абдулъ-Гуссейнъ ходилъ на ближайшій базаръ (Казаватъ называющійся). Базаровъ сихъ нѣсколько

въ Хивинскомъ ханствѣ; ихъ можно лучше назвать ярмаркою, на которую всякую недѣлю пріѣзжаетъ нѣсколько купцовъ. Онъ воротился съ извѣстіемъ, что ханъ выѣхалъ изъ Хивы и будетъ меня принимать въ особой крѣпостцѣ, неподалеку отъ Иль-Гельди находящейся. Я сообщилъ извѣстіе сіе приставамъ своимъ Атъ-Чанару и юзъ-башѣ. Они меня увѣряли, что этотъ слухъ несправедливый; но я узналъ послѣ, что когда Якубъ-Бай ко мнѣ пріѣзжалъ, то ханъ уже былъ выѣхавши. Въ тотъ же вечеръ мнѣ объявили, что ханъ выѣхалъ на охоту и пробудетъ въ степи 12 дней, по возвращеніи же своемъ намѣревался меня тотчасъ же потребовать и отпустить. Между тѣмъ обращеніе со мной становилось всякой день грубѣе, а пища умѣреннѣе. Чай совсѣмъ прекратили; не стали дровъ давать на вареніе пищи, ничего не позволяли мнѣ покупать сначала, наконецъ уже разрѣшили мнѣ на свой счетъ; потому Атъ-Чанаръ, дѣлавшій закупки для моего прокормленія, наживался отъ моихъ денегъ. Я просилъ лошади, чтобы прогуляться нѣсколько въ степи: мнѣ отвѣчали, что ханъ запретилъ меня выпускать. Я не могъ ни на минуту отлучиться изъ своей комнаты, чтобы не имѣть двухъ сторожей за собой. Ко мнѣ старались пробраться Трухменцы пріѣхавшаго со мной каравана: поставили сторожа къ воротамъ, чтобы никого ко мнѣ не впущать. Ночью лежалъ у порога моихъ дверей человѣкъ, котораго я непремѣнно долженъ былъ разбудить отпирая дверь. Я слышалъ отъ своихъ Трухменцовъ, выѣзжавшихъ на базаръ, что по пріѣздѣ моемъ ханъ сбиралъ совѣтъ, на который пригласилъ людей ханства. Старшій братъ его Кутли-Мурадъ-Инахъ, намѣстникъ его, начальствующій въ городѣ Ургенджѣ, и главная духовная особа, Кази, долго разговаривали обо мнѣ, и неизвѣстно чѣмъ рѣшился совѣтъ. Черезъ нѣсколько дней однакоже я узналъ черезъ родственниковъ моихъ Трухменцовъ, изъ коихъ одинъ былъ случайно у хана, что Магмедъ-Рагимъ, узнавши о томъ, что я дорогою записки велъ, называлъ меня лазутчикомъ. Трухменцы, привезшіе его, говорилъ онъ, не должны были его допускать до моихъ владѣній, а убить и представить ко мнѣ подарки, которые онъ везетъ. Но такъ какъ онъ уже пріѣхалъ, то дѣлать нечего, и я бы желалъ знать, какой совѣтъ мнѣ дастъ Кази.—Онъ невѣрный, отвѣчалъ Кази: его должно отвести въ поле и зарыть живаго.—Я тебя полагалъ умнѣе меня, сказалъ ему ханъ, а вижу, что въ тебѣ совсѣмъ ума нѣтъ: если я его убью, то на будущій годъ Государь его, Бѣлый Царь, повытаскаетъ женъ моихъ изъ гарема. Я лучше приму его и отпущу, а между тѣмъ пущай его посидитъ; надобно развѣдать отъ него, за какимъ онъ дѣломъ сюда пріѣхалъ, а ты пошелъ вонъ! Иные полагали въ совѣтѣ, что я пріѣхалъ за выручениемъ Русскихъ неволь-

никовъ изъ Хивы; другіе полагали, что я пріѣхалъ требовать удовлетворенія за сожженіе двухъ судовъ Русскихъ въ Балканскомъ заливѣ, что̀ случилось лѣтъ десять тому назадъ. (Сіе сдѣлали Трухменцы поколѣнія Ата, которые, будучи прогнаны съ тѣхъ береговъ Іомудами, стали повиноваться Магмедъ-Рагиму). Другіе же думали, что я пріѣхалъ требовать воздаянія или мщенія за убіеніе князя Бековича, въ 1717 г. случившееся. Говорили также, что къ берегамъ Трухменскимъ пришелъ большой флотъ, что начали большую крѣпость строить, коей половина была уже сдѣлана, а что я, узнавъ доро́ги, на будущій годъ прійду съ войскомъ. Многіе думали, что, будучи въ войнѣ съ Персіянами, главнокомандующій нашъ хотѣлъ склонить Хивинскаго хана къ вспомоществованію намъ въ сей войнѣ. Говорили, что даже Русскіе войска заняли крѣпость Ахъ-Кала близъ Астрабада; но всѣ почти были того мнѣнія, чтобы меня казнить, или тайно убить, или взять въ невольники. Слухи сіи тревожили хана. Онъ не зналъ, что̀ предположить и, не смѣвъ ничего предпринять надо мной, рѣшился оставить меня впредъ до разрѣшенія, ожидая, чтобы что-нибудь такого оказалось. Ко мнѣ были подосланы сюда для развѣдыванія цѣли Русскаго правительства, но я ничего не открывалъ.

Слухи же о семъ неистовомъ совѣтѣ не могли не тревожить меня. Я не хотѣлъ сперва вѣрить имъ, но послѣ удостовѣрился въ справедливости оныхъ. Я помышлялъ о побѣгѣ; неудаченъ бы онъ былъ, мнѣ все равно было: я предпочиталъ умереть въ степи съ оружіемъ въ рукахъ поносной, мучительной смерти на колу. Если бы мнѣ удалось добраться до берега къ судну, я думалъ о томъ, что не смѣлъ показаться къ Алексѣю Петровичу, не отдавъ писемъ хану и не получивъ отвѣта. И такъ я рѣшился остаться. Пересмотрѣвъ оружіе свое, зарядилъ его и былъ въ готовности защищаться, если бы на меня сдѣлали нападеніе. Вѣрно, смерть моя не дешево бы Хивинцамъ обошлась. Со мной была къ счастью книга Попа, переводъ Иліады. Я всякое утро выходилъ въ садъ и занимался чтеніемъ оной.

12-го числа Октября ввечеру пришелъ ко мнѣ одинъ изъ Трухменцовъ моихъ Кульчи и принесъ мнѣ нѣсколько яицъ и сушеныхъ плодовъ. Онъ сказалъ мнѣ, что ему препоручено было вручить сіе отъ одного Русскаго, который къ воротамъ крѣпости подходилъ и просилъ меня выдти съ нимъ поговорить. Я не могъ сего сдѣлать и отпустилъ его.

13, 14 и 15 чиселъ ничего не случилось. Я размышлялъ на счетъ своего положенія. Я думалъ, что если меня жизни не лишатъ, а просто въ невольники возмутъ, то положеніе мое еще не самое плохое бы было, и почти лучше того, въ которомъ я находился: я имѣлъ бы

волю выходить, видаться съ отечественниками нашими, и я намѣревался при первомъ случаѣ взбунтовать всѣхъ невольниковъ Русскихъ и Персидскихъ, свергнуть хана и, сдѣлавшись начальникомъ, привести Хиву въ подданность Россіи. Мечты сіи занимали меня и были самыя пріятныя. Другія мысли, которыя меня посѣщали, были весьма грустныя: я не надѣялся никогда почти видѣть родину свою; глаза мои не могли сомкнуться по ночамъ; я думалъ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ, дабы нѣсколько вооруженныхъ людей ворвались въ мою комнату, дабы скорѣе рѣшить участь мою; штуцеръ мой, шашка и кинжалъ были заготовлены для нихъ, а пистолетъ для себя собственно. Къ разсвѣту я засыпалъ, а поутру видѣлъ съ прискорбіемъ, что зима приближалась, листья сваливались съ деревьевъ, утренники становились свѣжѣе, особливо въ Ноябрѣ, и я тогда полагалъ, что ледъ понудитъ судно воротиться и бросить меня на истребленіе злодѣямъ, у которыхъ я въ рукахъ находился. Положеніе мое продолжалось 48 дней. Я не буду упоминать о нуждахъ тѣлесныхъ, переносимыхъ мною; я узналъ объ нихъ только тогда, когда сталъ лучшее видѣть. Огорченіе же вѣчнаго заточенія, котораго я ожидалъ и разлука съ отечествомъ сильно дѣйствовали на меня; я видѣлъ положеніе несчастныхъ Русскихъ въ Хивѣ, но не могъ имъ помочь. Я былъ даже лишенъ послѣдняго наслажденія—трубки. Табакъ мой весь вышелъ, водки уже давно не было: я испоилъ ее Хивинцамъ, которые приходили тайкомъ ко мнѣ за оной, и развѣдывалъ отъ нихъ разныя вѣсти. Я не смѣлъ коснуться небольшаго мѣшка съ ржаными сухарями, который я еще съ судна привезъ, сберегая ихъ на случай побѣга.

Оставя повѣствованіе о бѣдствіяхъ со мною случившихся, примусь за описаніе происшествій.

16-го числа прибылъ въ Иль-Гельди сынъ Ходжашъ-Мегрема, Абтессаръ, мальчикъ 10 лѣтъ, котораго ханъ очень любилъ и заставлялъ всегда у себя въ шахматы играть. Отецъ его прислалъ мнѣ сказать, что онъ самъ скоро будетъ ко мнѣ; но я уже не вѣрилъ симъ лганьямъ, будучи столько разъ обманутъ. Я не думалъ однакоже, чтобы изъ окружавшихъ меня не было ни одного, котораго нельзя бы склонить къ поданію мнѣ какого-либо справедливаго извѣстія. Братья Ходжашъ-Мегрема и многіе другіе чиновники пріѣзжали часто ко мнѣ, надоѣдали мнѣ, пили мою водку и уѣзжали. Я разъ собралъ всѣхъ къ себѣ и подарилъ всякаго чѣмъ нибудь; никто не смѣлъ со мною говорить, опасаясь доноса свидѣтелей. Тогда сыскался одинъ бѣдный Бухарецъ Бай-Магметъ, который выѣхалъ уже 17 лѣтъ изъ родины, сбираясь въ Мекку, и застрялъ въ Иль-Гельди, гдѣ онъ дѣлалъ кушаки. Я ему подарилъ ножницы. Онъ хаживалъ ко мнѣ потихоньку и говорилъ, что

зналъ. Онъ немного зналъ, но по крайней мѣрѣ я развѣдалъ черезъ него о ссорѣ, которую юзъ-баша имѣлъ съ Атъ-Чанаромъ за меня. Я узналъ, что настоящій приставъ мой былъ юзъ-баша, человѣкъ добрый и честный, но очень скромный. Ему приказано было надо мной имѣть самый строгой надзоръ. Я сталъ приглашать его къ себѣ одного; онъ боялся сего и, узнавая, что особаго дѣла у меня нѣтъ съ нимъ, онъ боялся тайныхъ свиданій. Атъ-Чанаръ за нимъ строго смотрѣлъ и вслѣдъ за нимъ всегда вбѣгалъ ко мнѣ; но Атъ-Чанаръ что́ стерегъ? Онъ боялся, чтобъ я юзъ-башѣ не сдѣлалъ особаго подарка! Замѣтивъ его жадность, я разъ призвалъ Атъ-Чанара къ себѣ и подарилъ ему сверхъ прежняго куска сукна, даннаго ему, еще штуку холста, чтобы онъ никому этого не говорилъ, а особливо юзъ-башѣ. Старикъ схватилъ холстъ подъ полу и выбѣжалъ самымъ воровскимъ образомъ, спряталъ его, пошелъ и сѣлъ подлѣ юзъ-баши, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Я не упустилъ сообщить сей поступокъ юзъ-башѣ, который смѣялся отъ чистой души, презирая Атъ-Чанара и все семейство его, которое онъ очень не любилъ.

По пріѣздѣ моемъ я подарилъ юзъ-башѣ и Атъ-Чанару по куску сукна, которые хранились въ кладовой за ключемъ Магметъ-Аги, прикащика Атъ-Чанара. Случилось, что отъ куска юзъ-баши отрѣзано было ½ аршина, коихъ воръ очутился Атъ-Чанаръ. Они побранились. Сверхъ того я жаловался юзъ-башѣ о недостаткѣ и нуждѣ, въ которыхъ я находился, о грубомъ обращеніи со мной. Его польстила довѣренность сія; онъ поссорился явно съ Атъ-Чанаромъ, такъ что уже послѣдній не сталъ за нимъ бѣгать. Всякій день я подсылалъ Петровича поджигать ихъ. Юзъ-башу выводили въ садъ и допытывались отъ него. Тутъ я узналъ, что день пріема моего никакъ не былъ назначенъ; но онъ утѣшалъ меня тѣмъ, что я каждый день надѣяться долженъ быть призваннымъ ханомъ, что вѣроятно онъ по возвращеніи своемъ не оставитъ меня и не уѣдетъ опять на охоту, потому что молва пронесется въ народѣ, что онъ боится Русскаго посланника и, не умѣвъ отвѣчать ему, бѣжалъ въ степи.

При этихъ случаяхъ мнѣ удавалось тоже распрашивать его объ Хивинскомъ ханѣ и сношеніяхъ его съ сосѣдями. Я узналъ, что юзъ-баша прежде бѣжалъ изъ Хивы, дабы избѣгнуть казни, въ Бухару, гдѣ прожилъ два года, и послѣ возвратился по повтореннымъ письменнымъ увѣреніямъ хана. Я тутъ въ первый разъ узналъ, что онъ родственникъ втораго визиря Кушъ-Беги *). Юзъ-баши чувствовалъ всю тягость ихъ правительства, кажется не любилъ хана, но никогда въ словахъ своихъ не произнесъ ни одной хулы на его счетъ; онъ мнѣ только говорилъ, что окружающіе хана боятся его, такъ что они не

*) Господинъ надъ птицами, званіе оберъ-егермейстера.

смѣютъ даже ему слова сказать за меня; но онъ обнадеживалъ меня, что дѣла возмутъ хорошой оборотъ.

Когда юзъ-баша сталъ мнѣ нѣсколько довѣрять, я сталъ спокойнѣе. Если я самъ не могъ съ нимъ имѣть свиданія, то отправлялся къ нему Петровичъ. Изъ лица его можно видѣть было, хороши ли были извѣстія изъ Хивы, или нѣтъ; онъ бралъ истинное участіе въ моемъ положеніи. (Онъ послѣ находился въ Тифлисѣ, будучи назначенъ посланцемъ отъ Хивинскаго хана къ главнокомандующему; онъ признавался мнѣ на дорогѣ, что слухи, узнанные мной въ Хивѣ о собранномъ на мой счетъ совѣтѣ, были справедливы).

Мои Трухменцы, видя тѣсное мое положеніе, показывали мнѣ меньше уваженія; они старались отдѣлаться отъ меня, опасаясь вмѣстѣ со мной пострадать. Когда ходили они на базаръ, народъ толпился около нихъ и спрашивалъ, когда назначенъ день для казни посланника. Иные спрашивали у нихъ, правда ли, что посланника въ прошлую ночь задушили. Старшины уговаривали ихъ бѣжать, и потому тоже, что ханъ былъ крайне раздраженъ на Іомудовъ за то, что они еще о сю пору не заплатили наложенной на нихъ пени съ приходящихъ каравановъ (по 4 серебромъ съ верблюда). Сеидъ сталъ дерзокъ становиться и крайне неучтивъ, думая воспользоваться обстоятельствами. Слѣдующій случай покажетъ, до какой степени дошли его дерзости. Онъ долго не продавалъ невольницу свою Курдинку Фатьму, возилъ ее по базарамъ и деревнямъ, но не получалъ требуемой имъ цѣны; насчастная же сія жила въ другой комнатѣ съ Трухменцами, а когда они уходили, то вѣчно тамъ были крикъ, слезы, хохотня и возня отъ Хивинцовъ, пристававшихъ къ ней. Я посылалъ Петровича разгонять ихъ; но одинъ разъ ее бѣдную довели до того, что она бѣжала, обѣщаясь убить себя, если ея не продадутъ вскорѣ. Сеида дома не было; когда онъ возвратился, я ему сказалъ съ сердцемъ, что поведеніе его мнѣ совсѣмъ не нравилось, чтобъ онъ перемѣнилъ оное, слушался бы меня, не забывался и продалъ бы женщину эту, которой присутствіе намъ только стыдъ наноситъ. Выслушавъ меня, онъ всталъ. Прощай Мурадъ-бегъ, сказалъ онъ мнѣ, я тебѣ служилъ о сю пору; но если ты хочешь на такой ногѣ со мной обращаться, то я тебя оставляю. Фатьма моя невольница, и я ее продамъ, когда и кому захочу. Прощай! и вышелъ. Я его кликнулъ; онъ ожидалъ, что я извиняться буду; но я сказалъ ему: Сеидъ, поѣзжай назадъ; ты видишь что мое положеніе не лучшее, и что ты можешь со мной вмѣстѣ пострадать; поѣзжай домой и скажи Кіатъ-Агѣ, которой тебя отправлялъ со мной, что ты меня здѣсь бросилъ. Знай между тѣмъ, что пока оружіе мое при мнѣ, то я ни тебя, никого другаго не страшусь; безъ оружія же меня никто

не увидитъ. Прощай и не приходи болѣе. Его сразилъ этотъ отвѣтъ; онъ сѣлъ, опустилъ голову, задумался, залился слезами, просилъ прощенія и поклялся, что никогда не отстанетъ отъ меня и перенесетъ одну участь со мною, и я помирился съ нимъ; а онъ сталъ скромнѣе, и на другой день Фатьма была продана. Сеиду надобно было довольно часто напоминать сіе обѣщаніе; онъ дѣлалъ много мерзостей, но нельзя было не сознаться, что въ нравѣ его были видны иныя, прекрасныя черты.

Такъ какъ я былъ довольно голоденъ, и мнѣ не позволяли ничего покупать, то я принужденъ былъ обманомъ доставать себѣ съѣстные припасы. Давъ денегъ Абулъ-Гуссейну, я велѣлъ ему купить хлѣба и барана и принести мнѣ оные въ подарокъ, что̀ и сдѣлалось. Но что же? Вышло, что Атъ-Чанаръ, самъ человѣкъ очень богатый и значущій, приходилъ тихонько въ комнату, гдѣ висѣла баранина и кралъ цѣлые куски. Я сказалъ сіе юзъ-башѣ; мы посмѣялись, и онъ увѣщевалъ меня къ терпѣнію, обѣщая счастливаго переворота.

Послѣ перваго барана купленъ былъ и второй, и курицы, и яица, и Атъ-Чанаръ самъ у меня бралъ деньги и ѣздилъ на базаръ закупать для меня. Также и съ угольемъ было: я зябъ, пока не сталъ съ шумомъ посылать людей за покупкой онаго.

У Атъ-Чанара было семь Русскихъ невольниковъ, изъ коихъ одинъ жилъ въ Иль-Гельди, три въ Хивѣ, да три по другимъ мѣстамъ. Тотъ, который съ нами жилъ, назывался Давыдъ; его схватили около Троицкой крѣпости, на Оренбургской линіи еще 14 лѣтъ и продали въ Хиву; ему уже 30 лѣтъ было. Онъ давно принялъ нравы и обычаи Хивинцовъ, былъ проданъ и перепроданъ нѣсколько разъ, но не перемѣнялъ закона своего. Его скрывали отъ насъ, но какъ-то случилось, что мой Петровичъ шелъ одинъ по коридору и встрѣтился съ нимъ. Давыдъ просилъ его доложить о немъ мнѣ, дабы я его вывезъ изъ Хивы; узнавши о семъ, я самъ старался свидѣться съ Давыдомъ и, встрѣчаясь съ нимъ, удавалось мнѣ ему сказать нѣсколько словъ; но такъ какъ за мной больше примѣчали, чѣмъ за Петровичемъ, то ему удобнѣе было съ Давыдомъ разговаривать. Онъ приказалъ ему узнавать чрезъ пріѣзжающихъ съ арбами изъ Хивы Русскихъ, что̀ тамъ дѣлается и говорится обо мнѣ. Давыдъ могъ знать сіе, потому что ему хорошо были знакомы четыре женатыхъ Русскихъ, которыхъ ханъ очень любилъ и при себѣ всегда держалъ. Онъ узналъ тоже самое о собранномъ совѣтѣ на мой счетъ. Персидскіе невольники, коихъ человѣкъ десять было въ Иль-Гельди, мнѣ тоже самое сказали; они тоже старались оказывать мнѣ всякаго рода услуги. Я желалъ лично распросить Давыда и приказалъ ему придти ко мнѣ ночью,

когда всѣ уснутъ, потому что ему подъ опасеніемъ смерти запрещено было говорить съ нами. Давыдъ пришелъ ко мнѣ въ полночь и сѣлъ подлѣ моей постели. Онъ мнѣ разсказалъ слово въ слово все, что̀ я зналъ отъ Трухменцовъ. Я ему далъ червонецъ. Я получалъ отъ Давыда разныя свѣдѣнія на счетъ положенія Русскихъ невольниковъ въ Хивѣ. Ихъ ловятъ большею частію Киргизцы на Оренбургской линіи и продаютъ въ Хиву. Число Русскихъ невольниковъ въ Бухарѣ находящихся, говорятъ, не меньше того, которое въ Хивѣ. Проводя цѣлый день въ трудной работѣ, къ коей ни Трухменцы, ни Хивинцы не способны, они получаютъ на содержаніе свое въ мѣсяцъ по 2 пуда муки и кромѣ того больше ничего, развѣ иногда бросятъ имъ изношенный кафтанъ. Они продаютъ излишество хлѣба получаемаго имъ и копятъ деньги, присоединяя къ онымъ тѣ, которыя получаютъ воровствомъ; когда же они соберутъ сумму превышающую ту, за которую ихъ купили, 20 или 30 тилли (тилли равенъ 4 р. серебра), что́ имъ послѣ двадцати лѣтъ неволи обыкновенно удается сдѣлать, то они предлагаютъ деньги сіи своимъ хозяевамъ, и буде сіи послѣдніе согласны, то выходятъ на волю, но должны оставаться навсегда въ Хивѣ; если же будетъ малѣйшее подозрѣніе на нихъ, что они хотятъ бѣжать, то лишаются жизни. За 25-лѣтняго Русскаго платятъ 60 и 80 тилли, за Персіянина меньше. Сихъ послѣднихъ считается до 30.000 въ Хивѣ, Русскихъ же до 3.000. Персіянъ привозятъ очень часто по 5, по 10, а иногда и по 30 человѣкъ. Трухменцы ловятъ ихъ въ Астрабадѣ и по дорогѣ въ Хиву бросаютъ усталыхъ, которые погибаютъ въ степи. Привезши ихъ въ Хиву, хозяинъ садится на площадь и окружаетъ себя невольниками; покупщики являются и торгуютъ ихъ какъ лошадей. Иногда сами же Трухменцы крадутъ ихъ изъ Хивы обратно и привозятъ въ Персію за плату. При мнѣ привозили нѣсколько партій сихъ невольниковъ и продавали, развозя ихъ по деревнямъ. Одного мальчика лѣтъ 16, сына богатаго Астрабадскаго купца, купилъ Атъ-Чанаръ въ надеждѣ перепродать его съ барышемъ обратно; сестру его, 14-лѣтнюю дѣвочку, возили нѣсколько дней по базару, прося за нее 80 тилли и хорошаго сукна на кафтанъ. Персидскихъ невольниковъ заставляютъ законъ перемѣнять, но Русскихъ не принуждаютъ. Меня Давыдъ увѣрялъ, что они даже имѣютъ особую комнату, куда ставятъ образа свои и по ночамъ молиться ходятъ. Два праздника въ году хозяева имъ позволяютъ гулять; они тогда сбираются и напиваются водкой, которую они сами гонятъ изъ какой-то ягоды, и праздники сіи кончаются обыкновенно умерщвленіемъ кого нибудь. Хозяева имѣютъ право убивать невольниковъ своихъ; но они сіе рѣдко дѣлаютъ, дабы не лишиться работника, а выкалываютъ ему одинъ глазъ, или ухо отрѣзываютъ, когда

разсердятся на него. При мнѣ Атъ-Чанаръ хотѣлъ Давыду ухо отрѣзать за то, что онъ, ѣздивши въ Хиву, поссорился съ однимъ Персидскимъ невольникомъ и ударилъ его ножемъ. Онъ билъ его сперва плетью по лицу, потомъ выхватилъ ножъ, приказалъ его повалить, дабы ухо отрѣзать; но его удержалъ и упросилъ прикащикъ его, Узбекъ-Магметъ-ага. Если бы я заступаться сталъ, то ему бы еще хуже досталось. Я ушелъ. Въ туже ночь Давыдка ко мнѣ пришелъ. «Видалъ ты, ваше высокородіе, какъ меня били? Хотѣлъ, собака, у меня ухо отрѣзать; да вчера еще сынъ его завалилъ мнѣ плетей съ 500. Съ ними съ собаками всегда надо эдакъ поступать посмѣлѣе, а то они на шею сядутъ. Вѣдь даромъ, что меня били, а они меня боятся. Посмотрѣлъ бы ты, когда я напьюся, такъ всѣ бѣгутъ отъ меня».

20-го числа пріѣхалъ къ намъ Сеидъ-Незеръ изъ Ургенджа. Онъ часто пріѣзжалъ и уѣзжалъ. Я не знаю, подозрѣвали ли меня въ намѣреніи бѣжать; только, когда я у Сеида-Незера спросилъ, скоро ли возворотится ханъ, то онъ отвѣчалъ мнѣ съ жаромъ: «Вы бѣжать нечто хотите? Бѣжите, попробуйте бѣжать; вы увидите, что́ съ вами будетъ!» Я бѣсился внутренно, но не смѣлъ показать сего, дабы не открыть моего намѣренія. Я ему отвѣчалъ очень тихо, что онъ ошибается, что посланники никогда не бѣгаютъ, потому что владѣлецъ отвѣчаетъ всегда за ихъ безопасность.

Однако случай сей далъ мнѣ подозрѣніе, что узнали мое намѣреніе. Я пошелъ въ садъ осматривать мѣста и стѣны. Вскорѣ лѣстница, приставленная къ послѣдней стѣнѣ, на которую я много надѣялся, была снята. Я жаловался юзъ-башѣ на грубыя слова Сеида-Незера, говорилъ, что, начиная съ Атъ-Чанара, человѣка уже́ немолодаго, съ большой сѣдой бородой, долженствующею внушать почтеніе, все семейство его кажется мнѣ гнуснымъ и презрительнымъ. Правда, отвѣчалъ мнѣ юзъ-баша, борода его ничего не доказываетъ: у козловъ тоже большая борода.

21 числа посѣтилъ меня Гекимъ-Али-бай; но дабы ему не отказали у воротъ, онъ просился прямо къ Атъ-Чанару, посидѣлъ съ нимъ и пришелъ послѣ ко мнѣ. Онъ увѣрялъ меня въ привязанности, которую ко мнѣ имѣлъ, и объявилъ, что сбирался съ караваномъ бѣжать изъ Хивы. У хана глаза теперь налились кровью, сказалъ онъ; прежде всякой имѣлъ доступъ къ нему, теперь онъ никого не слушаетъ, деретъ съ насъ ужасныя подати за приходящіе караваны, такъ что путь въ Хиву совсѣмъ намъ запрется. Онъ вѣшаетъ насъ, на колъ сажаетъ и пр.

Точно, ханъ часто казнитъ Трухменцовъ, живущихъ въ его ханствѣ, за воровство, и никогда не милуетъ ихъ; но симъ только од-

нимъ средствомъ онъ могъ возстановить тишину въ своихъ владѣніяхъ. Въ бытность мою онъ повѣсилъ ихъ пять человѣкъ.

Гекимъ-Али-бай просилъ у меня письма къ маіору Пономареву; но я боялся ввѣриться ему, и дабы увѣрить Пономарева, что я еще живъ, я отдалъ Гекимъ-Али-баю древнюю монетку Юлія Кесаря, которая со мной была, дабы онъ вручилъ ее отцу Тимоѳею на суднѣ, и просилъ бы его поставить свѣчку передъ образомъ. У насъ такой обычай, сказалъ я Гекимъ-Али-баю, и я тебѣ ее не тайкомъ отдаю. Ты можешь сіе всѣмъ сказать. Забудь прошедшее, сказалъ мнѣ Гекимъ-Али-бай, вставая, и не скажи по возвращеніи своемъ, что я сдѣлалъ тебѣ Трухменскую невѣжливость. Я нарочно пріѣзжалъ тебѣ поклониться.

Какъ ни запрещали ко мнѣ входъ Трухменцамъ, но они всегда находили средства пробираться. Иные мнѣ нужны были, а отъ большей части отбоя не было. Я принужденъ былъ нѣсколько разъ ссориться съ Сеидомъ за этихъ скучныхъ объѣдалъ, которые по нѣскольку дней жили и, наконецъ, выгонялись приставами моими часто по моей просьбѣ.

23-го числа ханъ возвратился съ охоты и прибылъ на водопроводъ Дашъ-Гоусъ. Мнѣ все обѣщались, что со дня на день онъ меня позоветъ.

28-го онъ прибылъ въ Хиву, и какъ онъ меня не звалъ къ себѣ, то я сталъ говорить приставамъ, что такъ какъ время становилось позднее, то судно подвергалось опасности замерзнуть въ Балканскомъ заливѣ и погибнуть; что судно не можетъ возвратиться безъ меня, и чтобы ханъ зналъ, что если ото льда что нибудь случится съ корветомъ, то на будущій годъ онъ за то отвѣчать будетъ передъ Государемъ. Никто изъ приставовъ моихъ не смѣлъ ѣхать къ хану съ симъ извѣстіемъ. Трое Трухменцовъ моихъ, видя, что дѣла мои не къ лучшему идутъ, стали было упрямиться. Изъ нихъ Абулъ-Гуссейнъ до того дошелъ, что даже просилъ у меня увольненія. Я отпустилъ его и получилъ такое же раскаяніе какъ отъ Сеида. Я рѣшился, наконецъ, позвать Атъ-Чанара и юзъ-башу и сдѣлать съ ними совѣтъ о томъ, что̀ я долженъ былъ начать, чтобы узнать мысли ихъ. Напоивъ ихъ чаемъ, я снова объяснилъ имъ положеніе судна, прося, чтобы одинъ изъ нихъ поѣхалъ къ хану съ симъ извѣстіемъ. Они просили меня подождать одинъ день до прибытія въ Иль-Гельди Ходжашъ-Мегрема, котораго будто бъ часъ на часъ ожидаютъ, а тотъ и не думалъ пріѣзжать.

Совѣтъ сей собирался у меня 31 числа, и я ничего узнать не могъ. Я хотѣлъ послать Петровича или Сеида въ Хиву, но пристава мнѣ не позволяли ихъ посылать.

4-го числа Ноября я узналъ черезъ одного пришедшаго Трухменца, что съ Красноводскаго берега пріѣхалъ въ Хиву нѣкій Ніасъ-Батыръ, Іомудъ, который нѣсколько разъ отличался храбростью въ глазахъ хана и былъ принятъ имъ въ службу. Ніасъ-Батыръ жилъ два года на родинѣ своей и женился. Теперь, уже по приглашенію хана, онъ прибылъ опять въ Хиву съ семействомъ своимъ. Онъ, сказали мнѣ, имѣлъ два письма отъ Пономарева, одно ко мнѣ, другое къ хану.

6-го числа съ разсвѣтомъ я отправилъ Кульчи тайнымъ образомъ въ Хиву для сысканія Ніасъ-Батыра, приказавъ ему взять письмо мое.

7-го числа пріѣхалъ самъ Ніасъ-Батыръ ко мнѣ. Сказавши мнѣ поклонъ отъ хана, онъ вручилъ мнѣ письмо мое, которое было у хана и которое онъ самъ приказалъ мнѣ доставить по словамъ Ніасъ-Батыра. Ханъ былъ весьма обрадованъ письму Пономарева. Магмедъ-Рагимъ, продолжалъ Ніасъ, былъ обманутъ слухами, которые доходили до него отъ пріѣзжающихъ съ берега Трухменцовъ: его увѣрили, что Русскіе строятъ крѣпость на берегу, но я его теперь разувѣрилъ. Въ знакъ своего добраго расположенія къ вамъ онъ приказалъ самъ сіе письмо доставить къ вамъ и просить васъ не скучать. Онъ сказалъ, что скоро позоветъ васъ; на суднѣ же все благополучно, веселятся, стрѣляютъ изъ ружей и дожидаются васъ; а я теперь пріѣхалъ избавителемъ вашимъ, потому что безъ меня вы бы весь свой вѣкъ въ Хивѣ пробыли. Чортъ знаетъ чего онъ тутъ не вралъ! Я тотчасъ примѣтилъ сіе; но какъ пріѣзжаго отъ хана, я угостилъ его чѣмъ могъ. Старый Ать-Чанаръ мой расхлопотался и истратилъ въ сей день то что́ онъ бы въ недѣлю не истратилъ на меня.

Письмо, которое я получилъ, ничего не заключало важнаго. Пономаревъ писалъ, что онъ къ 8 числу Ноября меня ожидалъ къ себѣ. Я сказалъ Ніасъ-Батыру, что, не желая имѣть ничего скрытаго отъ хана, я ему посылаю письмо мое распечатанное, дабы могъ онъ оное прочесть и отдалъ ему, подаривъ его порядочно.

Ніасъ-Батыръ клялся, что черезъ два дни ханъ меня позоветъ, обѣщаясь съ своей стороны служить мнѣ всячески и всякой день присылать ко мнѣ вѣстника изъ Хивы. Онъ ночевалъ у меня.

8-го числа, въ Михайловъ день, для радостнаго извѣстія, привезеннаго мнѣ Ніасъ-Батыромъ, я созвалъ всѣхъ родственниковъ моихъ Трухменцовъ. Я купилъ два барана, пшена, велѣлъ сварить множество плову и угостилъ человѣкъ съ 30 и жителей крѣпости. Радость была несказанная; голодные невольники и Трухменцы вырывали другъ у друга куски и бранились. Пиршество кончилось. Ніасъ-Батыра я отпу-

стилъ, напомнивъ ему обѣщаніе не оставлять меня безъ извѣстій. Того же числа Кульчи возвратился. Не нашедши Ніасъ-Батыра, онъ видѣлъ повѣшенныхъ Трухменцовъ, испугался и воротился.

9-го числа ввечеру Ніасъ-Батыръ опять пріѣхалъ. Онъ засталъ хана въ Май-Дженгинѣ, выѣхавшаго изъ Хивы на охоту на два дни. Возвращаясь назадъ, онъ заѣхалъ ко мнѣ, наговорилъ мнѣ множество на счетъ своего усердія и 10-го числа поѣхалъ въ Хиву.

11, 12 и 13 числа прошли безъ всякаго отвѣта. Давыдъ говорилъ мнѣ, что ханъ готовился принять меня, что онъ заказалъ даже платье для меня, что въ моей комнатѣ я увижу дверь запертую на замокъ, за которой будетъ Русской меня подслушивать и что ханъ меня отпуститъ съ честью. Я не могъ совершенно вѣрить всему и просилъ юзъ-башу сказать мнѣ, долженъ ли я зимовать въ Хивѣ или отпустятъ меня, дабы мнѣ свои мѣры взять. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, не желая обманывать меня, онъ признается, что самъ ничего не знаетъ, но что ему кажется, что всякой часъ мнѣ должно ожидать зову отъ хана. Я его упрашивалъ, чтобы онъ съѣздилъ къ хану и доложилъ ему объ опасности, въ которой судно находилось. Если завтра къ полдню никто не пріѣдетъ изъ Хивы, то я поѣду, говорилъ онъ. Три дня такимъ образомъ прошло; онъ не ѣхалъ. Я ему представлялъ, что бояться ему было нечего, потому что ханъ ко мнѣ хорошо расположенъ, доказательствомъ чего служили слова Ніасъ-Батыра. Вы хотѣли ошибиться, отвѣчалъ мнѣ юзъ-баша, а я не хотѣлъ васъ разувѣрять, очернивая человѣка, котораго вы почли; теперь вамъ скажу, что Ніасъ-Батыръ ничего болѣе какъ безсовѣстный обманщикъ, словомъ Трухменецъ, которому никогда ни въ чемъ вѣрить не должно: мы ихъ давно знаемъ, и они у насъ обыкновенно на висѣлицѣ кончаютъ свой вѣкъ. Слова его были во многомъ справедливы: Ніасъ не присылалъ ни одного вѣстника ко мнѣ и въ Хивѣ искалъ средствъ обмануть меня, принимаясь за покупки. Хивинцы обращаются съ особеннымъ презрѣніемъ къ Трухменцамъ всѣхъ поколѣній. Я разъ спросилъ у юзъ-баши, которыхъ они считали лучше Трухменцовъ, поколѣнія Теке или поколѣнія Іомудъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Верблюдъ шелъ на гору и послѣ спускался съ нея; нѣкто спросилъ у верблюда, что̀ ему лучше на гору идти или съ горы спускаться. Наплевать на нихъ на обѣихъ, сказалъ верблюдъ».

Наконецъ, какъ-то случилось 14-го числа, что Атъ-Чанаръ очень разсердилъ юзъ-башу. Сей послѣдній пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ ѣдетъ въ Хиву представить положеніе, въ которомъ я находился и находится судно и что, не взирая ни на какія опасности, онъ рѣшился объявить хану, что за потерю сего судна онъ будетъ отвѣчать

передъ Русскимъ правительствомъ, что если онъ хочетъ меня задержать, то пускай судно отправитъ; а хану оставалось только два дня до отъѣзда его въ степь на охоту, гдѣ онъ сбирался три мѣсяца пробыть. Уже вьюки его и кибитки были отправлены. Если дѣла хорошо пойдутъ, сказалъ юзъ-баша, то ожидайте меня завтра послѣ полдня.

Онъ поѣхалъ 14-числа. 15-го онъ не возвращался, и я принужденъ былъ приняться за исполненіе прежняго намѣренія моего—бѣжать. Я повѣрилъ сіе намѣреніе одному только Петровичу. Я боялся открыться Сеиду и для того, призвавъ его, настроилъ такимъ образомъ, что онъ самъ предложилъ мнѣ побѣгъ. Я нѣсколько противился ему, но скоро согласился. Надлежало средства изыскать. Лошадей долженъ былъ Сеидъ достать у родственниковъ своихъ и взять съ собою двухъ Трухменцовъ—Ханъ-Магмеда и Джанаки: первые разбойники, которые должны были бѣжать изъ Хивы, дабы не попасться на висѣлицу. Я обѣщался Сеиду по выѣздѣ изъ ханства заплатить ему за брошенныхъ имъ верблюдовъ и раздарить ему и товарищамъ его перстни и часы, которыя я везъ въ подарокъ хану, прочее же все оставить. Сеидъ долженъ былъ на другой день поутру 16-го числа отправиться на базаръ, закупить намъ тулупы и сапоги и воротиться къ полдню. Если юзъ-баши воротится до полдня, то оставаться; если же онъ пріѣдетъ съ какимъ бы то ни было хорошимъ извѣстіемъ, но четверть часа спустя полдня, послѣ втораго выѣзда Сеида въ деревню, то, несмотря ни на что, бѣжать. Сеидъ долженъ былъ въ деревнѣ остаться до ночи и въ полночь явиться за крѣпостной стѣной съ лошадьми. Въ полночь я долженъ былъ разбудить прочихъ товарищей, объявить имъ намѣреніе свое и пробираться съ заряженнымъ оружіемъ; при малѣйшемъ же шумѣ со стороны жителей, перерѣзать всѣхъ сонныхъ, не щадя ни стариковъ, ни бабъ, ни ребятишекъ.

Поутру 16 числа Сеидъ отправился, а я пошелъ съ Петровичемъ искать удобнаго мѣста, гдѣ намъ выбраться изъ крѣпости. Одно мѣсто были большіе ворота, кои и прежде Сеидъ предлагалъ. Онъ говорилъ, что можно было отпереть висячій замокъ или подкупить привратника, которой былъ Персидскій невольникъ; можно было также подняться на лѣстницу вверхъ на ворота и оттуда спуститься по веревкѣ на другую сторону, но для сего надобно было проходить мимо нѣсколькихъ комнатъ, въ которыхъ спали люди и отравить напередъ Койчи, пресердитую собаку, которая сіи ворота стерегла. Я предлагалъ сперва подрыть кинжалами стѣну, которая за моей комнатой была, дабы выйти въ садъ, откуда уже нетрудно бы было выбраться; но измѣривъ стѣну, я нашелъ, что она имѣла 4 аршина толщины и была въ иныхъ мѣстахъ переложена каменьями; прорыть такую стѣну

въ теченіе двухъ часовъ трудно было. Но я замѣтилъ, что на верху сей стѣны была трещина, въ которую можно было закинуть веревку съ узломъ и по сей веревкѣ взлѣсть. Съ этой стороны никто не жилъ, и можно было все сіе довольно тихо сдѣлать.

Петровичъ имѣлъ другія намѣренія. Онъ замѣтилъ, что въ одной изъ угловыхъ башенъ была голубятня, комната, въ которой никто не жилъ, а изъ сей комнаты было задѣланное досками и замазанное окошко въ садъ. Онъ предлагалъ сіе мѣсто для побѣга; но я не согласился на сіе, опасаясь, чтобы не разбудить кого-нибудь, выламывая окно; комната же въ садъ накрѣпко запиралась всякую ночь, и подлѣ оной всегда два человѣка спали. И такъ я рѣшился лѣзть черезъ стѣну и противъ мнѣнія Сеида, съ которымъ я еще съ вечера о семъ говорилъ, ибо онъ хотѣлъ въ ворота бѣжать для того, чтобы увести лошадей Атъ-Чанара съ собой. Выѣхавши въ поле, надобно было скакать до границы ханства, а тамъ усталыхъ лошадей бросить, а свѣжихъ украсть у Трухменскихъ кибитокъ, которыя тамъ находятся.

Устроивъ все какъ должно было къ побѣгу, я ожидалъ съ нетерпѣніемъ полдня, дабы узнать свою участь. Я могъ, если не проворствомъ, то силою выбраться изъ Иль-Гельди, потому что тамъ молодаго и вооруженнаго народа мало было. Я могъ надѣяться на помощь со стороны Персидскихъ невольниковъ и Давыдки; въ полѣ же, еслибъ нагнали меня, то я бы живой въ руки не дался, а можетъ бы и ушелъ бы.

Полдни прошли; ни юзъ-баши, ни Сеида нѣтъ. Я сталъ безпокоиться на счетъ втораго, боясь измѣны съ его стороны. Солнце стало ложиться, и я сѣлъ въ свой уголъ, дожидаясь рѣшенія судьбы надо мной.

Сеидъ пріѣхалъ и сѣлъ подлѣ меня. «Ты опоздалъ, сказалъ я ему; или можетъ быть усердіе твое и хлопоты причиною, что ты промедлилъ. Все ли готово сегодня къ полночи?» — «Постой, Мурадъ-бегъ, сказалъ онъ, не торопись. Я вотъ что сдѣлалъ: размысливъ, что судьба управляетъ человѣками, мнѣ пришло въ голову, что если мы бѣжимъ, то судьба наша насъ накажетъ за неповиновеніе ей». Меня сіе взорвало. «Зачѣмъ ты мнѣ вчера не сказалъ, что ты не умѣешь слова своего держать? Судьба намъ бѣжать велитъ, а ты мнѣ измѣнилъ. Купилъ ли ты хоть вещи? Я знаю, что̀ мнѣ дѣлать и безъ тебя». «Вещей я никакихъ не покупалъ, сказалъ Сеидъ; вотъ ваши деньги,» (я ему далъ 10 червонцевъ, а онъ размѣнялъ ихъ на мелкія и принесъ только серебра, да обрѣзанныхъ тилловъ на 8 червонцевъ, говоря, что остальныя деньги у него за промѣнъ взяли).

Тутъ я уже увидѣлъ, что я въ рукахъ у Сеида и что всякую минуту онъ меня погубить могъ. Я не нашелся ему отвѣчать и си-

дѣлъ нѣсколько времени въ задумчивости, не зная самъ, что̀ мнѣ предпринять: заколоть ли его на мѣстѣ и бѣжать одному, или.... Я уже не зналъ, что̀ еще начать. У меня были слезы отъ досады на глазахъ. Сеида тронуло мое положеніе, и онъ опять началъ просить у меня извиненія, плача какъ ребенокъ и обѣщаясь устроить побѣгъ нашъ къ другому дню. Я упрекалъ ему въ поступкѣ мерзкомъ, какъ вдругъ вбѣжалъ ко мнѣ Кульчи съ извѣстіемъ, что юзъ-баши ѣдетъ. Юзъ-баши поздравилъ меня съ радостью. «Ханъ насъ требуетъ, сказалъ онъ, завтра поутру мы ѣдемъ; онъ было крѣпко разсердился на меня за то, что я оставилъ мѣсто свое, но послѣ разговорившись со мной и распросивъ подробно обо всемъ и объ суднѣ вашемъ, онъ рѣшился позвать васъ и принять такъ, какъ слѣдуетъ». Я поблагодарилъ юзъ-башу подаркомъ и весь тотъ вечеръ былъ веселѣе, чѣмъ во всѣ двадцать восемь дней, проведенныхъ мною въ Иль-Гельди. Трухменцы мои всѣ по ниточкѣ ходили, а Атъ-Чанаръ, прежде несносный, сдѣлался ниже травы, подличалъ, извивался около меня и просилъ, чтобы я не говорилъ нигдѣ о скудности, въ которой я былъ содержанъ.

17-го числа поутру собралось множество Трухменцевъ ко мнѣ на дворъ. Я посылалъ ночью въ сосѣдственныя деревни для найма лошадей. Слухъ о благорасположеніи хана ко мнѣ въ мигъ распространился по всѣмъ окрестностямъ, и знакомые, и чужіе пріѣхали поздравлять меня, въ надеждѣ что-нибудь получить, а многіе въ надеждѣ, что какъ они меня проводятъ до Хивы, то я ихъ приму въ число составляющихъ посольство, и они будутъ всякій день есть пловъ и пить чай. Нѣкоторымъ такъ и удалось: жили два дня въ Хивѣ съ моими Трухменцами и послѣ были отпущены. Атъ-Чанаръ наканунѣ еще обѣщался достать лошадей для меня, но юзъ-баши совѣтывалъ мнѣ не вѣрить Персіянину, который хотя и принялъ вѣру мусульмановъ, но не оставилъ своихъ отечественныхъ замашекъ обманывать.

Передъ выѣздомъ моимъ изъ Гельди я велѣлъ Петровичу достать нѣсколько мелкихъ денегъ и раздать оныя жителямъ. Я также подарилъ кое-чѣмъ тѣхъ изъ слугъ или невольниковъ, которые мнѣ какую-нибудь услугу оказывали во время пребыванія моего. Жители сего мѣста уже свыклись ко мнѣ, и всѣ проводили меня за ворота, старики, дѣвки, женщины и ребятишки. Оставалась только одна собака Койчи, вѣчный сторожъ мой и самый злой, къ которому я прежде подойти не могъ. Койчи пришелъ ко мнѣ при прощаніи и смиренно сѣлъ передо мной среди людей, окружавшихъ меня; я его покормилъ въ первый и послѣдній разъ и разстался съ нимъ пріятельски.

(Продолженіе будетъ).

ФИЛАРЕТЪ АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ *).

Хиротонія Филарета во епископа Рижскаго была въ Казанскомъ соборѣ 21-го Декабря 1841 г. По обычаю, новопосвященный епископъ даетъ обѣдъ для членовъ Св. Синода. Филаретъ обошелъ этотъ обычай частію по личному взгляду на него, а частію и по скудости средствъ. Только черезъ полгода, въ Іюлѣ 1842 года, онъ отправился въ Ригу. «Какъ ни трудно жить мнѣ здѣсь», писалъ онъ изъ Петербурга, «но чувствую, что не такія скорби ждутъ меня впереди. Недавно прислали мнѣ сюда журналы Рижскаго правленія. Тогда-то увидѣлъ я отчасти, что̀ обѣщаетъ мнѣ Рига, какими заботами, какими страданіями душевными хочетъ надѣлить она меня. Но буди во всемъ воля Божія». «Мнѣ остается собираться въ Ригу, несчастную Ригу, достойную меня». «Прошу тебя, пиши мнѣ въ Ригу чаще: мнѣ тамъ будетъ очень тяжело и очень скучно; это уже мнѣ извѣстно».

Вотъ съ какимъ чувствомъ ѣхалъ Филаретъ въ Ригу; но о томъ, что̀ ожидало его въ этой злополучной епархіи, онъ имѣлъ еще очень слабое представленіе.

Въ 1841 г. между Латышами распространился слухъ о существованіи указа, разрѣшавшаго имъ переселяться во внутреннія губерніи. Это вызвало сильное оживленіе: изнуренный работами, отягощенный налогами, народъ повалилъ въ Ригу записываться на переселеніе. Когда губернское начальство, чтобы прекратить движеніе, придумало сажать ихъ въ тюрьму, брить головы, какъ арестантамъ, и не принимать прошеній и когда, по распоряженію этого же начальства, въ пріемѣ прошеній имъ отказывалъ и жандармскій полковникъ Киршъ, они обратились къ архіерею. Преосвященный Иринархъ посовѣтовалъ имъ возвратиться домой, заниматься своимъ

*) См. начало этой біографіи въ 8-й тетради Р. Архива сего года.

дѣломъ и оставаться въ повиновеніи у помѣщиковъ, однако просьбы ихъ принялъ. Не одно соболѣзнованіе къ ихъ безотрадному положенію побудило его къ такому поступку: по смыслу архіерейской присяги, обязывающей «заступать немощныя», и въ случаѣ необходимости писать и самому Государю, онъ считалъ своимъ долгомъ довести объ этомъ недугѣ края до свѣдѣнія Монарха. Съ этою цѣлію прошеніе Латышей было препровождено имъ къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову. Между тѣмъ Латыши, узнавъ, что архіерей принялъ прошеніе Виттенгофскихъ крестьянъ, стали являться къ нему толпами. Препровождая три подлинныя прошенія графу Протасову, Иринархъ написалъ ему, «что крестьяне Лифляндской губерніи толпами приходятъ въ Ригу искать защиты отъ притѣсненій тамошнихъ помѣщиковъ, обременяющихъ ихъ изнурительными работами и налогами, чрезъ что лишаются они съ семействами дневнаго пропитанія; что къ таковымъ жалобамъ присоединяютъ они просьбы о переселеніи ихъ въ другія губерніи, гдѣ они могли бы быть казенными крестьянами». Вскорѣ послѣ того въ прошеніяхъ, поступавшихъ къ Иринарху, стали излагаться два ходатайства: о переселеніи и о присоединеніи къ православію. Не принимая первыхъ, онъ, по долгу священнаго сана, не могъ отказывать послѣднимъ. Иринархъ снова сообщилъ гр. Протасову, что нѣкоторые Латыши изъявляютъ желаніе присоединиться къ православію, что у нихъ нѣтъ хлѣба, что ихъ не впускаютъ въ городъ, подвергаютъ тѣлесному наказанію и тюремному заключенію за принесеніе жалобъ начальству. Государь Николай Павловичъ пришелъ въ негодованіе и выразился графу Протасову, что отъ него была скрыта истина. Министру внутреннихъ дѣлъ графу Строганову и графу Бенкендорфу Государь объявилъ свое неудовольствіе. Тогда всѣ возстали противъ Иринарха, а въ особенности генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ.

У б. Палена съ Иринархомъ возникла рѣзкая переписка. Иринархъ писалъ ему, что бумагу его вмѣстѣ съ просьбами Латышей онъ препроводилъ къ гр. Протасову. Это взорвало Палена. Онъ окружилъ архіерейскій домъ переодѣтыми солдатами, которымъ было поручено всѣхъ выходящихъ отъ Иринарха арестовывать, а Иринарху написалъ, чтобъ онъ не принималъ приходящихъ къ нему съ просьбами о присоединеніи и обращалъ ихъ предварительно къ губернскому начальству. Иринархъ отвѣчалъ, что у него никакихъ записей не производится, но что отказать въ присоединеніи къ православію онъ, какъ служитель алтаря, не можетъ; что Латышей не бывшихъ у губернскаго начальства онъ не принимаетъ, свидѣтельствомъ чему ихъ бритыя головы и что окружающая домъ его полиція и безъ того заби-

раетъ ихъ. Онъ присовокупилъ, что и это отношеніе Палена препровождено имъ къ графу Протасову.

Но что́ могъ сдѣлать одинъ борецъ за церковь предъ цѣлымъ сонмомъ враговъ ея? Баронъ Паленъ сообщилъ гр. Строганову и Бенкендорфу о возмущеніи края епископомъ Иринархомъ и его духовенствомъ, которое поддерживаетъ въ народѣ надежду на переселеніе. Онъ отыскалъ и свидѣтеля, нѣкоего Спасскаго, исключеннаго Иринархомъ изъ духовнаго званія за неодобрительное поведеніе. Какъ оказалось впослѣдствіи, этотъ свидѣтель былъ подкупленъ самимъ Рижскимъ губернскимъ начальствомъ. Графъ Строгановъ доложилъ о томъ Государю и сообщилъ графу Протасову. Сей послѣдній, на основаніи всеподданнѣйшаго доклада графа Строганова и свѣдѣній, доставленныхъ Паленомъ, составилъ докладъ Государю, напирая на то, что б. Паленъ относитъ заблужденіе крестьянъ на счетъ переселенія къ дѣйствіямъ епископа, въ доказательство чему представилъ черновое прошеніе, будто бы поправленное рукою священника Фасонова, что̀ впослѣдствіи не подтвердилось. Онъ изложилъ притомъ мнѣніе, чтобы Иринарху было предписано не допускать пререканій съ гражданскимъ начальствомъ и не принимать подобныхъ просьбъ отъ крестьянъ, обращая ихъ къ генералъ-губернатору. Очевидно, самый докладъ составленъ былъ односторонне, и заключеніе оберъ-прокурора было только выводомъ изъ него. Государь, согласившись съ мнѣніемъ графа Протасова, добавилъ, чтобы Иринарху было сдѣлано «строгое внушеніе о неправильности и неблагоразуміи его дѣйствій».

Въ исполненіе воли начальства, Иринархъ не сталъ принимать прошеній, въ которыхъ соединялись два ходатайства: о переселеніи и о присоединеніи. Узнавъ объ отказѣ епископа, Латыши стали обращаться къ нему съ исключительною просьбою о присоединеніи, и приходили толпами. Какъ ни тяжелы были преслѣдованія и интриги, направленныя противъ Иринарха, но служитель Божій не могъ отвергнуть приходящихъ къ нему. Когда же онъ разъяснялъ Латышамъ, что съ переходомъ въ православіе не соединяются никакія земныя выгоды, то Латыши отвѣчали съ поразившею его твердостію: «Если Государю угодно, чтобы мы оставались на настоящихъ своихъ мѣстахъ жительства, то мы останемся спокойно; только мы хотимъ быть Русскими по вѣрѣ и ея обрядамъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе священники донесли своему владыкѣ о просьбѣ Латышей поѣхать къ нимъ и присоединить къ православію ихъ семейства. Иринархъ обо всемъ донесъ своему епархіальному преосвященному Псковскому и графу Протасову.

Иринархъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые въ служеніи церкви останавливаются передъ страхомъ гоненія. А потому, чтобы обезпе-

чить успѣхъ въ противодѣйствіи православію, надо было совсѣмъ отдѣлаться отъ Иринарха, и вотъ составленъ планъ. Понимая, насколько чутокъ былъ Государь ко всему, что̀ могло вызвать волненіе и, пожалуй, способенъ даже придать преувеличенное значеніе подобнымъ обстоятельствамъ, хитрые правители ударили въ эту чувствительную струну Монарха. И вотъ черезъ графовъ Строганова и Бенкендорфа баронъ Паленъ представилъ Государю, что весь Остзейскій край охваченъ народнымъ бунтомъ, главными вождями котораго Иринархъ и его священники. Баронъ Паленъ доносилъ, что Иринархъ принимаетъ попрежнему прошенія отъ Латышей и отправляетъ ихъ къ священникамъ въ крѣпость, гдѣ имъ толкуется о возможности переселенія подъ условіемъ принятія православія; что крестьяне уже начинаютъ составлять скрытныя собранія, копятъ деньги и относятъ ихъ черезъ своихъ выборныхъ къ Иринарху; что Латышскіе выборные на заставѣ встрѣчаются отставнымъ солдатомъ (впрочемъ не отысканнымъ), который, выдавая себя за высланнаго отъ Иринарха проводника, препровождаетъ ихъ къ священнику, а тотъ въ свою очередь обѣщаетъ имъ съ принятіемъ православія домà, земли, скотъ и все хозяйственное обзаведеніе; что крестьяне пренебрегаютъ работою, выражаютъ сопротивленіе и грозятъ *кровопролитною развязкою* не далѣе осени измѣнить существующій порядокъ. Такія свѣдѣнія, дошедшія до Государя, произвели свое дѣйствіе. Не только Государь, но и всѣ Русскіе, стоявшіе близъ трона, съ тревогою взглянули на эти событія, предвидя какъ будто зарево политическаго пожара, который можетъ охватить всю Россію.

Между тѣмъ баронъ Паленъ нарядилъ слѣдственныя комиссіи, назначилъ военныя экзекуціи, даже поѣхалъ самъ по Лифляндіи; словомъ, обнаружилъ удивительную энергію къ «подавленію бунта». О всемъ этомъ онъ доносилъ въ Петербургъ, гдѣ все и принималось за чистую монету. Наши солдаты и казаки, выступавшіе противъ бунтовщиковъ, дивились, что нигдѣ ихъ нѣтъ: крестьяне занимались своимъ дѣломъ. Но какъ же нибудь надо доставить зрѣлище, надо какую нибудь устроить охоту на Латышей? Вѣдь они не Нѣмцы; почему же и не поохотиться! И вотъ цивилизованный правитель, встрѣтивъ на привалѣ обозъ Латышей, ѣхавшихъ за провизіей въ Ригу, окружилъ ихъ, забралъ и разсадилъ по тюрьмамъ.

Зная о томъ, каковы должны быть донесенія барона Палена Государю, Иринархъ писалъ графу Протасову: «Что̀ касается до волненія крестьянъ, которое генералъ-губернаторъ представляетъ почти явнымъ возмущеніемъ и противъ котораго онъ признаетъ нужнымъ употребить военную силу, то я могу увѣрить ваше сіятельство, что сіе волненіе или возмущеніе ничто иное есть, какъ сильное и почти всеобщее же-

ланіе крестьянъ присоединиться къ православной церкви». Указывая, что это желаніе породило сильное безпокойство гражданскаго начальства, онъ убѣждалъ употребить всѣ мѣры, чтобы дѣло не было рѣшаемо по одностороннему донесенію генералъ-губернатора. «Чтобъ разлить новый свѣтъ на настоящее дѣло и придать новую степень достовѣрности тому (писалъ онъ), что здѣшніе крестьяне дѣйствительно расположены принять православіе, я долженъ сказать вашему сіятельству, что лютеранство здѣшняго края совершенно переродилось въ неологизмъ, подобный тому, какой распространился по всей Германіи, чтобы не сказать по всей Европѣ; что сельскіе пасторы являются однажды въ мѣсяцъ на каѳедрахъ, если еще не рѣже; что крещеніе младенцевъ совершаютъ они только у знатнѣйшихъ своихъ прихожанъ, у прочихъ же крестьянъ кистеры или церковные старосты, которые представляютъ пасторамъ записки о совершенныхъ ими крещеніяхъ для внесенія оныхъ въ метрическія книги, и что такимъ же образомъ происходитъ погребеніе умершихъ. Такое отправленіе своихъ обязанностей пасторами давно уже охладило сердца крестьянъ къ лютеранской религіи и къ ея служителямъ и расположило ихъ въ пользу православной церкви, гдѣ всѣ требы совершаются священниками и гдѣ они видятъ во всемъ приличное благолѣпіе».

Но графа Протасова мало трогали слова Иринарха и мало заботило дѣло церкви. Съ другой стороны, Нѣмецкіе происки велись съ полною энергіею. На Государя начали дѣйствовать съ разныхъ сторонъ, не исключая даже и изъ Пруссіи. Одинокій стоялъ Иринархъ передъ очами Бога Вышняго. На землѣ, въ защиту кровнаго дѣла земли Русской и Русской церкви, не достигалъ до него ни одинъ ободряющій голосъ. Наконецъ, по докладу оберъ-прокурора, повелѣно было Иринарха вывезти въ сопровожденіи командированнаго чиновника Скрипицына изъ Риги въ Псковъ, а священниковъ Заболоцкаго, Фасонова, и послушника архіерейскаго Анненкова выслать для допросовъ въ Петербургъ. Иринарху были предложены 14-ть вопросныхъ пунктовъ, построенныхъ на ложныхъ донесеніяхъ правительству. Когда отвѣты Иринарха и священниковъ доложены были Государю, онъ, казалось, прозрѣлъ истину; по крайней мѣрѣ произведенное на него прежними донесеніями впечатлѣніе значительно ослабло. Священниковъ Синодъ предположилъ размѣстить въ Петербургской епархіи; Государь утвердилъ опредѣленіе Синода, а Иринархъ получилъ назначеніе викарнымъ въ Воронежъ. Дѣло объ Иринархѣ сдано въ архивъ, а вмѣстѣ съ нимъ предано забвенію или, вѣрнѣе, положено подъ сильный гнетъ и дѣло о православіи въ Лифляндіи.

При такихъ-то обстоятельствахъ состоялось назначеніе нашего Филарета епископомъ Рижскимъ.

Вотъ какъ изображаетъ одинъ современникъ новаго Рижскаго святителя и его положеніе въ краѣ: «Избранная личность, не смотря на свой тщедушный и слабый организмъ, отличалась необыкновенною энергіею воли и огромною эрудиціей. Къ несчастію, эта воля, жаждущая дѣятельности, способная на великія жертвы для православія, обставлена была такъ, что обречена была на совершенное бездѣйствіе; была связана, какъ говорится, и по рукамъ, и по ногамъ.»

Передъ самымъ отъѣздомъ, когда Филаретъ представлялся Государю, ему вмѣнено въ обязанность дѣйствовать осторожно и съ согласія гражданскаго начальства. Дѣйствовать въ дѣлѣ православія съ согласія гражданскаго начальства, всѣми силами старавшагося подавить православіе, конечно равнялось обреченію Филарета на бездѣйствіе. Мало того, инструкція епископу Рижскому была измѣнена. «Вниманіе и съ благоразуміемъ соединенная заботливость и осторожность требуются со стороны викарія въ обращеніи съ иновѣрцами, коими большею частію населены Лифляндская и Курляндская губерніи; въ сношеніяхъ съ мѣстными свѣтскими начальствами необходима особенная осмотрительность по такимъ дѣламъ, по которымъ его мнѣнія оказываются неодинаковыми съ мнѣніемъ духовнаго начальства; въ сихъ случаяхъ, прежде рѣшительнаго дѣйствія, викарій испрашиваетъ руководства отъ епархіальнаго архіепископа и, смотря по важности дѣла, доводитъ оное до свѣдѣнія оберъ-прокурора Св. Синода, при чемъ единомысліе и согласное дѣйствованіе начальства должны быть охраняемы крайне тщательно». Опасливость шла далѣе: «прошенія, подаваемыя архіерею, заключающія въ себѣ два предмета, а именно ходатайство о присоединеніи къ православію и другія, подлежащія разсмотрѣнію губернскаго начальства, вовсе возбраняется принимать».

Напуганный исторіею Иринарха и тѣми предостереженіями, которыя ему довелось выслушать и оффиціально, и частно отъ разныхъ лицъ, Филаретъ началъ съ величайшею осмотрительностію свое служеніе. Ему нужно было хорошо, прочно поставить себя въ глазахъ правительства, чтобъ наговоры не принимались на вѣру, а его собственный отзывъ имѣлъ вѣсъ и значеніе. Утвердивъ себя въ глазахъ правительства, можно было начать дѣйствовать и смѣлѣе.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Ригу, Филаретъ пишетъ Горскому: «Грѣшно было бы жаловаться на недостатокъ любви здѣшней паствы къ пастырю. Нѣтъ, паства обрадовалась, обрадовалась тѣмъ болѣе, что несчастныя обстоятельства, взволнованныя Нѣмцами, заставили думать

о невозможности быть здѣсь пастырю». И легко могло быть, что это входило въ планы враговъ православія.

Латыши, узнавъ о пріѣздѣ новаго архипастыря, не оставляли мысли о присоединеніи. Въ донесеніи своемъ оберъ-прокурору Св. Синода Филаретъ такъ описываетъ первый случай обращенія къ нему Латышей. «Вечеромъ 1-го Августа 1842 года услышалъ я, что приходили въ Ригу два Латыша и, спросивъ обо мнѣ священника, удалились. Утромъ 2-го числа счелъ я за долгъ лично объясниться съ его превосходительствомъ г. гражданскимъ губернаторомъ о семъ случаѣ (военнаго губернатора тогда не было въ Ригѣ). Сказавъ о тѣхъ двухъ Латышахъ, я спрашивалъ, нѣтъ ли опасенія для спокойствія гражданскаго, если, согласно съ совѣстію моею и съ объявленными мнѣ наставленіями Государя Императора, выслушаны будутъ мною, когда явятся, Латыши. При семъ объяснилъ я, что во всякомъ случаѣ готовъ я слѣдовать искреннимъ совѣтамъ и что считаю за долгъ неиначе выслушать Латышей, какъ въ присутствіи г. полицеймейстера и въ его же присутствіи записать. Г-нъ губернаторъ вполнѣ одобрилъ мое намѣреніе выслушивать Латышей въ присутствіи полицеймейстера, при чемъ присовокупилъ мысль, которая впрочемъ была и у меня, что записанныя обоими нами слова будутъ имѣть видъ акта. Въ продолженіе всего разговора онъ ничѣмъ не далъ замѣтить, что есть какія-либо опасенія на счетъ спокойствія Латышей, такъ какъ и ни изъ чего другаго не видно было такихъ опасеній. Въ видѣ дружескаго совѣта онъ говорилъ, чтобы остерегался я принимать толпу и мѣры рѣшительныя и потомъ позволилъ частно, чтобы священникъ, если придутъ къ нему Латыши, могъ сказать о моемъ прибытіи и мѣстопребываніи, но не болѣе (?!) Такимъ образомъ я оставался совершенно спокоенъ и въ твердой увѣренности, что если случится мнѣ увидѣть Латышей, отъ того не выйдетъ ничего особеннаго, и поступокъ мой будетъ сообразенъ съ мудрою волею Государя Императора и съ требованіями самой строгой осторожности. Спокойствіе мое укрѣплялось и тѣмъ, что, по всѣмъ свѣдѣніямъ, какія получалъ я чрезъ священниковъ и отъ другихъ лицъ, въ здѣшней сторонѣ все спокойно; самое положеніе мѣстнаго начальства, сколько оно мнѣ было извѣстно, увѣряло меня въ томъ. Августа 4-го числа, около 3-хъ часовъ пополудни, когда только что возвратился я съ кладбища, гдѣ служилъ литургію и поминовеніе, услышалъ я, что два Латыша желаютъ видѣть меня. Не допуская ихъ до себя, я сказалъ, чтобы пригласили ко мнѣ г. полицеймейстера Языкова. По прибытіи его я между прочимъ спрашивалъ его о положеніи Латышей. Онъ разсказалъ мнѣ о прежнемъ состояніи ихъ; говорилъ, что теперь они совершенно спо-

койны, что у нихъ родился очень хорошій хлѣбъ и они мирны. Нечаянно, но благодѣтельно по послѣдствіямъ, спросилъ я его о томъ, довѣряетъ ли онъ переводчику, когда сей послѣдній явился съ Латышами? Онъ отвѣчалъ, что онъ самъ столько знаетъ Латышскій языкъ, сколько нужно для того, чтобы замѣтить невѣрность переводчика, если онъ будетъ, и что потому другой переводчикъ не нуженъ. Затѣмъ отбираемы были показанія и записываемы мною со всею точностію, и я старался, при помощи Божіей, соблюдать все вниманіе къ требованіямъ правды. Считаю нужнымъ замѣтить, что вопросы предлагаемы были большею частію г. полковникомъ. По окончаніи показаній, полковникъ поспѣшилъ отъ меня удалиться, указывая на неотлагаемую нужду быть при одномъ слѣдствіи. Съ своей стороны, слѣдуя волѣ Государя Императора, я, вслѣдъ за удаленіемъ Латышей, отправился къ г. военному губернатору для личныхъ объясненій, послѣ чего намѣренъ былъ отнестись и бумагою съ вопросами о семъ дѣлѣ».

Генералъ-губернатора Филаретъ не засталъ и отложилъ свиданіе до слѣдующаго утра. Утромъ полицеймейстеръ, пріѣхавъ для подписанія вчерашняго заявленія Латышей, хотѣлъ ограничиться удостовѣреніемъ, что слова Латышей записаны вѣрно; но осторожный Филаретъ потребовалъ, чтобъ онъ изложилъ его предложеніе на счетъ переводчика и свой отвѣтъ о знакомствѣ съ Латышскимъ языкомъ.

Какъ ни былъ остороженъ молодой епископъ въ данномъ дѣлѣ, но не могъ онъ избѣжать непріятностей и не поплатиться за него многими скорбями. Успѣхъ интриги въ дѣлѣ Иринарха придалъ смѣлости Нѣмецкой партіи, главнымъ пособникомъ который былъ самъ генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ. Только что собрался Филаретъ къ нему, какъ ему доложили о прибытіи самого генералъ-губернатора. «Слѣдуя наставленію Государя Императора», писалъ Филаретъ оберъ-прокурору, «я употреблялъ по прибытіи въ Ригу всѣ усилія, чтобы пріобрѣсть любовь какъ его высокопревосходительства, такъ и прочихъ гг. гражданскихъ начальниковъ и благодарилъ въ душѣ моей Господа, что, какъ казалось, старанія мои достигли успѣха. Теперь же г. военный генералъ-губернаторъ, прибывъ въ домъ, изъявилъ сильныя неудовольствія, ни почему для меня неожиданныя, и объявилъ, что мои дѣйствія начнутъ опять волненія между Латышами точно такъ же, какъ дѣйствія предшественника; что я долженъ былъ, не вступая ни въ какія сношенія съ Латышами, отослать ихъ въ Губернское Правленіе, гдѣ они были бы спрошены при искусномъ переводчикѣ и что полицеймейстеръ не знаетъ Латышскаго языка. Съ смущеніемъ души, но съ полною благопокорностію я объяснилъ его высокопревосходительству, что еслибы объявлены мнѣ были прежде сіи требованія и

опасенія, я за непремѣнный долгъ почелъ бы слѣдовать имъ съ точностію. Я упомянулъ ему о сношеніи моемъ съ г. губернаторомъ, объ увѣреніи г. полицеймейстера, о волѣ Государя Императора. Сіи объясненія мои нѣсколько успокоили г. военнаго генералъ-губернатора, и я, возблагодаривъ Господа, счелъ за необходимое присовокупить въ сношеніи моемъ прошеніе мое о томъ, не признаны ли будутъ нужными особенныя мѣры для подобныхъ случаевъ прибытія Латышей, изъявляя такимъ образомъ постоянную готовность мою сообразоваться съ указаніями мѣстнаго гражданскаго начальства. 6 числа получено мною отношеніе его в—ства. 5, 6 и 7 числа были для меня весьма тяжки. Полиція приведена была въ движеніе смотрѣть за тѣмъ, не придутъ ли еще Латыши. Благодареніе Господу, доселѣ дѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ были до несчастнаго прибытія ко мнѣ Латышей».

Казавшійся Филарету успокоеннымъ б. Паленъ не оставилъ принятой тактики и энергическаго преслѣдованія православія. Имъ назначена особая комиссія, дѣйствовавшая привычнымъ орудіемъ—истязаніями, клеветою, подкупами и т. п. Все стараніе употреблено для отысканія виновности православнаго духовенства, и средствами къ тому не пренебрегалось. Недовольные единовѣріемъ, раскольники и всякіе негодяи набирались для свидѣтельства, и придумано обвиненіе единовѣрческаго священника Емельянова въ подстрекательствѣ Латышей къ принятію православія.

Филаретъ писалъ графу Протасову: «Слѣдователи доселѣ не возвращались и, признаюсь, не знаю, чѣмъ все это кончится и для чего отправились они на мѣсто? Казалось бы, если опасаются безпокойствъ, не надлежало бы страхомъ одного появленія своего въ мѣстахъ Латышей, тѣмъ болѣе чѣмъ-либо другимъ, возбуждать какое-либо неспокойствіе. Но буди воля Господня! Одинъ Богъ, знаетъ, чего стоитъ для меня это принятіе Латышей. Окруженный прежде покоемъ, теперь я окруженъ тревогою и нерасположеніемъ. Нѣкоторые одобряли передъ г. военнымъ генералъ-губернаторомъ мой образъ принятія Латышей и, можетъ-быть, это удержало отъ слѣдствій, какія могли и готовы были быть въ самомъ началѣ дѣла. Можно ли надѣяться благополучнаго окончанія дѣлу—судите сами. Положеніе такъ тяжко, какъ только быть можетъ. Съ своей стороны, считаю за нужное присовокупить и ту мысль мою, что если худо мнѣ теперь, долженъ я ждать болѣе худшаго, когда сочтутъ себя оскорбленными какимъ-либо донесеніемъ моимъ. Моя доля терпѣть и молить Бога».

Письмо это написано еще нѣсколько сдержанно; оно не выражаетъ вполнѣ душевнаго состоянія Филарета, какъ оно рисуется въ одновременномъ письмѣ его къ Горскому. «Много бы надобно писать вамъ,

но повремените. Я теперь въ тяжкомъ испытаніи. Господа ради, прошу всѣхъ любящихъ и помнящихъ меня помолиться о мнѣ грѣшномъ. Господа ради, помолитесь препод. Сергію, отслужите молебенъ за меня грѣшнаго. Писать о сущности дѣла пока не могу». «Ничего не пишу вамъ о своихъ скорбяхъ», писалъ онъ вскорѣ за тѣмъ, «потому что еще не кончились. Дѣло касается Латышей; оно началось слишкомъ невыгодно, а чѣмъ кончится—не знаю».

Филаретъ внимательно слѣдилъ за ходомъ слѣдствія, сообщая о каждой выдающейся его особенности оберъ-прокурору. «На дняхъ окончили формальное слѣдствіе о дѣлѣ приходившихъ ко мнѣ двухъ Латышей, начавшееся по полученіи предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ сіе слѣдствіе, такъ и предварительное частное, происходили въ вѣдѣніи и распоряженіи одного гражданскаго начальства. Окончаніе слѣдствія ведетъ только къ новымъ огорченіямъ для духовенства православнаго. Еще по предварительномъ изслѣдованіи, отъ меня потребовали, чтобы единовѣрческій священникъ Дороѳей и единовѣрческій же причетникъ Сазоновъ, какъ замѣшанные въ безпорядкахъ прошедшаго года и участвовавшіе будто бы въ нынѣшнемъ волненіи, удалены были изъ Риги. Тоже требованіе повторяется и по окончаніи другаго слѣдствія. Такъ какъ начало дѣла показало слишкомъ ясно, что какое бы то ни было несогласіе мое поведетъ только къ самымъ худымъ послѣдствіямъ, при томъ сознавая и то, что лицо, столько уполномоченное довѣріемъ высочайшей власти, обязываетъ мою совѣсть полагаться на его отзывы, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково спокойствіе гражданское: я съ своей стороны отозвался словесно, что Сазоновъ удаленъ будетъ немедленно (притомъ онъ и считался только временно-исправляющимъ причетническую должность, а по состоянію оставался мѣщаниномъ), а о священникѣ просилъ покорнѣйше, чтобы дозволено было ему остаться до времени, пока найденъ будетъ другой на такое трудное мѣсто, каково мѣсто единовѣрческаго священника. На сіе согласились; между тѣмъ писано было мною о семъ къ его высокопреосвященству. Дѣйствія мои по сему дѣлу симъ только и ограничились, такъ какъ болѣе того дѣлать что-либо въ публичныхъ сношеніяхъ не находилъ я никакой для себя возможности; не могъ говорить что-либо даже и частнымъ образомъ противъ какого-либо дѣйствія. Положеніе мое было таково, что мнѣ необходимо было употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы гражданское начальство удержало свои тревоги и волненія, что̀ потребовало многихъ трудовъ и скорбей. Все, что̀ видѣлъ я и испытывалъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, пока дѣлались изслѣдованія о двухъ Латышахъ, слишкомъ ясно показываетъ моей совѣсти, что каждый шагъ въ семъ дѣлѣ бу-

детъ оканчиваться безъ всякой пользы для дѣла, и слѣдствіями его будутъ только безпокойства для моего начальства, бѣдствія для многихъ, не говоря о себѣ. И слова, и дѣла показываютъ, что тысячи не хотятъ того, чтобы Латыши были православными; а при такомъ положеніи что могу сдѣлать я одинъ? Для дѣла ничего; никакая осторожность, никакая чистота не спасутъ ни меня, ни дѣла моего. Не могу не сознаться, что Латыши хотятъ придти ко мнѣ; но когда совѣсть и благоразуміе увѣряютъ, что начинать сіе дѣло значитъ начинать дѣло такое, которое не приведетъ его къ концу, а къ другимъ слѣдствіямъ, то я принужденъ былъ говорить, что теперь не время. Остается предоставить Господу все и ожидать Его изволенія».

На нетерпѣливые вопросы Горскаго Филаретъ писалъ: «Дѣло о Латышахъ по отношенію ко мнѣ состоитъ въ томъ, что они желаютъ православія, а Нѣмцы душатъ ихъ за это желаніе и настаиваютъ на томъ, что они бунтовщики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякій, кто только касается дѣла. Вотъ содержаніе несчастной исторіи! Каждый шагъ мой дознаютъ, каждое желаніе проникаютъ; шпіоны ходятъ даже въ комнаты и иногда съ прошеніями о помощи противъ нихъ же; домогаются всѣми средствами впутать меня въ какую-нибудь грязную исторію. Клеветы сыплются изъ обѣихъ рукъ. Если Господь не защититъ, конечно, надежды нѣтъ на избавленіе отъ ковъ. Извѣстно мнѣ, что велѣно произвести новое слѣдствіе. Но кто и какъ будетъ производить—это дѣло особенное и неизвѣстное. Меня частію уже прицѣпили къ дѣлу приходившихъ ко мнѣ Латышей. Послѣ того, что со мною было, мнѣ уже нельзя дѣлать ни шагу въ этомъ дѣлѣ, и объ этомъ уже сказано кому слѣдовало. Да будетъ воля Господня!»

Между тѣмъ, графъ Протасовъ доложилъ Государю письмо Филарета съ описаніемъ перваго пріема его Латышей, и Государь повелѣлъ передать Филарету одобреніе его дѣйствій, находя ихъ «благоразумными и осмотрительными». Это немало принесло успокоенія Филарету.

Филаретъ понималъ, что ему нужна «мудрость змѣина». Донесенія его оберъ-прокурору даютъ понятіе объ его дальновидности и предусмотрительности. Дѣлая удареніе на томъ, что если будутъ оскорблены какимъ-либо донесеніемъ его, то положеніе его еще ухудшится, онъ какъ бы предупреждалъ графа Протасова о сохраненіи внѣ гласности его сообщеній. Не безъ цѣли также онъ указывалъ, что не только не находилъ возможнымъ входить въ публичныя сношенія по этому дѣлу, но даже и въ частномъ разговорѣ касаться его. «Не легко говорить о дѣлахъ чужихъ, писалъ онъ графу Протасову, когда совѣсть не можетъ признавать ихъ дѣлами совѣсти христіанской».

Филаретъ передаетъ слова б. Палена: «Нѣтъ нужды присоединять теперь Латышей къ православію; черезъ сто лѣтъ мы всѣ будемъ православными черезъ браки». Далѣе, когда нужно было хвалить протестантство, онъ сказалъ: «Вотъ какое благодѣтельное дѣйствіе имѣетъ наше вѣроисповѣданіе на сердца: когда въ прошедшемъ году происходило возмущеніе, то, хотя употреблены были и строгія мѣры, даже военная сила, ни одинъ Латышъ никого не тронулъ». Когда же надобно было показать, что православное духовенство можетъ начинать возмущеніе, правитель сказалъ: «Вотъ въ прошедшемъ году возмущенія распространились между Латышами, какъ пожаръ послѣ пріема ихъ духовенствомъ; тоже будетъ и нынѣ. Ничто тогда не могло остановить; тоже будетъ и нынѣ». И эту вопіющую неправду долженъ былъ выслушивать служитель истины! «Повѣрьте, ваше с—ство, писалъ онъ графу Протасову, что три мѣсяца были для меня слишкомъ тяжелы; я не могъ почти совсѣмъ заниматься дѣлами, едва не приближался ко гробу, и что же вышло? Воля Господня да будетъ!» «Господь не оставитъ Своего дѣла, писалъ нѣсколько успокоившись Филаретъ. Ваше сіятельство прошу покорнѣйше не безпокоиться по сему дѣлу. Если Господь будетъ столько милостивъ къ грѣхамъ моимъ, что, не взирая на нихъ, будетъ подкрѣплять меня, то любовію надѣюсь при Его помощи достигнуть того, чего нельзя достигнуть другими способами; входить же въ какія-либо судебныя разбирательства не считаю ни полезнымъ, ни сообразнымъ съ моею совѣстію».

Смиренный тонъ писемъ Филарета, чуждыхъ раздражительности, яркость извѣстій, имъ сообщаемыхъ, наконецъ голосъ Русскихъ людей съ ихъ сѣтованіемъ на невниманіе къ Русскому дѣлу, чаще и чаще сталъ доходившій до слуха оберъ-прокурора, наконецъ пробудили и его. Вмѣстѣ съ тѣмъ графа Строганова замѣнилъ въ то время энергичный, умный, вполнѣ Русскій по душѣ, Л. А. Перовскій, принявшій дѣло православія, какъ дѣло Русское, близко къ сердцу. Графъ Протасовъ подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ въ докладѣ Государю изложилъ свѣдѣнія, сообщенныя архіереемъ и напомнилъ объ образѣ его дѣйствій, одобренныхъ самимъ Государемъ. Между прочимъ онъ представилъ Государю слѣдующія соображенія: «При столь противорѣчивыхъ отзывахъ по дѣлу сему барона Палена и епископа Филарета и по значительности лица священника Емельянова, имѣющаго большое вліяніе на тамошнее единовѣрческое общество (его усиліями столь еще недавно исторгнутое изъ раскола), не благоугодно ли будетъ высочайше повелѣть передать сіе дѣло по принадлежности министру внутреннихъ дѣлъ для изслѣдованія и приведенія онаго въ извѣстность узаконеннымъ порядкомъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ дѣйствительной винов-

ности сего священника, духовное начальство могло имѣть справедливое и законное основаніе немедленно удалить его и подвергнуть по мѣрѣ вины строгому взысканію?» Государь повелѣлъ исполнить. Вся переписка Филарета передана была оберъ-прокуроромъ въ Св. Синодъ. Синодъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе мѣру, вполнѣ отвѣчающую времени и обстоятельствамъ, а именно, чтобы епископъ Рижскій о каждомъ желающемъ присоединенія испрашивалъ разрѣшенія Синода. Это, по мнѣнію Синода, въ примѣрахъ частнаго присоединенія должно обнаружить: многіе ли его желаютъ, по какимъ побужденіямъ и какія требуется принять предосторожности и способы. Главная же суть дѣла заключалась въ томъ, что такая мѣра освобождала епископа отъ столкновеній съ мѣстною властію, для которой борьба съ Синодомъ была труднѣе. Но Государь до окончанія слѣдствія о священникѣ Емельяновѣ пріостановилъ дать согласіе на постановленіе Св. Синода.

Такой поворотъ дѣла еще болѣе придалъ смѣлости Филарету. Но, испытанный примѣрами прежнихъ слѣдствій, онъ еще не вполнѣ довѣрялъ безпристрастію новаго, а потому писалъ Горскому: «Помолитесь, теперь здѣсь великое для меня дѣло дѣлается; слѣдователь изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію производитъ слѣдствіе. Когда бы преподобный Сергій не оставилъ меня грѣшнаго!» Извѣщая же въ слѣдующемъ письмѣ объ удовлетворительномъ исходѣ дѣла, Филаретъ добавляетъ: «Помолимся Господу Богу! Скажу только, что и для меня доселѣ не было извѣстно, чтобы ненависть Нѣмцевъ до такой степени простиралась ко мнѣ, до какой она дѣйствительно простирается. Только молитвы преподобнаго Сергія защитили меня грѣшнаго. Иначе слишкомъ, слишкомъ худо хотѣли поступить со мною Нѣмцы. Господь да проститъ ихъ!»

Филаретъ, при его глубокой учености, стойкости, любознательности, ревности къ церкви и энергіи, былъ опасенъ для Нѣмцевъ и ихъ господства на окраинѣ Россіи. Ни одно обстоятельство, ни одинъ памятникъ, ни одна развалина не миновали его вниманія. Такъ, напр., послѣ поѣздки своей въ Венденъ, онъ пишетъ Горскому: «Недавно былъ я въ Венденѣ и тамъ видѣлъ копію со стариннаго плана, составленнаго не позже XVII в. Тамъ, близъ стѣны замка, въ городѣ показано Grund der russischen Kirche *) и начертанъ планъ самой церкви. Теперь это мѣсто застроено обывательскими домами. Послѣ того я увидалъ, что въ одной Нѣмецкой поздней книжкѣ Нѣмецъ пишетъ: «Преданіе (Sage) говоритъ, что въ Венденѣ была церковь Русская въ XIV

*) Основаніе Русской церкви.

вѣкѣ. Со всею вѣроятностію, или точнѣе съ несомнѣнностію, должно положить, что при Магнусѣ или при Іоаннѣ Грозномъ была здѣсь церковь для жены Магнуса и племянницы (если не ошибаюсь) Грознаго». Плодомъ подобныхъ наблюденій явилась черезъ годъ въ Іюньской книжкѣ «Москвитянина» (1843 г.) статья Филарета «Откуда коренные жители Лифляндіи получили христіанство, съ Востока или Запада?» Эта статья не могла укрыться отъ Нѣмцевъ и дала понять, съ кѣмъ имѣютъ они дѣло.

Любознательность Филарета не ограничивалась предѣлами его епархіи. Какъ ревнитель церкви вообще, онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одного явленія ея жизни, ни одного пережитаго ею случая. Такъ, посѣтивъ Вильну по поводу возсоединенія уніатовъ, онъ пишетъ, что ѣздилъ «раздѣлять торжество православія надъ властію папизма». «Да, надобно дивиться, какъ тому, что̀ прежде было въ Вильнѣ, такъ и тому, что̀ происходитъ теперь. Знаете ли, въ какомъ положеніи было православіе въ Вильнѣ въ XVII-мъ вѣкѣ и въ какомъ въ началѣ XIX-го? Сохранилась старая карта Вильны XVII-го или XVIII-го в. По ней видно, что въ Вильнѣ было 15 православныхъ церквей. А что́ засталъ XIX-й вѣкъ? Въ его началѣ оставался только одинъ Духовъ монастырь и въ немъ настоятель безъ братіи. Странно, въ высшей степени странно! Въ настоящее время дѣла приняли обратный путь: православіе распространяется, а папство стѣсняется въ предѣлахъ».

Приведемъ сужденіе Филарета о протестантствѣ, чтобъ болѣе освѣтить его дѣятельность на пользу православной церкви и отношенія къ нему Нѣмцевъ. «Пройдите мыслію исторію протестантизма до настоящаго времени. Съ чего начался онъ, и на чемъ теперь остановился? Лютеръ требовалъ, чтобы каждый былъ судьею и при чтеніи Писанія, и при обозрѣніи положенія души своей. Онъ потребовалъ, чтобы жила мысль. И вмѣстѣ съ тѣмъ выразилось требованіе, чтобы довѣрчивость чувства другимъ, смиренная покорность опытности блаженствующихъ на небѣ были брошены. Его послушались. Послушались, потому что требованіе льстило самолюбію. Чего же лучше для самолюбія, какъ когда говорятъ: живи по своему усмотрѣнію? Его послушались. И что̀ же потомъ, что̀ же наконецъ нынѣ? Сначала еще было въ движеніи чувство (нельзя вдругъ убить его въ себѣ): жизнь борется сама по себѣ со смертію, на что̀ бы ни обратилась смерть. Сначала много было огня и въ словахъ, и въ дѣлахъ, хотя болѣе это былъ огонь воображенія, возбужденнаго самолюбіемъ, чѣмъ искренняго, благочестиваго чувства. Потомъ чувство становилось слабѣе и слабѣе. Отъ чего? Отъ того, что сильнѣе и сильнѣе начала дѣйствовать мысль. Прошло

три вѣка послѣ Лютера, и чѣмъ же стало его христіанское общество? Движущеюся мыслію, но съ омертвѣвшимъ для Господа чувствомъ».

Московская академія ликовала: до нея дошелъ слухъ, что Филаретъ получилъ высочайшую благодарность за его дѣйствія. Все, что писалъ Горскому Филаретъ, читалось всею академіею, и близко принимались ею скорби бывшаго ея начальника. Филаретъ извѣщалъ своего друга: «Не писалъ я, потому что не могъ писать. Это секретныя бумаги; здѣсь о нихъ извѣстно только мнѣ, и теперь пишу не безъ опасеній. Не понимаю, какъ узнали о всемъ въ Москвѣ; но какъ украсили дѣйствительность! Повторяю, грѣшный, что благодареніе Господу и за сіи милости, которыхъ недостоинъ. Милость для меня тѣмъ болѣе ощутительна, что ждалъ я не того, а уже искалъ, сильно искалъ мыслію уголокъ, гдѣ бы укрыться для совершеннаго уединенія. Еслибы знали здѣшніе друзья мои, что̀ знаютъ въ Москвѣ, то задали бы мнѣ звону. Ты не можешь, другъ мой, представить, какъ много нужно здѣсь имѣть предосторожностей и опасеній! Каждый шагъ замѣчаютъ, слова записываютъ; записываютъ и то, когда и какъ былъ я у кого-либо изъ здѣшнихъ знаменитостей. Такъ и надобно, другъ мой. Когда самъ я такъ небрежно, такъ безпечно живу, такъ трачу время, не думая на что̀ трачу и для чего дано оно: необходимо, чтобы другіе замѣчали и давали мнѣ знать о моей безпечности. О, какъ милостивъ Господь и щедръ къ такому мерзавцу какъ я!»

Между тѣмъ вскорѣ генералъ-губернаторъ б. Паленъ былъ вызванъ въ Петербургъ. «Здѣсь что-то необыкновенное готовится», писалъ Филаретъ; «а что̀ именно не могу разсказать. Дѣла кипятъ тамъ, въ Петербургѣ. О, Господи, соверши потребное для славы святаго имени Твоего»! Бывшій Рижскій епископъ Иринархъ вызванъ изъ Воронежа въ Петербургъ и почтенъ благоволеніемъ. Изъ Петербурга доносился слухъ, что ему, въ присутствіи Государя, будетъ дана очная ставка съ военнымъ губернаторомъ. «Время самое критическое», замѣчаетъ Филаретъ. Что̀ же вызвало такую перемѣну?

Мѣсто графа Строганова, какъ мы знаемъ, занялъ Перовскій. Онъ взглянулъ на дѣло Латышей во всю ширь и глубь его. Разсмотрѣвъ вышепомянутое слѣдствіе, онъ доложилъ Государю, что обвиненія священника Емельянова и вообще всѣ обвиненія духовенства выдуманы, а дѣйствія мѣстнаго Лифляндскаго начальства пристрастны. Оберъ-прокуроръ Св. Синода сталъ дѣйствовать тогда уже смѣлѣе. Послѣ доклада Перовскаго онъ испросилъ соизволенія Государя на исполненіе прежде состоявшагося постановленія Св. Синода относительно порядка въ присоединеніи Латышей. Утвердивъ это постановленіе, Государь повелѣлъ учредить богослуженіе для Латышей и Эстовъ на

ихъ природномъ языкѣ. Барону Палену трудно было путемъ извращеній удержать положеніе дѣлъ въ прежнемъ видѣ. Перовскій съ настойчивостію, достойною государственнаго мужа и патріота, изобличалъ неправду. Баронъ Паленъ не имѣлъ уже поддержки: всесильный графъ Бенкендорфъ, который такъ усердно ему содѣйствовалъ, отошелъ въ вѣчность [1]). Вѣсть объ его кончинѣ (12 Сент. 1844) наводитъ Филарета на слѣдующія размышленія: «Благословеніе Божіе нужнѣе всего на свѣтѣ. Съ нимъ надобно жить и за гробомъ. Безъ него худо и на землѣ. Люди съ сильнымъ умомъ возвышаются надъ временемъ, обращаютъ на себя взоръ потомства. Много говорятъ о нихъ, говорятъ съ энтузіазмомъ, надѣляютъ ихъ множествомъ именъ громкихъ; но если это только дѣло человѣка, если сильный умъ живетъ только съ собою и собою, какъ грустно величіе его! Сарказмъ, ѣдкій сарказмъ—величіе его. Чѣмъ тамъ онъ теперь, великій земли? О немъ здѣсь громко говорятъ; но громкая слава земли не составляетъ ли для него тяжкихъ ударовъ? Вѣрите ли вы тому, что за тысячу верстъ душа можетъ ощущать, что ее трогаютъ, ее толкаютъ движенія чувствъ людскихъ? Да, бываетъ, что въ душѣ отдается голосъ людской, издающійся за тысячу верстъ отъ меня. Что же? Если здѣсь есть связь между душами, почему же не быть и тамъ? А это неотрадная дѣйствительность для души, пользующейся незаконною земною славою! Правда Божія строга. Каждому отдаетъ свое, отдаетъ до послѣдней мортки [2]). Нищъ и убогъ я, какъ никто другой! Сорокъ лѣтъ на землѣ; а что готоваго для вѣчности?»

Графа Бенкендорфа замѣнилъ Русскій человѣкъ, графъ Орловъ. И вотъ Л. А. Перовскому совмѣстно съ нимъ удалось добиться удаленія барона Палена и назначенія на его мѣсто Е. А. Головина. Эта перемѣна заставила призадуматься всю Нѣмецкую партію. Барона Палена почитали настолько прочнымъ, что объ удаленіи его и въ мысли никому не приходило. А тутъ еще замѣстили его Русскимъ, по крайней мѣрѣ человѣкомъ съ Русскимъ именемъ. Мало того, Государь Николай Павловичъ сказалъ рѣшительное слово, безповоротно свою волю, ободрившую всѣхъ присоединенныхъ, желающихъ присоединяться къ православію, безпрепятственно вступать въ нѣдра св. церкви? Дворянскимъ депутатамъ Лифляндіи Государь сказалъ, что онъ, «самъ принадлежа къ православію, не можетъ и не долженъ запре-

[1]) На возвратномъ пути изъ чужихъ краевъ въ свой Фалль. Государь, нѣкогда вѣрившій ему безгранично, видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ въ Магдебургѣ, во время своего проѣзда въ Англію, весною 1844 г. Самъ графъ Бекендорфъ получалъ невѣрныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и этимъ объясняется остуда къ нему Государя. П. Б.

[2]) Мортка — самая древняя малая монета.

тить свободный переходъ въ господствующую церковь». Онъ выразилъ имъ непремѣнную волю «заняться улучшеніемъ быта крестьянъ». Министръ внутреннихъ дѣлъ, сообщая генералъ-губернатору о волѣ Государя Императора, обратилъ его вниманіе на притѣсненія помѣщиками и протестантскимъ духовенствомъ крестьянъ, присоединившихся къ православію и сообщилъ резолюцію Его Величества: «Глядѣть въ оба глаза, новаго не затѣвать и слѣпо держаться данныхъ мною разрѣшеній на всѣ случаи, а съ неповинующимися моей волѣ, *кто бы ни былъ*, поступать какъ съ бунтовщиками. Аминь».

При такихъ добрыхъ знаменіяхъ началось новое движеніе къ присоединенію въ 1845 году. Но увы, всѣ эти надежды разлетѣлись прахомъ. Генералъ-лубернаторъ Головинъ оказался очень слабымъ. Дѣло присоединенія не могло встрѣчать его энергической поддержки, потому что онъ сохранялъ убѣжденіе въ возможно-скорой перемѣнѣ системы и мнѣнія самого Государя. Военный министръ, графъ Чернышовъ, чтобы подставлять ногу Перовскому, старался, во что̀ ни стало, вредить его планамъ въ Лифляндіи. Многіе изъ состоявшихъ при Головинѣ отличались полнымъ равнодушіемъ къ этому дѣлу, если не сказать болѣе. Чуть ли ни единственнымъ человѣкомъ, горячо преданнымъ церкви и Русскому дѣлу, былъ графъ Д. Н. Толстой, съ которымъ сошелся преосвященный и сохранилъ добрыя отношенія до смерти.

По прибытіи въ Ригу Филаретъ нашелъ дѣло православія почти погибшимъ. Изъ обращенныхъ въ апостольское служеніе Иринарха болѣе половины отпало. Филаретъ писалъ, между прочимъ, графу Протасову: «Надобно сожалѣть, что помѣщики сильно обезпокоены желаніемъ крестьянъ присоединиться къ св. православію. Тревоги пасторовъ естественны, хотя нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до изступленныхъ выходокъ противъ православія. Въ искреннихъ разговорахъ въ Ригѣ помѣщики сознавались, что собственно не ослабленіе лютеранства занимаетъ ихъ, но они боятся только того, что а) при православныхъ священникахъ они не будутъ имѣть той безотчетной власти надъ крестьянами, какую имѣли при лютеранскихъ пасторахъ, и б) что имъ вообще хочется удержать въ Лифляндіи дѣла *въ отдѣльномъ видѣ отъ Россіи и не допускать въ нее ничего Русскаго*».

Какъ Русскій человѣкъ, Филаретъ желалъ успѣха дѣлу Русскому. Такъ напримѣръ, когда начали выходить при Московской духовной академіи «Творенія Святыхъ Отцовъ», онъ писалъ Горскому: «Объявленіе о вашемъ журналѣ будетъ разослано по Лифляндіи. Пусть колбасники не чванятся. Ахъ, простите за жесткое слово!» Профессору академіи П. С. Делицыну: «Печатайте, печатайте акты о дѣятельности великаго Ломоносова, великаго Русскаго человѣка. Надобно,

чтобы Россія знала этого человѣка; особенно же нужно, чтобы знали его Нѣмцы и умѣрили свою глупую кичливость предъ Русскими. Пусть были у него свои слабости; но для Русской души дороги и слабости Русскія, не потому только, что онѣ наши, но и потому, что Русскій по этимъ слабостямъ можетъ научаться, какъ отклонять свои слабости. Пора быть намъ учителями себѣ самимъ, а не слушать съ разинутымъ ртомъ что болтаетъ Нѣмецъ или Французъ. Извините, что говорю Русскимъ языкомъ. И однако прибавлю, что странно, отъ чего только Нѣмцы и Чухны въ Академіи, а нѣтъ Мордвы и Чувашъ?» Или вотъ, напримѣръ, отзывъ его о статьѣ архимандрита Іосифа. Указавъ на нѣкоторыя недостатки ея, онъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Кто писалъ статью о церкви? Она основательна; это не то, что Французскій кисель».

Ревности Филарета не могла удовлетворить забота о сбереженіи оставшагося православія. Зная хорошо исторію, понимая, насколько несправедливы и противны политическимъ видамъ отечества притязанія бароновъ, онъ желалъ пламенно поставить дѣло присоединенія прочно, оградить отъ козней враговъ, предвидѣлъ торжество церкви и коренное сліяніе края съ обширною Россіей. Для выполненія этой задачи онъ признавалъ необходимымъ установить такую программу:

1) Распредѣлить приходы и соорудить церкви. 2) Чтобы привязать новыхъ членовъ къ церкви, назначать священниковъ изъ ихъ среды; но такъ какъ для этого нужна подготовка, то 3) учредить духовное училище. 4) Съ цѣлію привязать къ церкви доставленіемъ духовнаго утѣшенія въ общественной молитвѣ, ввести богослуженіе на природномъ языкѣ новообращеннымъ, и съ сею цѣлію 5) подготовлять пастырей, знающихъ Латышскій языкъ. 6) Озаботиться объ образованіи народа въ духѣ Русскаго православія, для чего въ замѣнъ лютеранскихъ школъ открыть церковно-приходскія. 7) Облегчить переходъ въ православіе; 8) для сей цѣли поднять уровень мѣстнаго духовенства привлеченіемъ къ этому служенію людей съ высшимъ образованіемъ, академиковъ, для чего 9) обезпечить содержаніе духовенства; 10) съ тою же цѣлію оградить населеніе отъ преслѣдованій и притязаній бароновъ и пасторовъ; 11) чтобы поднять въ глазахъ населенія православіе, защищать его всѣми силами отъ порицаній и оскорбленій со стороны протестантовъ.

Филаретъ составилъ распредѣленіе церквей и приходовъ. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, вопросъ о разграниченіи приходовъ, назначеніи мѣстъ для церквей и школъ разрѣшался по соглашенію генералъ-губернатора съ архіереемъ и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Синявинымъ, командированнымъ въ Ригу по

представленію Перовскаго. Въ совѣщаніи рѣшили послать двухъ священниковъ съ двумя чиновниками для личнаго обзора и соглашенія съ помѣщиками и арендаторами. Командированы были Потуловъ и Шишмаревъ, оба неопытные, только что изъ флота. Филаретъ, предвидя, что бароны, давъ согласіе на словахъ о постройкѣ на ихъ землѣ церкви или школы, могутъ потомъ отречься отъ обѣщанія (чрезъ что̀ дѣло будетъ тянуться безъ исполненія), настаивалъ, чтобы о согласіи каждаго помѣщика чиновники составляли протоколы. Мало еще посвященный въ мѣстную казуистику, Синявинъ былъ противъ этого предложенія; однако Филарету удалось поставить на своемъ. Предложеніе его было внесено такимъ образомъ въ инструкцію. «Архіерей упрямится», замѣчаетъ графъ Д. Н. Толстой. «Я думаю, впрочемъ, что епископъ правъ: иначе поѣздки будутъ безполезны».

Еще въ 1844 году дозволено было открыть православную церковь въ Виндавѣ. Но чего это стоило! Филаретъ представилъ Синоду о необходимости устроить православную церковь въ Виндавскомъ замкѣ, гдѣ была лютеранская церковь, для которой выстроено новое зданіе. Необходимость онъ мотивировалъ отдаленностію Либавской церкви (30 верстъ). Баронъ Паленъ писалъ и Филарету, и графу Протасову, и Перовскому, что этого исполнить вовсе невозможно; потому что всѣ части замка заняты, при чемъ представилъ отзывъ строительной комиссіи, въ которомъ говорится, что еслибъ и не былъ занятъ замокъ, то церкви потому нельзя устроить, что 1) замокъ расположенъ близъ гавани, отъ чего неминуемо можетъ происходить замѣшательство во время отправленія божественной литургіи (какая забота о благочиніи служенія въ православной церкви!); 2) помѣщеніе, предполагаемое для церкви, проходитъ черезъ два этажа, и къ нему непосредственно примыкаютъ конюшня и тюрьма, въ которой по полицейскому порядку должны производиться, и въ воскресные, и въ праздничные дни, во время самой литургіи, полицейскія взысканія (здѣсь забота о возбраненіи въ воскресные и праздничные дни совершать экзекуціи не прилагалась); 3) самая конструкція замка не дозволяетъ поставить алтарь съ иконостасомъ такъ, чтобы они могли быть видны всѣмъ молящимся. Но Перовскій не ограничился этимъ сообщеніемъ, а потребовалъ планъ замка. Разсмотрѣвъ планъ, Перовскій нашелъ, что присутственныя мѣста такъ просторно размѣщены въ замкѣ, что безъ стѣсненія можно очистить помѣщеніе для церкви. Онъ счелъ даже возможнымъ помѣстить церковь, гдѣ предлагалъ архіерей, и устранить неудобства, кои указаны комиссіей, уничтоженіемъ конюшни и воспрещеніемъ въ праздничные дни во время литургіи производить наказанія въ тюрьмѣ. Перовскій мысль свою сообщилъ графу Протасову,

который доложилъ Государю. Этотъ докладъ вселилъ сомнѣніе въ Государѣ на счетъ чистоты дѣйствій барона Палена. Весьма вѣроятно, что графъ Протасовъ одновременно доложилъ и письмо Филарета, въ которомъ излагалось, какъ гауптманъ Ренне, возвратившись изъ Митавы, разсказывалъ, что губернаторъ обѣщалъ настоять, чтобъ православная церковь не была устроена въ замкѣ, гдѣ онъ жилъ, а въ особомъ безобразномъ домѣ, окруженномъ корчмами, что́ и будетъ сдѣлано, не смотря на распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. Государь по докладу графа Протасова приказалъ исполнить, что́ очень озадачило всю Нѣмецкую партію съ барономъ Паленомъ во главѣ.

Противодѣйствіе устройству церквей доходило до того, что полковника Пистолькорса, построившаго на своей мызѣ церковь, оштрафовали за такую измѣну протестантству 50-ю рублями.

Генералъ-губернаторъ Головинъ, посѣтивъ Аренсбургъ и найдя тамъ церковь въ полуразрушенномъ видѣ, изъявилъ Филарету готовность войти съ представленіемъ о ея исправленіи. Подождавъ до осени 1845 года, Филаретъ сообщилъ запискою о состояніи церкви графу Протасову, указывая, что ее придется запечатать. Какъ видно, генералъ-губернаторъ хотѣлъ успокоить Филарета своимъ вызовомъ, а тѣмъ временемъ церковь по ветхости могла быть закрыта. Слѣдившій за всѣмъ, что́ касалось православія, Филаретъ не позволялъ себя убаюкивать обѣщаніями, а пождавъ нѣкоторое время, самъ принялся за дѣло, хотя дѣло это, при неудовольствіяхъ военнаго министра съ Перовскимъ, трудно было двинуть впередъ, такъ какъ церковь Аренсбургская состояла въ вѣдѣніи Военнаго Министерства.

Еще въ первый годъ Филаретъ убогую свою и тѣсную домовую церковь расширилъ и привелъ въ благолѣпный видъ. Онъ мечталъ устроить, по совѣту своего преемника по академіи ректора Евсевія, монастырь и утѣшалъ, что «Богъ дастъ заведутся монашики». Хотя этого ему не удалось устроить, но, получивъ для архіерейскаго загороднаго дома отъ одного жертвователя, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Александровича Комарова, дачу Эйхенбергъ (дубовая гора, гдѣ и нынѣ есть дубы величественныхъ размѣровъ), онъ устроилъ тамъ что-то въ родѣ скита, съ церковью во имя Рождества Іоанна Предтечи.

Всего болѣе заботило Филарета то, что разбросанная паства его, не имѣя церквей и священниковъ, лишена была утѣшенія молиться въ храмѣ и возможности удовлетворять своимъ духовнымъ потребностямъ, черезъ что́ самое познавать глубже и укрѣпляться въ новой вѣрѣ. Филаретъ хлопоталъ о сооруженіи церквей. Но хотя и выдана была на этотъ предметъ сумма изъ государственнаго казначейства, но на сооруженіе нужно время. Къ тому же потребность въ церквахъ воз-

растала по мѣрѣ распространенія православія среди Латышей. Филаретъ ходатайствовалъ о сооруженіи временныхъ церквей. Государь разрѣшилъ и этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Еще въ 1843 г., выѣзжая обозрѣть епархію, Филаретъ въ немногихъ словахъ выражаетъ ея состояніе: «Я нынѣ собираюсь въ путь, странствовать по Нѣмецкой Лифляндіи, чтобы отыскивать бѣдное православіе, кроющееся въ ея углахъ, какъ пташку въ грозную бурю». О томъ же пишетъ графъ Д. Н. Толстой: «Положеніе вновь присоединившихся жалкое. Ихъ уже 12 тысячъ, разсѣянныхъ по цѣлой Лифляндіи. Не имѣя никакой компактной связи, а слѣдовательно и никакой силы, они подвергаются всякаго рода лишеніямъ. Нищета и голодъ ихъ преслѣдуютъ, и никто не только не хочетъ, но и не смѣетъ подать руку помощи. Они умираютъ—имъ отказываютъ въ могилахъ. Приказано впредь до отвода мѣстъ для кладбищъ хоронить на лютеранскихъ; пасторы противятся. Сегодня писали губернатору, чтобъ настоялъ на дознаніи. Жалко! Никто, ни даже за высокую плату, не хотѣлъ уступать помѣщенія для храма Божія. Хотя бы ненужная развалина, и ту нельзя было пріобрѣсти для этой цѣли».

По открытіи богослуженія на Латышскомъ языкѣ въ Покровской церкви, Филаретъ, находя ее неудобною, ходатайствовалъ о сооруженіи особаго храма. По своему правилу излагать дѣло съ полною ясностію, дабы ни въ чемъ не встрѣтить отпора, онъ и настоящее ходатайство обставилъ самыми вѣскими доводами. Такъ онъ писалъ графу Протасову: «О Рижской Латышской церкви необходимо войдти въ новое разсмотрѣніе. а) Кладбищенская Покровская церковь находится за городомъ, въ концѣ Петербургскаго кладбища; вблизи сей церкви очень мало жилищъ, отъ центра города она верстахъ въ пяти; посему инымъ изъ православныхъ Латышей приходится ходить къ ней верстъ за 8 и 9, ни одному же не ближе трехъ верстъ. Это и въ теплое время тяжело, но зимою для иныхъ невозможно. б) Покровская церковь холодная; а теплою, при ея ветхости и устройству съ куполомъ, трудно сдѣлать. в) Эта отдаленность Покровской церкви и неудобство ея для зимы выставляется нѣкоторыми изъ Латышей причиною того, что они и доселѣ не рѣшаются присоединиться къ православію муропомазаніемъ и изъявляютъ готовность принадлежать къ православію, коль скоро назначенъ будетъ удобный храмъ. Эти неудобства были въ виду и тогда, какъ происходило дѣло о назначеніи церкви для Латышскаго богослуженія; но другаго ничего нельзя было сдѣлать». Указавъ, почему ни одна изъ городскихъ церквей не можетъ быть уступлена для Латышскаго богослуженія, Филаретъ признаетъ необходимымъ устроить особую церковь для Латышей и ука-

зываетъ мѣсто—на форштадѣ, какъ болѣе населенномъ Латышами. Но какъ на форштадѣ по закону о крѣпостяхъ каменныя постройки возводить воспрещается, онъ предлагаетъ перевести переданную въ его вѣдѣніе деревянную гошпитальную церковь, на что полагаетъ достаточно употребить 1000 р. сер. При этомъ, предвидя разныя возраженія, Филаретъ объясняетъ: «Лютеранскіе горожане, какъ извѣстно, готовы спорить за мѣсто, гдѣ бы надлежало поставить православную церковь; говорятъ, что они сами поставятъ тамъ лютеранскую кирху, въ которой имѣютъ нужду. Но въ этомъ болѣе упорства противъ православія, чѣмъ нужды для лютеранства. Для кирхи можетъ быть отведено другое мѣсто; городу принадлежитъ не только вся земля, занимаемая городомъ и форштадами, но и въ окрестности на 10 верстъ. Между тѣмъ мѣсто, гдѣ нужно было поставить православную церковь, и прежде было подъ православною церковью; только послѣ пожара 1812 года поставлена Александровская (прежде Живоноснаго Источника) на другомъ мѣстѣ. Что касается до опасенія, не стали бы Латыши считать своей церкви какою-то особою отъ православной, если они будутъ имѣть особый молитвенный храмъ; то: а) все, что̀ доселѣ видно въ образѣ мыслей ихъ, не подтверждаетъ сего опасенія. Они сперва сильно желали, чтобы имъ дозволено было сидѣть на скамейкахъ въ храмѣ; для старыхъ и слабыхъ по снисхожденію дозволено было поставить по скамейкѣ около стѣны. Но теперь они сами вынесли эти скамейки и говорятъ, что передъ Господомъ точно приличнѣе стоять, чѣмъ сидѣть. Объ орга̀нѣ теперь уже ни слова. Они вообще полюбили всѣ православные обряды и не находятъ въ своемъ прежнемъ ничего лучшаго. Очень рады и молитвословію надъ рождающимися младенцами, и крещенію ихъ, и погребенію мертвыхъ. Единственное, что̀ изъ прежняго они удерживаютъ, это пѣніе своихъ молитвъ въ вечерню, иногда въ утреню. Но это необходимо потерпѣть даже и потому, что изъ православной службы такъ мало еще переведено на Латышскій языкъ. б) Латыши вовсе не чуждаются того, что православные, знающіе Латышскій языкъ, раздѣляютъ съ ними моленіе. Русскіе православные съ своей стороны стали бы чаще чѣмъ теперь посѣщать Латышское богослуженіе, когда была бы церковь на предполагаемомъ мѣстѣ: тогда близко было бы ходить въ храмъ. Ничто не препятствовало бы и тогда поставить въ правило, чтобы въ сей церкви совершалось богослуженіе какъ на Латышскомъ, такъ и на Славянскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ Рижскихъ Латышей хорошо знаютъ Русскій языкъ и могутъ понимать Славянскую службу». Нѣтъ сомнѣнія, что такія обстоятельныя записки, знакомя хорошо оберъ-прокурора съ дѣломъ, облегчали ему и доклады

его Государю, а чрезъ что возвышали значеніе самаго Филарета въ глазахъ графа Протасова.

Вопреки безучастію и сопротивленію мѣстныхъ властей, Филаретъ открылъ 63 прихода изъ новоприсоединенныхъ, устроилъ 20 постоянныхъ церквей и 43 временныхъ, изъ коихъ 9 въ домахъ военнаго постоя. «Боголюбивый графъ!» писалъ онъ графу Д. Н. Толстому, 23 Апрѣля 1847 г., «виждь писаніе нѣкоего боголюбца и добролюбца, усердствующа совершити приношеніе св. храму православныя нашея вѣры, да азъ какожде разсужду дѣло его, нѣсть благо лично ми. Прошу же и молю боголюбивую ти душу, да еще возможеши, примеши на ся дѣло и разсудиши право. О семъ молитъ твою свѣтлость недостойный молитвенникъ, убогій Филаретъ епископъ.»

Филаретъ понималъ, что для утвержденія церкви необходимо дать Латышамъ своихъ священниковъ изъ людей болѣе просвѣщенныхъ между ними. Такъ, въ Мартѣ 1845 г., присоединивъ Давида Баллода онъ сначала рукоположилъ его во діакона, а 10-го Февраля 1846 г. опредѣлилъ священникомъ Лаудонской Предтеченской церкви. Баллодъ пользовался извѣстностью среди Латышей, и за нимъ цѣлыя поселенія готовы были перейдти въ православіе. Предупреждая такую возможность, интрига успѣла вызвать распоряженіе мѣстнаго начальства, чтобы священники неиначе объѣзжали приходъ свой для выполненія требъ, какъ въ сопровожденіи чиновника. Если принять въ соображеніе, что Лифляндскіе поселяне живутъ хуторами въ одинъ и три двора, то такое распоряженіе было равносильно обреченію священника не выходить изъ своего дома. Къ тому же изъ чиновниковъ генералъ-губернатора, замѣчаетъ графъ Толстой, «трое въ командировкѣ, двое при постоянной обязанности неотлучны оставались; а присоединившихся до 14 тыс. душъ. Сколько умирающихъ, требующихъ послѣднихъ утѣшеній религіи! А священникъ, вмѣсто того, чтобы исполнять долгъ свой, долженъ посылать въ Ригу за чиновникомъ». Какою болью отзывалось это въ сердцѣ Филарета! «Да, Московскіе святители отвергли меня, какъ недостойнаго. Такъ надобно по грѣхамъ моимъ», писалъ онъ.

Назначеніе пастырей изъ среды Латышей, безъ подготовки ихъ, могло удовлетворить, и то отчасти, настоятельной нуждѣ; но надлежало озаботиться о предоставленіи возможности Латышамъ имѣть своихъ пастырей болѣе просвѣщенныхъ, знающихъ дѣло не только по духу, но и по разуму. И Филаретъ, вскорѣ по прибытіи, возбудилъ ходатайство объ открытіи духовнаго училища. Уже 11-го Декабря 1842 г. онъ сообщалъ Горскому объ исполненіи его представленія по этому

предмету. «Благодареніе Господу! Учители еще не пріѣхали, но ученики почти всѣ здѣсь; остались послѣ вакаціи въ надеждѣ». И какъ онъ торопился этимъ дѣломъ! Чтобъ ускорить открытіе, заручившись вѣроятно обѣщаніемъ разрѣшить его ходатайство объ училищѣ, онъ удержалъ мальчиковъ. Многіе изъ нихъ, въ особенности лишившіеся родителей во время гоненій, были принимаемы на казенный счетъ.

На докладѣ графа Протасова, 12-го Марта 1844 года о желающихъ присоединиться, Государь добавилъ, чтобы «богослуженіе совершалось на Латышскомъ языкѣ, для чего нѣтъ необходимости строить особую церковь, а совершать богослуженіе можно въ одной изъ Рижскихъ православныхъ церквей». Мѣра эта имѣла благодѣтельное послѣдствіе. Филаретъ немедленно занялся переводомъ богослужебныхъ книгъ на Латышскій языкъ. Онъ поручилъ это лицу свѣдующему, Михайлову, пользовавшемуся уваженіемъ, а затѣмъ посвятилъ его въ священники. 21-го Апрѣля 1845 г. Филаретъ торжественно присоединилъ десять Латышей изъ Гернгутерскаго общества, а на Ѳоминой недѣлѣ въ Покровской церкви открылъ богослуженіе на Латышскомъ языкѣ. Совершалъ о. Яковъ Михайловъ, чтецами были новообращенные Карлъ Эрнестъ и Баллодъ, а пѣли пѣвчіе архіерейскаго хора, знавшіе полатышски. Впечатлѣніе было невыразимое. Церковь не могла вмѣстить приходящихъ. И присоединившіеся, и Нѣмцы, знающіе Латышскій языкъ, шли въ эту церковь. Свидѣтельствуютъ, что послѣ этого движеніе Латышей къ православію было такъ сильно, понеслось такою широкою волною, что захватывало даже Рижскихъ раскольниковъ, которые до того, совокупно съ Нѣмцами, дѣйствовали противъ православія.

Филарету приходилось вводить эту мѣру съ осмотрительностію, потому что противодѣйствіе мѣстныхъ властей было сильное. Такъ писалъ онъ графу Протасову: «Относительно Латышскаго богослуженія въ Венденѣ, которое непостоянно открывается тамъ, надобно имѣть въ виду еще и положеніе обстоятельствъ въ Венденѣ. Епископу давно было извѣстно, что въ Венденѣ не любятъ Латышскаго православнаго служенія. На мѣстѣ, во время освященія храма, это было видно еще болѣе. Епископа не разъ и съ жаромъ вызывалъ графъ С... къ отвѣтамъ на вопросы: «Зачѣмъ Лютеранъ хотятъ дѣлать православными? Зачѣмъ не обращаютъ ревности на Жидовъ и Магометанъ?» и пр. Епископъ долго и со всею любовію старался утишать смущеніе разсужденіями и на послѣдній вопросъ вынужденъ былъ, наконецъ, сказать: «Ваше с—во, всѣхъ Евреевъ предоставляю вашимъ пасторамъ». При такомъ расположеніи Вендена, для епископа представилось лучшимъ

дѣломъ «сперва ввести одно Славянское богослуженіе, а по времени, когда благоразуміе будетъ заступать мѣсто смущенія, открыть и Латышское, что́ и имѣетъ быть съ прибытіемъ дѣйствительныхъ священника и діаконовъ въ Венденъ».

Одного духовнаго училища было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности въ священнослужителяхъ. Во первыхъ, нѣсколько лѣтъ еще должно пройдти прежде чѣмъ дождаться перваго выпуска. Вовторыхъ, сколько лѣтъ затѣмъ должно пройти прежде, чѣмъ нѣсколько выпусковъ могли бы укомплектовать требуемый составъ духовенства. Между тѣмъ, по мѣрѣ распространенія православія среди Латышей, должна возникать потребность въ увеличеніи приходовъ. По этимъ соображеніямъ Филаретъ представилъ объ усиленіи преподаванія въ Псковской семинаріи Латышскаго и Эстонскаго языковъ. Представленіе его было уважено. Не ограничиваясь этимъ, онъ набиралъ въ священники кого могъ, изъ людей добронравныхъ и знающихъ Латышскій языкъ. Такъ онъ посвятилъ бывшаго бухгалтера въ имѣніи графа Шереметева, Михайлова, который зналъ кромѣ Русскаго языка языки Латышскій, Нѣмецкій и Французскій. Затѣмъ онъ посвятилъ нѣкоторыхъ чиновниковъ испытанной нравственности, знавшихъ Латышскій языкъ, какъ напримѣръ Павловскаго, учителя Трескина и многихъ другихъ, представляя о каждомъ изъ нихъ въ запискахъ оберъ-прокурору, въ которыхъ указывалъ на нравственную ихъ сторону.

Вмѣстѣ съ этимъ Филаретъ излагаетъ свое мнѣніе въ отвѣтъ на вопросы, такъ часто слышанные имъ и восходившіе, по всему вѣроятію, выше. «Люди, готовые судить о вещахъ, которыхъ не знаютъ и не въ состояніи знать, могутъ говорить и частію говорятъ: кѣмъ замѣнитъ православіе ученыхъ пасторовъ? На это отвѣтъ совѣсти такой: а) Пусть разсуждаютъ сколько угодно о своихъ дѣлахъ и не безпокоятся о дѣлахъ чужихъ; каждый за себя въ отвѣтѣ передъ Богомъ и людьми. б) Православіе должно молить Господа, чтобы священники Его не были похожи на лютеранскихъ Лифляндскихъ пасторовъ, которыхъ паства бросаетъ какъ людей занятыхъ не паствою, а деньгами, суетностію и жизнію болѣе чѣмъ непорядочною. в) Рижскій епископъ, назначая извѣстныя лица къ должности священнической, уповаетъ о Господѣ, что эти лица не постыдятъ его ни предъ Богомъ, ни предъ людьми добрыми; о судѣ же дурныхъ или недальновидныхъ людей не считаетъ нужнымъ заботиться. При выборѣ лицъ на должность священническую онъ прежде всего смотритъ на жизнь и христіанскій духъ выбираемыхъ. И въ этомъ онъ утверждается не только на повелѣніяхъ Слова Божія, но и на требованіяхъ новоприсоединяющихся къ православію. Тѣ, которые въ священникѣ Лифляндскихъ крестьянъ

желаютъ видѣть прежде всего высокопарную Нѣмецкую ученость, слишкомъ мало знаютъ нужды здѣшнихъ крестьянъ и судятъ о дѣлѣ, какъ говорится, съ вѣтру, или, что̀ тоже, на манеръ Европейскихъ верхоглядовъ. Безжизненная, эгоистическая ученость лютеранскихъ пасторовъ слишкомъ уже надоѣла здѣшнимъ крестьянамъ, и они гнушаются ею. Имъ нуженъ священникъ полный любви христіанской, простой въ обращеніи, ласковый въ разговорѣ, дышащій благочестіемъ, готовый скорбѣть скорбями ихъ, радоваться радостями ихъ, молиться за нихъ вмѣсто нихъ. Они твердятъ теперь же: «Какъ это хорошо, что въ Русской службѣ молятся и за больныхъ, и за заключенныхъ въ тюрьмѣ, и за всѣхъ страждущихъ». Въ Рижской церкви діаконъ Давидъ читаетъ теперь каждое воскресенье служеніе-поученіе; но это не производитъ такого дѣйствія на простыя сердца, какъ простыя церковныя молитвы. Не разъ случалось слышать отъ присоединившихся: «вотъ теперь мы молимся за себя и за близкихъ сердцу; а то пасторы молились только за себя, когда только молились, а мы вовсе не молились; теперь мы молимся за Царя, благодѣтеля нашего, чего у насъ не бывало». Они рады теперь, когда священникъ поговоритъ съ ними о ихъ домашнемъ бытѣ; а если епископъ найдетъ время спросить у нихъ о чемъ-нибудь съ любовію, то бываютъ въ восторгѣ. Что̀ касается до познаній, то епископъ смотритъ, чтобы въ священникѣ было ихъ не болѣе какъ столько, сколько нужно для крестьянскаго пастыря. Бо̀льшаго искать—значитъ искать неразумнаго. А тѣ, которые предназначаются теперь для званія священническаго, всѣ имѣютъ такія познанія въ самой удовлетворительной мѣрѣ. Правда, они не всѣ могутъ дѣлать комплименты баронамъ, не всѣ могутъ шаркать ногами по паркету, не обучены проводить время за картами съ помѣщиками, не играютъ на фортепіанахъ, не лепечутъ пофранцузски; но не стыдно ли за тѣхъ, которые восхищаются такими качествами въ лютеранскихъ пасторахъ?»

Одновременно съ Филаретомъ подвизавшійся на пользу Русскаго дѣла въ Лифляндіи, графъ Д. Н. Толстой высказываетъ на счетъ духовенства для Латышей тѣже мысли, хотя къ такому положенію онъ приходитъ инымъ путемъ. «Вездѣ, гдѣ духовенство сообычно и сообразно народу, религія тверда. Вотъ почему Русскій народъ столь привязанъ къ церкви; потому же и Нѣмцы вѣрны своей религіи: образованность ихъ и пасторовъ ровна. Но не то съ Латышами; воззрѣнія ихъ совершенны различны отъ взгляда пасторовъ, черезъ чуръ для нихъ образованныхъ. Духовенство смотритъ на нихъ не какъ на паству, а какъ на пастбище, на которомъ само пасется».

Записка Филарета, представленная графу Протасову, важна во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ она указываетъ на особенную дальновидность Филарета. Знакомя мало свѣдущаго въ дѣлахъ церкви оберъ-прокурора съ тѣми понятіями и доводами, кои всего сильнѣе могутъ служить возраженіемъ противъ жалобъ на недостатокъ образованности православнаго духовенства въ сравненіи съ пасторами, онъ тѣмъ влагаетъ въ его руки оружіе противъ враговъ православія. Для него не было сомнѣнія въ томъ, что послѣдніе желаютъ пустить въ ходъ высказанныя мысли, чтобъ добиться въ высшей нашей сферѣ охлажденія къ дѣлу православія въ Лифляндіи. Во вторыхъ, записка эта даетъ понять, что положеніе Филарета въ Петербургѣ, такъ сказать, окрѣпло. Несомнѣнно, что удаленіе б. Палена облегчило нѣсколько положеніе Филарета; но надо было сверхъ того личными качествами купить себѣ довѣріе въ Петербургѣ, такъ какъ съ перемѣною генералъ-губернатора общій порядокъ дѣлъ въ Лифляндіи мало измѣнился къ лучшему; развѣ нѣсколько ослабѣла клевета на Филарета. Но зато при Суворовѣ вернулись для него и для православія времена б. Палена. Этотъ правитель, по словамъ одного современника, «славный именемъ предка, но не своими дѣяніями», былъ страшнымъ бичемъ православія. Въ третьихъ, записка знакомитъ насъ съ осмотрительностію Филарета въ выборѣ священниковъ, такъ какъ ничто не могло столько поддержать значеніе церкви въ глазахъ простаго народа, какъ достойные ея пастыри.

Не ограничиваясь тщательнымъ выборомъ пастырей для молодой своей паствы, Филаретъ старался очистить церковь отъ тѣхъ пастырей, которые своимъ образомъ дѣйствій могли повредить православію. Отъ такихъ священниковъ просилъ Филаретъ «вседушно и всепокорно» графа Протасова освободить Ригу, и безъ того страждующую разными болѣзнями, которыя надлежало врачевать; «иначе я», писалъ онъ, «не въ состояніи здѣсь ничего сдѣлать; надежда только на новыхъ сотрудниковъ». Но въ этомъ онъ встрѣчалъ значительный отпоръ со стороны своего епархіальнаго архіерея, Псковскаго архіепископа Наѳанаила. Человѣкъ старый, хилый, Наѳанаилъ легко поддавался интригѣ. Всякій священникъ, недовольный Филаретомъ, обращался подъ защиту епархіальнаго архіерея, стараясь снискать его расположеніе клеветою на своего пастыря и тѣхъ священниковъ, кои добросовѣстнымъ исполненіемъ своего дѣла снискали расположеніе Филарета. Доносы принимались Наѳанаиломъ безъ всякой провѣрки. Говорятъ, что Наѳанаилъ съ какимъ-то неудовольствіемъ смотрѣлъ на распространеніе православія между Латышами, опасаясь за свое значеніе. Мы не можемъ конечно судить, насколько это справедливо, и склонны пред-

полагать здѣсь другую причину—старческую слабость. Какъ бы то ни было, но это производило разладъ мемду двумя архипастырями, затрудняя немало и безъ того стѣсненную дѣятельность Филарета. Особенно много горя принесъ ему протоіерей Кунинскій. Приведемъ его письмо, чтобы ознакомиться съ тѣми недостойными пріемами, къ которымъ прибѣгали для возстановленія епархіальнаго архіерея противъ его викарія. «Ходъ дѣла объ обращеніи къ православію Латышей и Чухонцевъ для меня, непосвященнаго въ таинства такого дѣла, былъ и есть тайна, проявлявшаяся отчасти кое въ какихъ феноменахъ по обстоятельствамъ и ходу дѣлъ темныхъ, но нѣсколько освѣщавшихъ дѣло по догадкамъ. Притомъ все, что я могъ узнать, то сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ не въ то время, когда (если было тайно производимо какое сѣяніе) былъ посѣвъ, или полагалось основаніе для епархіальнаго удѣла, но позже. Не въ то время, потому что я 2-го Іюня, когда о дѣлѣ распространенія православія не было никакихъ слуховъ, отправился въ отпускъ и возвратился на 25 число въ ночи, когда уже дѣло открылось и происходила сокретная переписка генералъ-губернатора и гражданскаго губернатора съ его преосвященствомъ. Если на дѣло обращенія Латышей и Чухонъ смотрѣть нынѣ не только какъ на предпріятіе распространить православіе въ здѣшнемъ краѣ, по возможности пользуясь свободнымъ расположеніемъ иновѣрцевъ къ православной вѣрѣ, *но какъ на предпріятіе положить основаніе новой епархіи,* то кажется такое предпріятіе *предупредило* происшедшее въ прошедшемъ году волненіе *тремя или четырьмя годами.* Ибо еще въ то время, когда бывшая уніатская духовная коллегія заботилась о сближеніи уніи съ древнимъ православіемъ и дѣло предвѣщало благопріятныя послѣдствія, Лукьянъ Анненковъ *), служившій при особѣ его преосвященства, въ половинѣ 1838 года, говорилъ мнѣ положительно, что въ здѣшнемъ краѣ образуется особая епархія чрезъ присоединеніе уніатовъ и что къ удѣлу Рижскаго викаріатства присовокупится губернія Виленская. Это я слыхалъ отъ Лукьяна неоднократно; но говорилъ ли онъ о томъ другимъ, того не знаю. Лукьянъ же человѣкъ незначительный, говорилъ вѣрно не свое; онъ, не знаю какъ, проразумѣвалъ многія тайны и оказывался провидцемъ многихъ обстоятельствъ».

Надобно замѣтить, что учрежденіе самостоятельной Лифляндской епархіи было собственною мыслью Государя Николая Павловича. Св. Синодъ, пожалуй, взглянулъ на дѣло болѣе узкимъ взглядомъ,

*) Келейникъ преосвященнаго Иринарха.

измѣривъ его числомъ исповѣдующихъ православную вѣру, и въ отвѣтъ на мысль Государя представилъ объ учрежденіи лишь викаріатства. Такой порядокъ, какъ впослѣдствіи оказалось, ставилъ много препятствій и затрудненій въ веденіи дѣла. Можетъ быть, преосвященный Иринархъ и высказывалъ свой взглядъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ невыгода отъ установленнаго порядка, при его апостольскомъ служеніи, отзывалась весьма чувствительно для дѣла. Но это былъ взглядъ, а отнюдь не планъ для дѣйствій.

Протоіерей Куницкій шелъ далѣе въ своемъ письмѣ; онъ сообщалъ, какъ, во время голода, когда Латыши бродили толпами, ища себѣ помощи и защиты противъ помѣщиковъ, тотъ же Лукьянъ говорилъ ему: «Вотъ, о. протоіерей, вамъ случай получить отличіе! Вразумляли бы вы Латышей-то, чтобы они обратились къ православію, тогда Государь и просьбу-то ихъ уважилъ бы. Да ужели же здѣсь вѣчно быть викаріатству? Кабы болѣе православныхъ, такъ владыка нашъ постарался бы учредить здѣсь особую епархію. Эта мысль не холопская», замѣчаетъ писавшій. Далѣе онъ налагаетъ тѣнь на священниковъ Михаила Заболоцкаго и Николая Фасанова, причемъ очень прозрачно сквозитъ зависть по поводу обѣщанной первому награды. Потомъ идетъ извѣтъ на архіерея, что онъ во время всенощной службы, призвавъ къ себѣ дьякона Петра Попова, заставилъ писать у себя прошенія Латышей (отъ 136 семействъ) и обѣщалъ его поставить протопопомъ въ Латышскую церковь.

Не упустилъ упомянуть сочинитель этого доноса и о томъ, что священники Заболоцкій и Фасановъ часто бываютъ у архіерея, что все дѣло держится ими въ секретѣ и что вообще всѣмъ, служащимъ въ архіерейскомъ домѣ строго наказано не проговариваться и внушено заранѣе, что́ и какъ отвѣчать на вопросы.

Препровождая это письмо въ подлинникѣ къ митрополиту Серафиму, преосв. Наѳанаилъ писалъ ему, по вызовѣ Заболоцкаго и Фасанова въ Петербургъ: «Вмѣсто К. употреблены были въ дѣло находящіеся нынѣ въ С.-Петербургѣ священники Фасановъ и Заболоцкій. Чрезъ нихъ-то безъ сомнѣнія внушена мысль Латышамъ объ освобожденіи ихъ отъ помѣщиковъ чрезъ присоединеніе къ Русской церкви. Такъ въ послѣдствіи сами объ этомъ открыто Латыши говорили (?). О ходѣ дѣла никто не зналъ, кромѣ священниковъ Фасанова и Заболоцкаго, кои часто приходили въ домъ преосвященнаго и въ квартирахъ своихъ имѣли совѣщанія. Между тѣмъ однакоже мѣстная полиція (это было въ послѣднихъ числахъ Іюня), видя необыкновенное движеніе крестьянъ въ городѣ и замѣчая, что они особенно толпились около архіерейскаго дома и квартиры священника Заболоцкаго, принимала

свои мѣры» и т. д. Письмо это конечно имѣло большое значеніе въ дѣлѣ Иринарха.

И вотъ съ такимъ лицомъ, какъ протоіерей Кунинскій, долженъ былъ служить Филаретъ! Вѣроятно онъ узналъ о той роли, какую игралъ Кунинскій въ дѣлѣ Иринарха. Впрочемъ Кунинскій успѣлъ уже показать себя и при Филаретѣ. Филаретъ настоятельно просилъ Наѳанаила объ увольненіи Кунинскаго отъ должности члена правленія. Хотя Филарету и удалось добиться его увольненія, но все-таки онъ оставался въ Ригѣ, по возможности вредя православію. Наконецъ, Филаретъ въ Маѣ 1846 г. написалъ оберъ-прокурору: «Разъ уже просилъ я ваше сіятельство объ употребленіи содѣйствія вашего тому, чтобы протоіерей Кунинскій выведенъ былъ изъ Риги. Теперь снова покорнѣйше прошу о томъ же, какъ объ одной изъ настоятельныхъ нуждъ здѣшняго мѣста. 1) Одно уже то, что Кунинскій, по званію своему первый помощникъ епископу, не занимаетъ никакихъ должностей по управленію епархіальному, говоритъ, что этотъ человѣкъ совершенно ненуженъ для здѣшняго мѣста; и поелику онъ праздно занимаетъ мѣсто главнаго помощника въ епархіальномъ управленіи, которое съ пользою могъ бы занимать другой, то долженъ быть замѣщенъ другимъ способнымъ, съ выводомъ его съ праздно-занимаемаго мѣста. 2) Съ самаго пріѣзда моего въ Ригу увидѣлъ я въ Кунинскомъ человѣка вздорливаго, неспособнаго ни съ кѣмъ ужиться, такъ что всѣ священники, діаконы и причетники одинъ за другимъ приносили мнѣ на него жалобы въ оскорбленіяхъ, претерпѣваемыхъ отъ Кунинскаго—тогда перваго члена правленія и благочиннаго. Положивъ за правило снисходить къ слабостямъ и побѣждать благимъ злое, я старался водворять миръ личными увѣщаніями какъ оскорбляемымъ, такъ и оскорбляющимъ. Но вздорливость характера не смягчалась; напротивъ, въ дѣлахъ правленія оказывалась до того, что надобно было употреблять особенныя усилія къ сокращенію зла. Наконецъ, истощившись въ средствахъ и силахъ, я вынужденъ былъ просить высокопреосвященнѣйшаго Наѳанаила, чтобъ онъ удалилъ Кунинскаго отъ участія въ правленіи». Указавъ затѣмъ на страсть къ сутяжничеству, денежныя растраты и сокрытіе обстоятельствъ дѣла, на полное неповиновеніе распоряженіямъ Св. Синода, Филаретъ заключаетъ: «Наконецъ, пр. Кунинскій въ послѣднее время началъ вступать въ тайныя сношенія съ Нѣмецкою партіею въ Ригѣ. Это поведеніе Кунинскаго по особеннымъ обстоятельствамъ края выставляетъ его совершенно-нестерпимымъ въ вѣдомствѣ Рижскаго епископа. Епископъ встрѣчаетъ множество непріятностей и чрезвычайныхъ затрудненій для дѣла православія со стороны Нѣмцевъ; но имѣть еще домашняго

врага православію уже слишкомъ тяжело, такъ что если Кунинскій не будетъ выведенъ *безъ промедленія времени* изъ Риги, нынѣшній епископъ едва ли найдется въ состояніи исполнять возложенное на него дѣло православія».

Такой рѣшительный тонъ письма свидѣтельствуетъ, что чаша терпѣнія для Филарета переполнилась. Въ прежнемъ своемъ представленіи онъ упоминалъ, что Кунинскій не явился къ нему, будучи вызванъ вслѣдствіе отношенія оберъ-прокурора съ сообщеніемъ высочайшаго повелѣнія. «Я тогда прикрылъ грѣхъ его, ожидая исправленія», сознавался Филаретъ. А между тѣмъ въ тоже время Наѳанаилъ въ письмѣ къ графу Протасову атестовалъ Кунинскаго съ самой лучшей стороны. Вотъ какую борьбу приходилось выдерживать Филарету въ епархіальныхъ дѣлахъ своихъ съ людьми, которые должны были служить одной съ нимъ цѣли.

Заботясь объ образованіи новопросвѣщенныхъ въ духѣ Русскаго православія, Филаретъ желалъ открыть церковно-приходскія школы. Онъ составилъ программу, которая и застряла въ канцеляріи генералъ-губернатора. Толкалъ во всѣ двери Филаретъ прежде, чѣмъ дѣло доведено было до конца. «Не примете ли на себя трудъ похлопотать о введеніи правилъ обучающихся въ дѣло?» писалъ онъ графу Толстому. «Писалъ, писалъ, просилъ, просилъ, просилъ, а дѣло не подвигается ни на пядь. Между тѣмъ крестьяне сильно скорбятъ, а враги смѣются. Пусть бы измѣнили положеніе, какъ хотятъ; но оставлять дѣло въ нерѣшенномъ положеніи цѣлые годы и дѣло при такихъ обстоятельствахъ, каковы обстоятельства Лифляндіи—это превышаетъ всѣ силы терпѣнія. Если уже о самомъ существенномъ дѣлѣ для святой вѣры такъ мало заботъ, почему же требуютъ отъ меня каменнаго терпѣнія? Жалѣютъ и вола».

«Чтобы сказать вамъ пріятное, прибавлю: печатается на Русскомъ языкѣ граматика Эстская и граматика Латышская», писалъ Филаретъ Горскому Не безъ цѣли конечно эти руководства составлены на Русскомъ языкѣ: какъ для лучшаго ознакомленія съ мѣстнымъ языкомъ Русскихъ людей такъ и еще болѣе для ознакомленія съ языкомъ Русскимъ мѣстныхъ туземцевъ, которыхъ желалось Филарету обратить въ Русскихъ по всему. Съ этою же цѣлію подъ его руководствомъ составленъ былъ и напечатанъ букварь Латышскій съ Русскимъ и Славянскимъ, и все на его средства.

Но «вода пробиваетъ камни», и своею настойчивостію Филаретъ все-таки успѣлъ вывести на свѣтъ Божій благое дѣло: при каждой церкви открыты были школы. Нынѣ дѣло это значительно развилось: независимо церковно-приходскихъ школъ учреждены вспомогательныя,

Такъ какъ населеніе живетъ разбросанно, по одному по большей части двору, одинъ отъ другаго на довольно значительномъ разстояніи, то и приходы растянуты на 20, 30, 40, и болѣе верстахъ, а потому въ такихъ вспомогательныхъ школахъ нужда настоятельная. Жажда къ ученію была замѣчательная. Въ Понедѣльникъ утромъ являлись мальчики съ хлѣбомъ и кое-какою провизіею въ школу и оставались до Субботы, когда брали ихъ родители домой. Такой порядокъ впрочемъ остается и понынѣ.

Познакомивъ ген. губернатора Головина съ высочайше утвержденной инструкціей, данной Рижскому епископу, Филаретъ просилъ его предложить губернатору снабдить командированнаго имъ на мызы Латышскаго священника ордеромъ. По этому ордеру обязательно долженъ явиться мызный судья для присутствія при отобраніи священникомъ подписокъ о желаніи присоединиться. Но, такъ какъ мызный судья подъ какимъ-либо видомъ можетъ уклониться и поѣздка священника сдѣлается безполезною, то Филаретъ просилъ, чтобы по ордеру этому предоставлено было право священнику требовать для указанной цѣли или волостнаго судью, или волостнаго правителя.

Губернаторъ обѣщалъ послать лишь предписаніе, чтобы на мызахъ, гдѣ всѣ крестьяне изъявятъ желаніе присоединиться, безпрепятственно являлись мызные судьи къ священнику по его прибытіи; но чрезъ нѣсколько дней онъ объявилъ Филарету, что такое распоряженіе для него сдѣлать неудобно. По настоянію Филарета въ циркулярномъ предписаніи своемъ ген.-губернаторъ далъ однако знать, что крестьянамъ, отправляющимся въ Ригу по домашнимъ дѣламъ и желающимъ присоединиться къ православію, не возбраняется для сей цѣли являться къ священнику. Такое распоряженіе было очевидно сдѣлало въ отмѣну распоряженій б. Палена. Но каково было удивленіе Филарета, когда черезъ мѣсяцъ послѣ этого полиціймейстеръ Языковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ обыватели не держали у себя пріѣзжающихъ Латышей болѣе сутокъ. Разумѣется, въ сутки нельзя было совершить присоединеніе, такъ какъ для того все-таки присоединяющійся долженъ быть подготовленъ. Въ запискахъ Филарета упомянуто, что крестьянинъ съ мызы Штурценгофъ Янъ Андерсъ Зандеръ, давшій показаніе о вѣрѣ 6 Мая и присоединенный 20-го Мая, имѣлъ увольнительное свидѣтельство на приписку гдѣ пожелаетъ. Полиціймейстеръ не далъ ему и дня на присоединеніе дѣтей и выпроводилъ изъ Риги. Филаретъ просилъ хотя тремя днями, наконецъ двумя ограничить сроки пребыванія. Получивъ отказъ, онъ довелъ о томъ до свѣдѣнія графа Протасова.

Дабы не утруждать Латышей путешествіемъ въ Ригу, Филаретъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы желающіе присоединиться отправлялись для сего въ ближайшій городъ. Чѣмъ же отвѣчало мѣстное начальство на эту мѣру? Оно распорядилось, чтобъ крестьяне, желающіе присоединенія, получали изъ мызнаго правленія (т.-е. изъ вотчинной конторы протестанта-помѣщика) записку съ означеніемъ города. Въ запискѣ обыкновенно означался городъ, гдѣ не было священника! Приходитъ туда крестьянинъ, ему вымажутъ лицо и голову дегтемъ. Онъ идетъ въ другой городъ; но, не допуская его до священника, его выпорютъ и засадятъ въ тюрьму, гдѣ онъ три или четыре мѣсяца просидитъ прежде, чѣмъ Филарету удастся упросить ген.-губернатора распорядиться о его освобожденіи. А семья 3—4 мѣсяца безъ работника, что̀ вызываетъ несостоятельность къ платежу за землю, и его потомъ выгоняютъ изъ усадьбы. И выпустятъ-то его изъ тюрьмы не въ его одеждѣ, а въ арестантской, съ чернымъ треугольникомъ на спинѣ; да кому обрѣютъ лобъ, кому правую или лѣвую сторону головы. Отправляютъ же домой цѣлою толпою связанными и не прямымъ путемъ, а заставятъ исколесить всю Лифляндію, преимущественно тѣ мѣста, гдѣ было движеніе къ присоединенію, для вразумленія, что-то-де будетъ и вамъ. Гдѣ было движеніе къ присоединенію, тамъ, доносили, бунтъ и посылали войска. Иныхъ прогоняли сквозь 1500 шпицрутеновъ по два раза, а депутатъ дворянскій фонъ Нумерсъ приговаривалъ: «такъ будетъ наказанъ всякій, кто только пожелаетъ въ теплую землю, въ Русскую вѣру, не будетъ слушать помѣщиковъ и пасторовъ и будетъ слушать обманщиковъ, возмутителей».

Все это происходило въ Русской области, при Русскихъ правителяхъ съ желающими присоединиться къ господствующей въ Имперіи церкви. Филаретъ изнемогалъ душею. «Страшное положеніе!» писалъ онъ графу Толстому. «Со всѣхъ сторонъ жутко. Впрочемъ для настоящаго дѣла ждалъ я времени: если и послѣ сего не будетъ достойной защиты, пусть находятъ болѣе меня могущаго. Прошу не осуждать и меня. Сколько имѣлъ способовъ и силъ, сражался, не ложась на отдыхъ, не уклонялся отъ битвъ изъ страха. Вы знаете, что нѣкоторые молчатъ *). Это многое объяснитъ».

Въ это же время писалъ онъ Горскому: «Много хлопотъ мнѣ грѣшному въ Ригѣ. Много заботился, ѣздилъ, дознавалъ, судилъ; но послужитъ ли къ пользѣ, не знаю. Доселѣ остаюсь въ полумракѣ.

---

*) Вѣроятно намекъ на графа Протасова.

Бѣды впереди, опасеній и опасностей на пройденной дорогѣ—тьма. Кто проведетъ? Не знаю. Надѣющійся на Господа не погибнетъ. Но гдѣ у души моей надежда? Она снискивается долгими, слезными молитвами и опытами, слѣдующими за молитвами. Всего того нѣтъ у окаяннаго Филарета». Въ такія критическія минуты, близкія, можно сказать, къ отчаянію, заботливый виновникъ назначенія Филарета въ Ригу посылалъ ему слово утѣшенія. «Если вы и сказали», писалъ ему митрополитъ Московскій, «что силы ваши доведены до изнеможенія, надѣюсь однако, что будете имѣть еще силы, сказавъ съ Апостоломъ: *егда немоществую, тогда силенъ есмь*».

Наконецъ Фикаретъ добился распоряженія, чтобы, по прибытіи на мызу священника, мѣстные орднунгсрихтеры *) являлись для присутствія при отобраніи отъ Латышей подписокъ о вѣрѣ; въ приглашеніи для сей надобности волостнаго судьи или правителя отказано. Но какъ же это было выполняемо? Верровскій священникъ для указанной цѣли пригласилъ орднунгсрихтера Энгельгардта. Тотъ, по отобранію отъ двухъ Латышей подписокъ, отказался остаться долѣе за неимѣніемъ времени; а за тѣмъ объявилъ, что можетъ присутствовать только два дня въ недѣлю, въ Среду и Субботу. Но въ эти дни онъ отбиралъ только по три показанія и удалялся. Видя же, что терпѣніе священника неистощимо, онъ пересталъ вовсе являться. Жалобы были напрасны. Въ Маріенбургѣ кирхшпильрихтеръ, которому поручено было присутствовать при отобраніи подписокъ, передалъ эту обязанность мѣстному помѣщику Фитингофу. Тотъ, пріѣдя въ квартиру священника, когда къ нему собралось уже много Латышей, сталъ кричать, что священникъ не имѣетъ права никого принимать вновь, а долженъ ограничиться присоединеніемъ тѣхъ, которые прежде дали показанія, и что онъ не позволитъ собираться въ своемъ имѣніи безпокойнымъ толпамъ. Онъ даже возымѣлъ намѣреніе заключить подъ стражу Латыша-причетника за то, что тотъ позволилъ себѣ разговаривать съ двумя Латышами. И священникъ, чтобъ успокоить барона, распустилъ Латышей.

Передъ нами любопытная бумага-документъ—это собственноручно составленное Филаретомъ черновое сообщеніе ген.-губернатора барону Фитингофу по поводу сказаннаго случая. Это не копія, потому что здѣсь тою же рукою сдѣланы и исправленія. Сообщеніе написано самымъ вѣжливымъ и мягкимъ тономъ. Вотъ оно: «Г. Рижскій епископъ сообщилъ мнѣ между прочимъ, что 1) Когда священникъ православной

*) Мызные судьи.

церкви Михайловъ съ св. дарами прибылъ въ Маріенбургъ, ваше высокоблагородіе отвели ему неприличное для богослуженія помѣщеніе, именно въ заѣздномъ домѣ. 2) Когда священникъ въ сей и слѣдующій дни, на основаніи высочайше утвержденной инструкціи о присоединеніи иновѣрцевъ Лифляндіи къ православію, собравшимся къ нему крестьянамъ объяснялъ предметъ желаній ихъ и испытывалъ ихъ въ чистотѣ и искренности намѣреній, именно же вразумлялъ, что принятіе православной вѣры отнюдь не измѣняетъ отношеній ихъ и обязанностей къ помѣщикамъ, ваше высокоблагородіе явились въ квартиру его, разогнали собравшихся крестьянъ и объявили имъ, будто бы священникъ не смѣетъ никого принять. 3) Ваше высокоблагородіе вскорѣ послѣ того своими руками привели состоящаго въ должности причетника Давида Баллода, обвиняя его, что онъ Латышамъ говорилъ, что православные священники не получаютъ никакой платы ни за погребеніе, ни за крещеніе; при чемъ объявили ваше намѣреніе отослать Баллода подъ арестъ въ Ригу; наконецъ даже поставили караулъ предъ дверьми священника. Какъ я вообще желаю, чтобы таковыя непріятные случаи избѣгаемы были помѣщиками, мнѣ лично особенно жалко слушать столь важныя жалобы на ваше высокоблагородіе. И этому чувству вы припишите, что я сему дѣлу далъ не оффиціальное производство, и на сей разъ, *какъ возможность дозволяетъ* оказать снисхожденіе и пощаду, ограничиваюсь тѣмъ, чтобы предостеречь и напомнить государственные законы. Таковой поступокъ, выставляемый епископомъ какъ покушеніе препятствовать или отклонять иновѣрцевъ, желающихъ присоединиться къ православію, угрожаетъ строгимъ наказаніемъ. Сіе предостереженіе тѣмъ болѣе имѣю поводъ сдѣлать приватно в. в—дію, что Его Императорское Величество повелѣлъ учредить въ Маріенбургѣ подвижную церковь, чрезъ что вы, какъ помѣщикъ этой мызы, во многихъ отношеніяхъ будете имѣть дѣло съ православнымъ духовенствомъ. Посему, рекомендуя вамъ крайнюю осторожность какъ въ распоряженіяхъ при исполненіи высочайшаго повелѣнія, такъ къ крестьянамъ, перешедшимъ въ православіе или имѣющимъ переходить, дабы избѣгали вы всего, что могло бы быть поводомъ къ жалобамъ со стороны духовнаго начальства, каковыя жалобы подвергнутъ васъ неизбѣжной отвѣтственности».

Очевидно, Головинъ съ удовольствіемъ согласился на такой мирный исходъ дѣла. А почему Филаретъ согласился на него и принялъ на себя трудъ составить приведенную сейчасъ бумагу, это объяснитъ слѣдующая записка его оберъ-прокурору. «По Маріенбургскому дѣлу г.-губернаторъ полагаетъ ограничиться частными внушеніями Фитин-

гофу и Коскулю *), чтобы не производить шума. При настоящемъ положеніи дѣлъ епископъ съ своей стороны считаетъ это и неизбѣжнымъ; ибо если начать слѣдствіе, то слѣдователи могутъ быть здѣсь только Лютеране; Русскихъ православныхъ чиновниковъ нѣтъ въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ, исключая двухъ человѣкъ у г. ген.-губернатора, которымъ однако слишкомъ много дѣла и въ Ригѣ, такъ что безъ опасности для дѣлъ православія нельзя имъ отлучаться. Совершенно неизбѣжно, чтобы прислано было въ Ригу нѣсколько православныхъ чиновниковъ. Ген.-губернаторъ уже видитъ и чувствуетъ нужду и для своей канцеляріи въ Русскихъ чиновникахъ не только для дѣла о православіи Латышей и Чухонъ, но для самой большей части своихъ дѣлъ. Для своей канцеляріи онъ признаетъ нужнымъ, чтобы въ ней на половину было Русскихъ чиновниковъ, но медлитъ вызовомъ Русскихъ чиновниковъ, опасаясь сдѣлать непріятное Нѣмцамъ. Безъ сомнѣнія онъ былъ бы благодаренъ, еслибы правительство само распорядилось прислать способныхъ чиновниковъ Русскихъ. Что̀ касается до слѣдствій по дѣлу о Латышахъ и Чухнахъ, обращающихся въ православіе, то епископъ вынужденнымъ найдется формально просить, чтобы не производили ни одного слѣдствія, пока остаются только съ лютеранскими чиновниками». При этомъ Филаретъ заявилъ, что до сего времени не приглашали депутата отъ духовной стороны и что хотя производились и производятся слѣдствія, но при такихъ условіяхъ ему ничего не можетъ быть извѣстно о нихъ.

Вотъ—причина всему. И нельзя не отдать справедливости большому такту Филарета и не подивиться его необыкновенной энергіи. Понимая неблагопріятныя послѣдствія для дѣла церкви, когда оно должно вестись ея врагами, съ другой стороны считая гибельнымъ для него оставить поступокъ Фитингофа безъ вниманія, онъ придумываетъ дать такой оборотъ дѣлу, чтобы не уронить значенія церкви и хотя нѣсколько припугнуть барона. Онъ зналъ, что въ г.-губернаторской канцеляріи ничего не сдѣлается, если передать туда дѣло, и потому самъ сочиняетъ бумагу для ген.-губернатора. Видя безхарактерность послѣдняго и нерѣшительность въ пополненіи штата канцеляріи людьми Русскими, онъ не упускаетъ случая довести объ этомъ до свѣдѣнія об.-прокурора, расчитывая несомнѣнно, что черезъ него дойдетъ это и до министра внутр. дѣлъ. Такую настоятельную нужду Филаретъ подтверждалъ фактами. Такъ, объяснивъ одно дѣло истязанія, онъ говоритъ: «Исправникъ началъ дѣло неправильно, съ открытымъ пристрастіемъ

*) Орднунгсрихтеру.

къ лютеранству и противъ православія, и тотъ же исправникъ производитъ слѣдствіе. Это означаетъ, что виновный становится судьею въ своемъ дѣлѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, когда не будетъ здѣсь православныхъ чиновниковъ, какъ теперь нѣтъ, надобно избрать одно изъ двухъ: или отказаться отъ продолженія присоединенія Латышей, или взять на себя отвѣтъ предъ Господомъ за бѣдственную участь присоединяющихся къ православію». «Все, что̀ доселѣ здѣсь сдѣлалось въ пользу православія», писалъ онъ графу Протасову, «сдѣлано только Господомъ. Это слишкомъ ясно. Предписанія высшаго правительства для здѣшнихъ—только бумага, которую они и разбирать начинаютъ иногда только спустя два мѣсяца. Въ примѣръ можно сослаться на производство ревизіи магистрата. Нѣмецкое начальство оставляетъ свое упорное невниманіе и сопротивленіе чему либо, когда его порядкомъ стукнутъ. Съ этой стороны только вражда и неумолимыя козни. Ген.-губернаторъ кромѣ того, что новъ въ здѣшнемъ мѣстѣ и потому не знаетъ ни лицъ, ни дѣлъ—окруженъ Нѣмцами. Силъ его не можетъ достать, чтобы преслѣдовать и открывать всѣ Нѣмецкія интриги. Въ канцеляріи у него и близкій къ нему только одинъ Русскій. Тотъ старается показывать дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ; но тысячи голосовъ переходятъ въ слухъ ген.-губернатора совсѣмъ другіе». До какой наглости доходило неуваженіе къ власти, открываетъ намъ слѣдующій случай. Латышъ Ѳедоръ Бучинскій за то, что на вопросы Латышей объяснилъ имъ, что священники за требы не берутъ и по просьбѣ ихъ далъ имъ Латышскія православныя книжки, былъ по интригѣ барона Менгдена заключенъ въ тюрьму. Епископъ, которому заявила о томъ жена Бучинскаго, два раза относился къ Головину; но на два предложенія Головина губернскому правленію онъ не получилъ и отвѣта. Были случаи еще возмутительнѣе. Когда по заявленію Филарета ген.-губернаторъ далъ предложеніе губернскому правленію (3 Іюля № 195) немедленно возвратить присоединенной Латышкѣ Тринѣ (въ православіи Екатерина) шестилѣтняго ея сына Іоанна, котораго не выдавалъ ей помѣщикъ Расмусъ, губернское правленіе отвѣчало, что «не считаетъ сего дѣла справедливымъ, потому что дѣти по возрастѣ могутъ сами присоединиться, если пожелаютъ». Вотъ почему вполнѣ вѣрно замѣчаніе Филарета, что «тысячи голосовъ обработываютъ дѣло и дѣла въ Нѣмецкомъ, а не Русскомъ стилѣ. Что̀, напримѣръ, можно сдѣлать, когда пять орднунгсрихтеровъ пишутъ, что ходятъ разные непріятные слухи, и вотъ здѣсь было то, а тамъ другое? Послать чиновника на мѣсто? Но кого? Нѣмца, того, который, быть можетъ, ведетъ тайную переписку съ

тѣмъ и другимъ орднунгсрихтеромъ и даетъ наставленіе, какъ и когда написать?»

Были Русскіе при Головинѣ; но какъ служили они Русскому дѣлу и православію! Напр. вице-губернаторъ, о которомъ Филаретъ выразился, что онъ «самый лютый врагъ православія и, если смѣю сказать, самый безсовѣстный и въ другихъ отношеніяхъ; довольно къ чести его и того, что онъ брата отдалъ подъ судъ за грабежъ казны, тогда какъ деньги остались въ его карманѣ, а не у брата, человѣка довольно простаго». Что касается полицеймейстера Языкова, то, по словамъ Филарета, «не было ни одного безчестнаго и вредоноснаго для православія дѣла, въ которомъ бы онъ не участвовалъ». «Съ своей стороны», писалъ Филаретъ графу Протасову, «желая думать о людяхъ лучшимъ образомъ, извинялъ я тогда въ мысляхъ г-на полицеймейстера положеніемъ его въ отношеніи къ начальствовавшимъ. Такъ онъ и самъ себя извинялъ въ личныхъ объясненіяхъ со мною. Теперь, казалось бы, при православномъ градоначальникѣ, искреннему сыну православія можно и должно иначе дѣйствовать. На дѣлѣ не такъ». Чѣмъ же особенно ознаменовалась дѣятельность Языкова въ противодѣйствіи православію? А вотъ что разсказываетъ о дѣяніяхъ его Филаретъ. Онъ внушилъ ген.-губернатору неожиданно потребовать списокъ присоединяющихся къ православію съ цѣлію или передать въ лютеранскую консисторію, или поставить епископа въ непріятное къ ген.-губернатору положеніе. Онъ выгонялъ изъ Риги присоединившихся Латышей, если у нихъ былъ на девять дней просроченный паспортъ, хотя бы десять лѣтъ они тамъ жили. Онъ не допускалъ Латышей въ архіерейскій домъ записываться, когда они пріѣзжали по своимъ торговымъ дѣламъ безъ паспорта, какъ обыкновенно водилось. При этомъ онъ старался путемъ клеветы и лжи возбуждать неудовольствіе ген.-губернатора къ православію. Напримѣръ, онъ доложилъ Головину, что девять Латышей заявили, что дали показаніе о желаніи присоединиться подъ вліяніемъ сдѣланнаго имъ обѣщанія разныхъ льготъ. Сейчасъ же Головинъ *) поручилъ жандармскому штабъ-офицеру сообщить о томъ Филарету. Изумленный такою дерзкою клеветою, Филаретъ пригласилъ къ себѣ полицеймейстера и просилъ его указать, кто эти девять Латышей. На это полицеймейстеръ сказалъ въ отвѣтъ, что подобныхъ Латышей ему неизвѣстно ни одного, а были

*) Любопытно ближе разъяснить, въ какихъ отношеніяхъ находился Е. А. Головинъ къ многочисленнымъ Гернгутерамъ того края. Извѣстно, что самъ онъ принадлежалъ къ такъ называемому духовному кораблю Е. Ф. Татариновой (урожд. Буксгевденъ). П. Б.

только изъявившіе желаніе. Съ ними былъ еще Русскій чиновникъ при Головинѣ, В., который стыдился признать себя Русскимъ и увѣрялъ, что онъ Полякъ. О немъ говоритъ Филаретъ, что онъ, по близкому родству съ Рижскимъ губернаторомъ, былъ жестокимъ гонителемъ православія и Русской народности. Онъ готовъ былъ изъ угожденія партіи извращать очевидность. Вотъ какъ передается одинъ разговоръ его съ Филаретомъ: «Описавъ, какъ мирно въ Дерптѣ совершается присоединеніе Латышей къ православію, В. вдругъ говоритъ, что онъ опасается, чтобы не вышло безпокойства между крестьянами. Удивленный такимъ оборотомъ рѣчи, Филаретъ спрашиваетъ: «дознали-ли вы отъ Эстовъ, что они питаютъ худыя расположенія для спокойствія? Говорили-ли Эсты при показаніяхъ что-нибудь о земныхъ надеждахъ?» В. отвѣчалъ, что этого отъ Эстовъ онъ не дознался.—«На чьихъ же показаніяхъ основываете вы опасенія свои?» Вмѣсто отвѣта совершенное замѣшательство. В. началъ было говорить о слухахъ, но, почувствовавъ, что это худой источникъ, онъ сказалъ только: «Правда, мы, отправляясь въ Дерптъ, думали найти тамъ волненіе, но не нашли ничего». Далѣе В. утверждалъ, что у крестьянъ нѣтъ надлежащаго понятія о вѣрѣ, что нѣкоторые изъ нихъ, надѣвъ на себя кресты, увѣряютъ, что они православные. На это епископъ замѣтилъ, что онъ самъ не можетъ найти крестовъ для присоединяющихся и что, какъ В. извѣстно, Дерптскій протоіерей не могъ даже совершить присоединеніе по неимѣнію въ Дерптѣ крестовъ».

Вотъ тѣ Русскіе люди, которые состояли при Головинѣ и заправляли Русскимъ дѣломъ! Видя въ средѣ ихъ одного только вполнѣ Русскаго человѣка, графа Толстаго, находилъ онъ присутствіе его въ Ригѣ необходимымъ. Филаретъ понялъ, что новый министръ внутреннихъ дѣлъ внимательно слѣдитъ за ходомъ Русскаго дѣла въ Ригѣ, и сношенія его съ оберъ-прокуроромъ не прерываются, а этимъ путемъ и мысль Филарета можетъ доходить до него.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого видимъ въ штатѣ ген.-губернатора нѣсколько Русскихъ молодыхъ чиновниковъ. Объ одномъ изъ нихъ, тогда юношѣ, Самаринѣ, такъ писалъ Филаретъ Горскому: «Пишу эти строки съ тѣмъ, чтобы рекомендовать тебѣ добраго и умнаго Юрія Ѳедоровича Самарина. Съ нимъ я провелъ много дней самыхъ пріятныхъ. Онъ очень достойный и рѣдкій человѣкъ. Будьте съ нимъ радушны, просты и откровенны. Онъ стóитъ душевной любви. Отъ него узнаете и о моемъ житьѣ-бытьѣ, особенно же онъ хорошо знаетъ здѣшній край, изученный Русскою его душею». Такъ же признательно понималъ Филаретъ бывшаго короткое время въ Ригѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Синявина. «Очень много одол-

женъ я бывшему Московскому губернатору, а нынѣшнему товарищу г-на министра внутреннихъ дѣлъ, Ивану Григорьевичу Синявину. Добрая, Русская умная душа! Онъ жилъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ. Да воздастъ ему Господь по благости Своей! Да помянетъ его преп. Сергій въ молитвахъ своихъ, столько сильныхъ предъ Господомъ!»

Все многотрудное дѣло насажденія православія Филаретъ несъ одинъ. И вотъ что побуждало его къ такому единоличному труду. «Со стороны духовенства», писалъ онъ графу Протасову, «дѣло о православіи дѣлается у одного епископа: а) Одни не могутъ его дѣлать; другіе хотятъ только вредить ему, для Нѣмецкаго хлѣба. б) Два или три такіе, которыхъ и можно было бы призвать къ участію; но при твердой увѣренности, что дѣло это доведетъ ихъ до пагубы, состраданіе заставляетъ назначать имъ другія нужныя дѣла. Послѣ того, что можетъ прибавить отъ себя къ успѣху православія одинъ епископъ? Ни послать къ кому-либо, ни сдѣлать то или другое кромѣ того же епископа, который и пишетъ предписанія, и даетъ себѣ совѣты, и ѣздитъ то къ ген.-губернатору, то къ губернатору, то къ бургомистру, то къ какому-нибудь упорному противнику православія, съ которымъ надобно говорить какъ съ другомъ православія».—«Столько мараю бумаги, что недостаетъ средствъ и на покупку бумаги. Писцовъ же у меня такъ мало! Остается самому и чертить и писать на бѣло», жаловался Филаретъ Горскому.

Передъ нами массы подобныхъ бумагъ, записокъ, показаній, писанныхъ собственноручно Филаретомъ. Но намъ извѣстно, что это только частичка уцѣлѣвшихъ бумагъ его. Видно было, какъ рука его подчасъ уставала, и подъ его диктовку писался черновой отпускъ безграмотнымъ писцомъ, а потомъ опять таже трудящаяся рука неустаннаго борца продолжала начатое. Филаретъ просилъ прислать ему какого-либо чиновника, который былъ бы въ помощь епископу при сношеніяхъ его съ гражданскимъ начальствомъ. Онъ разчитывалъ, конечно, что назначеніе къ нему Св. Синодомъ чиновника, состоящаго внѣ вѣдѣнія и вліянія мѣстной администраціи, облегчитъ для него труды и обезпечитъ его успѣхи. «Дѣло само-по-себѣ многосложное и тяжелое, окружено со всѣхъ сторонъ нападеніями: можно-ли ожидать ему успѣха при настоящемъ положеніи? Богъ помогаетъ, но не творитъ чудесъ тамъ, гдѣ дѣло могутъ дѣлать люди». Такъ убѣждалъ онъ графа Протасова; но представленіе его не было уважено.

Изощряясь въ средствахъ противодѣйствовать распространенію православія, Нѣмецкая партія распускала слухи, которые могли бы ослабить стремленія Латышей. Но не всегда мѣры эти достигали намѣченной цѣли. Такъ Филаретъ указываетъ на нѣкоторыя изъ нихъ,

наоборотъ, послужившія въ пользу православія. «1) Изгнаніемъ Латышей изъ Риги хотѣли достигнуть того, чтобы остановить православіе въ самомъ началѣ. Но такъ какъ открытая несправедливость возбудила глубокую скорбь и недовольство противъ защитниковъ лютеранства, то самые изгнанные Латыши стали первыми проповѣдниками православія по мызамъ Лифляндіи. 2) На мызахъ стали отказывать въ паспортахъ присоединившимся къ православію и пожелавшимъ его, чтобы частію отмстить за желаніе православія, частію удержать людей сихъ въ своей власти и подъ вліяніемъ пасторовъ. Но это опять только усилило ревность къ православію и недовольство лютеранствомъ, не только въ тѣхъ, которые прежде желали православія, но и въ сторонникъ, такъ какъ несправедливости слишкомъ были явны и для сторонникъ. 3) Въ Маѣ и началѣ Іюня распространяли слухъ, что присоединеніе къ православію окончится то послѣднимъ числомъ Мая, то пятнадцатымъ Іюня. Это послужило къ тому, что къ симъ числамъ спѣшили являться для показаній о вѣрѣ».

Въ отклоненіе нареканій на духовенство, Филаретъ объяснялъ гр. Протасову, что онъ постоянно вмѣняетъ священникамъ въ обязанность разъяснять Латышамъ, что съ присоединеніемъ ихъ къ православію не соединяются никакія земныя выгоды. И даже само гражданское начальство, добавляетъ онъ, высказывало ему одобреніе священникамъ за ихъ осторожное и добросовѣстное отношеніе къ этому дѣлу.

Но приходилось ему и платиться за неосмотрительность подчиненныхъ своихъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго письма его къ графу Толстому. «При отправленіи о. Ѳомы не имѣлъ удобства написать вамъ неформеннаго посланія. Не знаю, ко времени-ли теперь пишу; по крайней мѣрѣ исполню требуемое душею. Прежде всего искренно благодарю васъ, что побранили Алексѣя. Онъ столько надѣлалъ мнѣ скорбей, что еще не соображусь съ его путаницей. Не подумайте, Господа ради, что я не готовъ принять какую-либо мысль вашу, тѣмъ болѣе мысль о порядкѣ хожденія крестьянъ. Я много бранить буду Алексѣя, что онъ тогда уже вздумалъ написать о своемъ затрудненіи въ принятіи ихъ, когда толкнули его. Доселѣ не видѣлся я съ ген.-губернаторомъ. Я сказалъ для священника, что можно записывать по тридцати человѣкъ на одномъ показаніи. Это а) имѣетъ тотъ только смыслъ и въ томъ случаѣ, когда при словесномъ испытаніи не встрѣтилось никакой причины считать показанія ихъ разными по мыслямъ, хотя слова ихъ нѣсколько разныя. б) Когда нѣтъ никакихъ особенныхъ причинъ записывать со всею точностію и буквально показанія ихъ. в) Впрочемъ, если ни въ какомъ другомъ случаѣ, тѣмъ болѣе въ Аренсбургскомъ дѣлѣ, при вашемъ присутствіи, священникъ не дол-

женъ относительно вида показаній быть буквальнымъ и спорить изъ малости. Богъ да соблюдетъ сердца наши въ мирѣ! Надобно еще прибавить, что мысль о такомъ записываніи пришла мнѣ съ того, что въ другихъ мѣстахъ сами гражданскіе чиновники подавали ее. Я же съ своей стороны той мысли, что чѣмъ строже ведутъ дѣло, тѣмъ покойнѣе для меня». «Алексѣй не мало потревожилъ меня и тѣмъ, что долго ни слова не писалъ, получилъ-ли отъ в. с—ства бумаги мои. По этому примѣру можете судить, какъ много надобно слѣдить за дѣлами этого человѣка. А бѣда тутъ еще та, что за 400 верстъ немного увидишь, немного услышишь и нескоро передашь отъ себя мысль».

Но не всѣ слухи, распускаемые среди Латышей, оказывались по своимъ послѣдствіямъ полезными для православія. Такъ жаловался Филаретъ, что распустили въ народѣ, будто послѣ 29-го Сентября воспрещено присоединеніе. «Какая неутомимость въ пріисканіи мѣръ вредить православію! Это уже четвертое назначеніе предѣла, замѣчаетъ онъ». Но болѣе вредными, по словамъ Филарета, были слухи, распускаемые на счетъ нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ, соединенныхъ будто бы съ принятіемъ православія. Филаретъ безошибочно указывалъ на корень этихъ слуховъ, понимая хорошо цѣль поднять смуту въ умахъ и запутать православное духовенство. Филаретъ указывалъ и на отдѣльные случаи. Такъ «крестьяне-хозяева вотчины Штомерзее и Калнамойзе, Ретчь Пукишъ съ сыномъ Симономъ и братомъ Ланомъ Пукишъ пріѣхали въ Ригу, чтобы добиться правды. Они утверждали, что безъ всякаго интереса, по чистому побужденію, принимаютъ православіе. Между разговоромъ они сообщали, что у нихъ голодъ и что многіе очень бѣдствуютъ. Хотя пасторы убѣждаютъ ихъ, говорили они, не перемѣнять вѣры, говоря, что тутъ «таится только обманъ»; но они сердечно вѣруютъ и уповаютъ на то, что когда присоединятся къ православію, то Всемогущій Создатель услышитъ вопль ихъ и молитвы ихъ будутъ благоугодны Ему, а теперь Господь наказываетъ ихъ за грѣхи ихъ. Говорили это они со слезами, стоя на колѣнахъ. Но тутъ же квартальный Горбачевскій обратился къ нимъ съ замѣчаніемъ, какъ смѣли они явиться безъ паспортовъ и въ рабочее время оставили мызу. Хотя и объяснили они, что ими оставлены работники для исполненія работъ, но тѣмъ не менѣе имъ должны были отказать въ присоединеніи по непредставленію паспортовъ. Но когда Янъ Андресъ Зандеръ явился хотя и съ паспортомъ въ Ригу, то полицеймейстеръ его выгналъ, не допустивъ присоединенія его дѣтей. Были и такіе случаи, что не допускали до записи показаній о вѣрѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что эти крестьяне жаловались на безпомощность со стороны помѣщиковъ или о невыдачѣ имъ увольненія на прокормленіе себя и

дѣтей. «Священникъ во всей точности исполнялъ», добавляетъ Филаретъ, «данное ему наставленіе, чтобы не имѣть дѣла съ подобными людьми, а предоставлять волѣ Господа, вѣдущаго слезы невинныхъ».

Защищая невинныхъ отъ клеветы въ распространеніи ложныхъ слуховъ, Филаретъ писалъ оберъ-прокурору, что онъ точно удостовѣрился, что къ сожалѣнію ложные слухи распространяются не только людьми средняго сословія, но и людьми высшаго класса съ цѣлію примѣшать къ дѣлу религіи земныя блага или поколебать чистоту стремленій Латышей. «При угнетающемъ недостаткѣ хлѣба и притѣсненіяхъ помѣщиковъ (можетъ быть юридически правыхъ, хотя неправыхъ передъ христіанскою нравственностію), въ бѣдныхъ Латышахъ даже и безъ помянутыхъ толковъ пустоты могутъ рождаться несбыточныя и неосновательныя мечты о послѣдствіяхъ присоединенія къ православію; чего же ожидать, когда присоединяются толки пустоты? Потому-то, кажется, едва-ли не естественнѣе искать виновность въ богатыхъ празднолюбцахъ, чтобы не сказать болѣе, чѣмъ въ угнетенной бѣдности? Она и безъ того доселѣ большею частію остается безъ защиты, на волѣ богатаго самоуправства».

Въ Ригѣ собрался 19-го Сентября 1845 года конвентъ Лифляндскихъ дворянъ. Филаретъ внимательно слѣдилъ за его занятіями, насколько доступно было ему получать о немъ свѣдѣнія, и обо всемъ сообщалъ съ своими замѣчаніями гр. Протасову. Онъ писалъ ему, что хотя конвентъ и собрался подъ предлогомъ разсуждать о нуждахъ крестьянъ, но собственно цѣль другая—какъ остановить присоединеніе Латышей къ православію. Сначала рѣшено было отправить депутацію къ Государю; потомъ рѣшили испросить предварительно на то разрѣшеніе. Но что́ должны были сказать депутаты? Запѣть старую пѣсню о возмущеніи? Не повѣрятъ: уже разъ эта ложь была обнаружена. Надо сказать, что дѣло православія совершается незаконно. Доложить Государю принялъ на себя президентъ генеральной лютеранской консисторіи, баронъ Мейендорфъ. «Епископъ съ своей стороны жалѣетъ», замѣтилъ Филаретъ, «что его пр—ву неугодно было выслушать православнаго епископа о дѣлѣ православія, а удовольствоваться только разсужденіями людей, которые и не могутъ имѣть точныхъ свѣдѣній о дѣлѣ православія и не желаютъ разсуждать о томъ иначе, какъ непріязненно для православія».

Дѣло же присоединенія велъ Филаретъ съ большимъ вниманіемъ и осторожностію. Испытанія производили два священника, отлично знавшіе Латышскій языкъ. Эти испытанія повторялись никогда не менѣе двухъ разъ, а иногда по три и по четыре раза. Испытаніямъ велся журналъ, въ который заносились не только дни, но и часы испытаній,

при которыхъ всегда присутствовалъ гражданскій чиновникъ, а потомъ и двое: одинъ, знающій Латышскій, а другой—Эстонскій языки. При тѣхъ же чиновникахъ совершалось и самое присоединеніе, обрядъ котораго продолжался до двухъ часовъ. «Священникъ, какъ предъ лицемъ Господа, благодатно обитающаго во храмѣ, испытываетъ совѣсть и дѣлаетъ наставленія присоединяющимся», пишетъ Филаретъ. Онъ объяснялъ оберъ-прокурору, что всѣ идущіе присоединиться, при разъясненіи имъ о томъ, что съ православіемъ не соединяется никакихъ земныхъ выгодъ, отвѣчаютъ: «*мы уже объ этомъ знаемъ, намъ много разъ объявлено*».

Филаретъ не ограничивалъ свою дѣятельность областью настоящаго. Онъ дѣлалъ все, чтобы упрочить православіе для будущаго, и конечно въ этихъ широкихъ планахъ еще болѣе встрѣчалъ противодѣйствій. Осторожность и предусмотрительность Филарета доходила, въ силу обстоятельствъ, до того, что онъ безъ высочайшаго разрѣшенія не объѣзжалъ епархіи. Приведемъ интересное представленіе его по этому поводу оберъ-прокурору 28-го Сентября 1845 г. (№ 1331) «Подъ высокою защитою благочестивѣйшаго Государя Императора православіе совершаетъ весьма значительные успѣхи. Съ Мая мѣсяца 650 отцовъ семействъ уже присоединилось къ св. православію. Около 400 отцовъ семействъ дали показаніе о желаніи православія по указанному высокою мудростію Государя Императора порядку, но еще не присоединены къ св. православію. Дѣти тѣхъ и другихъ не конфирмованныя также должны быть присоединены къ св. православію; прочіе члены семействъ тѣхъ же отцовъ безъ сомнѣнія послѣдуютъ примѣру отцовъ семействъ, какъ семейныхъ главъ. Между тѣмъ число отцовъ, изъявляющихъ желаніе православія, со дня на день возрастаетъ. Если отправить на мызы священниковъ для совершенія частію присоединенія, частію испытанія показанныхъ лицъ: то священники подвергнутся только спорамъ, жалобамъ и обвиненіямъ, какъ уже и показалъ опытъ въ Маріенбургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ увѣренъ я, что цѣлыя тысячи крестьянъ готовы принять св. православіе и *быть Русскими по всему*, но удерживаются частію отдаленностію отъ православныхъ священниковъ, а еще болѣе разными мѣстными препятствіями. Санъ епископа въ семъ дѣлѣ, какъ надѣюсь, оградитъ дѣло православія отъ вымышляемыхъ злобою толковъ предъ высшимъ начальствомъ. Потому считалъ бы весьма полезнымъ личное мое обозрѣніе Лифляндіи, дабы въ моемъ присутствіи могло совершаться какъ присоединеніе къ православію дѣтей отцовъ, изъявившихъ желаніе православія, такъ испытаніе другихъ лицъ, имѣющихъ объявлять желаніе православія, при чемъ необходимо и то, чтобы присутствовалъ

гражданскій чиновникъ, уполномоченный довѣренностію генералъ-губернатора Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Поелику же, и при твердой увѣренности въ пользѣ сего намѣренія для церкви, не могу быть увѣреннымъ, чтобы исполненіе сего намѣренія не подвергло меня нѣкоторымъ нареканіямъ со стороны сильнаго здѣсь лютеранства: то обращаюсь съ покорнѣйшею моею просьбою къ в. с—ву, не благоугодно ли будетъ повергнуть сіе мое намѣреніе на высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора. Его воля такъ священна для каждаго сына православной церкви; его слово такъ много уже сдѣлало чудесъ для св. православія какъ между обращавшимися дотолѣ къ Риму, такъ еще въ недавнее время между закоренѣлыми раскольниками, а благотворительную любовь его къ св. православію вѣка будутъ чувствовать и благодарно возносить къ престолу Отца щедротъ. И въ настоящемъ дѣлѣ одно слово его, и всѣ будутъ мирны».

Оберегая отъ отвѣтственности священниковъ, въ виду постоянныхъ преслѣдованій и доносовъ на нихъ, Филаретъ шелъ самъ на проломъ и принималъ лично на себя всѣ непріятности. Заручившись высочайшимъ разрѣшеніемъ, онъ могъ дѣйствовать смѣлѣе. Зная характеръ своего Государя, онъ чистосердечно придавалъ его слову магическую силу. Не безъ цѣли конечно указывалъ онъ на готовность Латышей *сдѣлаться по всему Русскими*. Въ Петербургѣ не догляды-вали того, что́ видѣлъ на мѣстѣ дальновидный человѣкъ, горячо преданный Русскому дѣлу. Это прозрѣвали тамъ развѣ два лица—императоръ Николай Павловичъ и его министръ Перовскій.

Представленіе было доложено Государю, который не только одобрилъ намѣреніе Филарета, но послѣ того горячо высказался предъ Лифляндскими депутатами какъ защитникъ православія въ Лифляндіи.

Весьма много споспѣшествовали дѣлу присоединенія переводъ катехизиса, молитвослова и литургіи на Латышскій языкъ и совершеніе на немъ богослуженія. «Многіе Латыши, еще до присоединенія, посѣщая церковь, знакомятся съ православнымъ богослуженіемъ и, вынося отрадное для души впечатлѣніе, желаютъ потомъ сами православія», доносилъ Филаретъ. Чтобъ укрѣпить вновь присоединенныхъ въ православіи и утвердить въ ученіяхъ церкви, онъ раздавалъ выписанныя изъ лавры иконки Божіей матери, Спасителя, пр. Сергія, св. Николая Чуд., Предтечи, изображенія Б. М. «утѣшеніе скорбящимъ». Прося прислать выписку изъ Нѣмецкой книги «православный чинъ исповѣди», онъ между прочимъ писалъ Горскому: «Повѣрите ли, что Нѣмецкій православный катехизисъ митрополита здѣсь истребляютъ? Каковы Нѣмцы!» Усердное и частое служеніе Филарета немало Латышей привлекало въ храмъ, въ началѣ изъ любопытства, а потомъ и по душевному расположенію. Къ тому же Филаретъ очень часто

говорилъ поученія, которыя, по свидѣтельству сослуживца его, своею задушевностію производили сильное впечатлѣніе. Объ этомъ служеніи своемъ святому дѣлу онъ, съ присущею ему скромностію, такъ писалъ Горскому: «Что̀ сказать о себѣ? Что я говорю проповѣди и говорю нерѣдко, въ томъ нѣтъ ничего особеннаго; кто теперь не говоритъ проповѣдей?» Филаретъ сообщалъ графу Протасову и о пасторахъ, неувлекавшихся общимъ примѣромъ, но объявлявшихъ Латышамъ, что если они искренно желаютъ православія, то могутъ свободно идти къ священнику. Такія исключенія, по свидѣтельству его, были и среди бароновъ. Нельзя не пожалѣть, что лица эти не поименованы, а говорится о нихъ вообще, какъ объ отрадномъ исключеніи.

Между тѣмъ Головинъ все болѣе и болѣе позволялъ опутывать себя Нѣмецкою интригою, и противодѣйствія православному духовенству въ дѣлѣ церкви, принимая все бо́льшіе размѣры, оставались безъ преслѣдованій. Филаретъ въ письмѣ своемъ графу Протасову указывалъ, какъ рядомъ со стѣсненіемъ духовенства въ дѣлахъ вѣры идетъ смѣлая пропаганда лютеранскаго духовенства. Гернгутеры готовы были присоединиться къ православію. Но, писалъ Филаретъ: «пасторъ Трей, тотъ самый, который имѣлъ дѣло пастырское съ Латышами-Гернгутерами, открылъ теперь частныя вечернія собранія въ своемъ домѣ для лютеранской проповѣди, и къ нему стали собираться толпы. Теперь сравните ваше с—во положенія православнаго духовенства въ Ригѣ. Еслибы я дозволилъ себѣ послать кого-нибудь или изъ священниковъ, или изъ мірянъ благочестивыхъ въ домъ къ какому-нибудь Латышу, даже изъ изъявившихъ желаніе православія: то очень хорошо знаю, что его немедленно схватили бы какъ бунтовщика. Не подумайте, ваше с—во, что преувеличиваю горькую дѣйствительность. Нѣтъ, мнѣ уже извѣстно, что по послѣднему дѣлу розыскивали вездѣ и всячески, не былъ ли когда-нибудь и кто-нибудь посланъ отъ меня къ Латышу въ домъ? Извѣстно и болѣе того; но Господь съ ними, до своей личности не хочу касаться. Такимъ образомъ мнѣ остается предать все волѣ Господа. Если Онъ милостивъ будетъ къ православію *и назначитъ другое начальство для Риги*, то безъ шума и смятеній православіе будетъ дѣлать успѣхи. Мнѣ одному не преодолѣть столько людей сильныхъ. И что̀ я значу передъ ними? Впрочемъ, быть можетъ Господь умилосердится и пошлетъ помощь устроить разстроенное дѣло. Только для сего необходимо спокойствіе. Противъ здѣшняго упорства, часто наглаго, малоуспѣшна открытая борьба. Ко мнѣ не разъ опять приходили съ желаніемъ православія (посылать кого-нибудь изъ своихъ—боюсь и считаю невозможнымъ); но начинать что-нибудь фор-

мально не могу до времени лучшаго. Необходимо бы по крайней мѣрѣ обуздать секретными мѣрами тѣ смѣлыя выходки враговъ православія, о которыхъ упомянулъ я».

Итакъ, Филаретъ, увлекаясь болѣе и болѣе ревностію служенія, ведя дѣло на мѣстѣ осторожно и осмотрительно, въ тоже время дѣйствуетъ въ Петербургѣ все сильнѣе и сильнѣе: онъ какъ бы укоряетъ самого Протасова въ его равнодушіи, высказывая увѣренность, что только надѣется на помощь Божію и упоминаетъ *о перемѣнѣ начальства въ Ригѣ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его дѣйствіяхъ усматривается всегда присущее его сердцу побужденіе: перенося на себѣ гоненія, ограждать отъ нихъ подначальныхъ служителей алтаря. Съ тою же цѣлію освобождалъ онъ ихъ отъ исполненія щекотливыхъ порученій. Желая только оградить православіе отъ стѣсненій, онъ ведетъ дѣло съ незлобіемъ и не измѣняетъ духу христіанскаго ученія. Такъ напримѣръ, по поводу неуважительныхъ отзывовъ пасторовъ о православіи, онъ говоритъ: «Объ этомъ у епископа много письменныхъ показаній Латышей, хотя епископъ не желалъ и не желаетъ дѣлать изъ того употребленія, непріятнаго пасторамъ». Или: «Не хотѣлъ и не хочу говорить или судить невыгодно о людяхъ. Ихъ судія—Господь. Но что̀ необходимо связано съ дѣломъ православія, о томъ вынуждаюсь сказать». Вообще же онъ наиболѣе представлялъ о необходимости общихъ мѣръ; если же указывалъ иногда на отдѣльные случаи, то, группируя ихъ, обрисовывалъ общее положеніе дѣла. А когда графъ Протасовъ потребовалъ сообщить ему, кто изъ помѣщиковъ наказывалъ обратившихся къ православію Латышей, онъ отвѣчалъ: «По моимъ средствамъ и долгу не могу въ точности собрать свѣдѣній по сему предмету».

О необходимости перемѣны въ Ригѣ начальства могъ ли не указать Филаретъ послѣ того, какъ Головинъ на одномъ изъ засѣданій прямо высказался противъ присоединенія, утверждая, что присоединеніе потрясетъ вѣковой порядокъ? Ревность Филарета умаляла передъ нимъ собственную опасность, и онъ тутъ же, въ глаза, назвалъ Головина «Нѣмцемъ».

Головинъ вполнѣ довѣрялъ чистосердечности помѣщичьихъ опасеній и паническому страху, что требованіе войскъ основано было на сознаваемой ими необходимости. Какъ ни старался графъ Толстой объяснить ему, что у бароновъ въ данномъ случаѣ есть задняя мысль—дать видъ, что присоединеніе произошло подъ натискомъ штыковъ, Головинъ оставался при своемъ. Графъ Толстой представлялъ Головину, что вопросъ этотъ зашелъ такъ далеко, что поворота нѣтъ, и исходъ одинъ—вести дѣло прямо и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Онъ указывалъ на необходимость внушить баронамъ, что правительство

не можетъ оставить крестьянъ на жертву ненависти лютеранъ. Головинъ утверждалъ, что помѣщики охотно исполнили бы волю Государя, еслибъ онъ высказался категорически. Графъ Толстой замѣтилъ, что здѣсь новая хитрость: имъ хочется, чтобъ Государь весь срамъ, которымъ пристрастная Западная Европа прикрываетъ это дѣло, принялъ на себя, и чтобы предоставилъ оправданіе свое отдаленной исторіи, которая въ свою очередь можетъ быть обманута. «Обстоятельства любопытныя, но дѣло тяжелое», пишетъ графъ Толстой, заканчивая эту замѣтку слѣдующими словами: «Господи, дай мнѣ силы и терпѣнія!»

Если такой возгласъ вырвался у свѣтскаго лица, смотрѣвшаго на дѣло въ качествѣ Русскаго и сына православной церкви, то что́ долженъ былъ чувствовать ревностный ея служитель, какимъ былъ Филаретъ? «Повѣрьте, нѣтъ ни одной клеветы, нѣтъ ни одного низкаго средства, за что́ бы не взялись въ поддержаніи лютеранства», писалъ онъ графу Протасову. «Если оставятъ меня опять одного бороться съ звѣрьми, отвѣтъ передъ судомъ Божіимъ и человѣческимъ за слѣдствія вредныя падетъ не на меня. Я чистъ совѣстію, объявляя дѣло въ настоящемъ его видѣ послѣ того, какъ горькимъ опытомъ дознался и въ безсонныя ночи размышлялъ о всемъ, что́ дѣлается и имѣетъ дѣлаться».

Но не такъ смотрѣлъ на дѣло государственный правитель, не только отрекаясь отъ служенія своей церкви, но закрывая глаза передъ политическою задачею своей родины, которая такъ видимо, такъ вразумительно, сама собою выполнялась, безъ всякой предварительной подготовки, безъ всякихъ усилій правительства. Этого мало. Той же интригѣ и тѣмъ же правителямъ удалось обойти и самого Государя. Послѣ столь опредѣленной программы, какая была имъ высказана, нельзя было ожидать поворота въ образѣ дѣйствій такого человѣка, какимъ былъ Николай Павловичъ. Надо предполагать, что Государя увѣрили, будто присоединеніе совершается слишкомъ поспѣшно, будто присоединявшимся нѣтъ времени одуматься и обсудить столь важный вопросъ, какъ перемѣна исповѣданія. Быть можетъ, указали и на случай, когда Латыши Гернгутеры, уже заявившіе желаніе присоединиться, но имѣвшіе время обсудить, отказались впослѣдствіи. А случай этотъ не ускользнулъ отъ вниманія Филарета, и онъ изслѣдовалъ это дѣло. Оказалось, что Латыши были призваны въ лютеранскую консисторію, гдѣ ихъ манили обѣщаніемъ дозволить имъ устроить молитвенный домъ и школу (что́ до движенія къ православію консисторіею не дозволялось). Конечно это обѣщаніе, побудившее Гернгутеровъ отказаться отъ своего намѣренія, было скрыто отъ Государя. И вотъ нежданно-негаданно пришло высочайшее повелѣніе, чтобы отъ объявленія же-

ланія присоединиться до самаго присоединенія проходило шесть мѣсяцевъ. Такое распоряженіе крайне смутило Филарета и, по словамъ его, «повергло въ недоумѣніе и уныніе всѣхъ, ищущихъ православія». Такая мѣра имѣла неотразимымъ послѣдствіемъ полнѣйшій просторъ интригѣ и гоненіямъ и охлажденіе въ стремленіи къ присоединенію.

Но, дивное дѣло! Вскорѣ вновь проявилось движеніе и мѣстами очень сильное. Только достигалась цѣль съ бо́льшими страданіями, только больше терній насаживалось на пути шествія бѣднаго народа въ объятія его новой матери—Россіи. Насмѣшка ли здѣсь судьбы или неисповѣдимые планы Зиждителя? Ни козни, ни муки, которымъ теперь дано болѣе простора, не останавливали народа.

Мы знакомы со взглядомъ Филарета на священниковъ, какіе нужны для новопросвѣщенныхъ Латышей. Но образованное общество Риги не могло быть удовлетворено такимъ составомъ. Даже самолюбіе требовало, чтобъ въ Ригѣ духовенство не уступало въ образованности пасторамъ, которыми такъ кичились бароны. «Нѣмцы доселѣ говорили, что Русскіе попы мужики», замѣчаетъ Филаретъ. Неспорно, такое замѣчаніе для всякаго Русскаго было слишкомъ обидно; а потому мысль Филарета поднять образовательный уровень Рижскаго духовенства сочувственно привѣтствовалась Русскими людьми. Филаретъ какъ бы ссылается на авторитетъ самого Государя въ этомъ вопросѣ, приводя его слова: «Вотъ съ крестиками-то священники (т.-е. магистры Академіи) мнѣ нравятся; сколько видѣлъ ихъ, они люди хорошіе, образованные, ихъ назначать ко мнѣ въ гвардію». А по своей признательности къ Московскому митрополиту Филаретъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Да, другъ мой, это много значитъ, много значитъ для св. вѣры, много значитъ для отца нашего митрополита, которому всѣмъ этимъ одолжена церковь наша».

По тѣмъ же соображеніямъ, какъ мы знаемъ, Филаретъ съ живымъ участіемъ отнесся къ желанію одного барона, женатаго на Русской, назначить ему на мызу хорошаго священника, который могъ бы быть законоучителемъ его сыновей. Филаретъ назначалъ это мѣсто для воспитанника Московской Академіи и очень хлопоталъ о скорѣйшемъ отысканіи благонадежнаго лица для замѣщенія. Наконецъ и для самого епархіальнаго управленія нужны были люди болѣе развитые. Филаретъ хлопоталъ привлечь въ Ригу академиковъ. Ходатайство его было разрѣшено Св. Синодомъ, и ему предоставлено озаботиться пріисканіемъ желающихъ. Разумѣется его взоры обратились къ родной его, Московской Духовной Академіи. Близка была ему она по его любви къ ней, близка по тому направленію, какое давалось ея питомцамъ. И вотъ шлетъ онъ туда просьбу за просьбою, мольбу за

мольбою. «Господа ради, прошу васъ, прошу всю братію, прошу о. ректора—пришлите питомцевъ вашихъ. Истинно говорю, что это будетъ несомнѣннымъ благомъ для церкви. Отъ души прошу тѣхъ, которыхъ вы выберете, не тяготиться жребіемъ; сколько достанетъ силъ и средствъ, постараюсь, при помощи Божіей, успокоить ихъ положеніе». «Да, забылъ упомянуть: квартиры для духовенства здѣсь казенныя, т.-е. пріобрѣтенныя приходами для церкви. Это конечно немалость, особенно на первый разъ». «Мнѣ очень будетъ тяжело, если вы не удѣлите отъ своихъ питомцевъ трехъ юношей преподобнаго Сергія. Вы конечно понимаете, почему мнѣ хочется именно изъ нашей Академіи видѣть здѣсь пастырей. Видѣлъ я, грѣшный, воспитанниковъ Питера. Христосъ съ ними! Господомъ прошу, не откажите въ милости». «Вы спрашиваете меня относительно удобствъ, какія могутъ быть для предназначенныхъ Синодомъ въ Ригу питомцевъ вашихъ, и пишете съ душевною скорбію. Конечно вы не сомнѣваетесь, что и я, грѣшный, озабоченъ симъ дѣломъ по любви къ питомцамъ преподобнаго Сергія. Но не думайте, прошу васъ, такъ невыгодно о здѣшнихъ мѣстахъ, какъ думаете вы. Вы полагаете, что здѣшніе священники вовсе ничего не получаютъ отъ прихожанъ (кромѣ жалованья). Нѣтъ, здѣшніе прихожане очень любятъ священниковъ. Довольно сказать, что они состоятъ изъ купцовъ и мѣщанъ; а вы знаете, что купечество наше, благодареніе Господу, набожно; здѣшнее таково же и даже болѣе привержено къ церкви, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Это зависитъ и отъ того, что, живя среди иновѣрныхъ, оно само, иновѣріемъ и особенно его враждою противъ православія, располагается любить православіе и православныхъ». Далѣе онъ сообщаетъ, какъ великъ доходъ священниковъ и приводитъ въ примѣръ одного изъ нихъ, который получаетъ вдвое противъ другихъ, благодаря своему истинно-пастырскому служенію, чѣмъ пріобрѣлъ любовь своихъ прихожанъ.

Но студенты, которымъ, какъ видно, предлагалъ Горскій, опасались службы въ Ригѣ. Ни для кого не было тайною, что̀ тамъ дѣлается. И опечаленный Филаретъ писалъ: «Очень жаль, что студенты отказываются отъ Риги. Теперь еще болѣе вижу, что имъ было бы очень выгодно жить здѣсь. По собраннымъ недавно вѣрнымъ свѣдѣніямъ здѣсь ни одинъ священникъ не получаетъ менѣе 2.000 рубл. (ассигн.). Теперь же еще назначается по 200 рубл. сереб. въ годъ. Да и жизнь для нихъ покойная. Другое дѣло жизнь грѣшнаго Филарета. Но воля Господня да будетъ!»

Отказъ студентовъ Московской Академіи побудилъ Филарета обратиться къ Петербургу. По счастію выборъ, какъ кажется, былъ удаченъ. «Не угодно преп. Сергію послать питомцевъ своихъ. Какъ бы-

ваетъ мнѣ это по временамъ скорбно! Петербургскіе хороши; но мнѣ было бы утѣхою быть со своими. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что положеніе тѣхъ, которые прибыли бы сюда, было бы очень счастливое. Вотъ прислано каждому по 150 рубл. сереб. на обзаведеніе. Не говорю о жалованьи и мѣстахъ. Но опять повторю: да будетъ благословенно имя Господа Вышняго!»

Но Филаретъ, надо думать, не терялъ надежды на родную Академію и желая, быть можетъ, ея питомцевъ имѣть ближе къ себѣ, оставлялъ для нихъ мѣста въ Ригѣ. Къ такой увѣренности Филарета немало содѣйствовало личное участіе Московскаго митрополита. «О требуемомъ для васъ избраніи», писалъ митрополитъ, «заботимся, но еще успѣха нѣтъ. Вы знаете, что въ Москвѣ и около центра стремительная сила болѣе, нежели центробѣжная». Какъ видно, митрополитъ сдѣлалъ укоръ Филарету за необращеніе непосредственно къ нему, и на оправданіе Филаретъ писалъ ему: «Прежде всего позвольте поспорить противъ вашей мысли, что вамъ тягостно было безпокоить меня докукою о кандидатахъ священства, и будто тягостно даже для совѣсти. Для совѣсти тягостно было бы, еслибы вы изъ человѣкоугодія, чтобы не безпокоить меня, не требовали отъ меня нужнаго для общественной пользы. И вы не похвалу мнѣ написали, назвавъ безпокойствомъ для меня требованіе общеполезнаго; если я это почитаю безполезнымъ, то просилъ бы обличить меня и возбудить къ лучшимъ расположеніямъ». Великій учитель Московскій не измѣнялся, какъ видимъ, съ годами. «Требованіе ваше предложилъ я академическому правленію и начинаю безпокоиться, что не спѣшатъ, и располагаюсь безпокоить подтвержденіемъ. Жалѣю, что не очень удобно исполнять требованія сего рода. Въ Москвѣ особенно крѣпко прирастаютъ люди къ мѣсту, и не охотно позволяютъ оторвать себя», замѣтилъ митрополитъ. Въ противуположность такому приращенію къ мѣсту Филаретъ указывалъ Горскому на одного воспитанника Петербургской Академіи, который отказался отъ профессорства и предпочелъ служеніе въ Ригѣ. А чтобы заохотить Московскихъ, онъ не упускалъ случая о всѣхъ выгодахъ для Лифляндскихъ священниковъ сообщать Горскому, увѣряя, что и въ Москвѣ немного такихъ приходовъ.

Въ Декабрѣ 1847 года Филаретъ писалъ уже Горскому, прося прислать пятерыхъ академиковъ, для которыхъ остаются незанятыми мѣста. «Теперь обстоятельства здѣсь уже не прежнія; Русь начинаетъ имѣть просторъ; теперь въ одной Лифляндіи до 70 православныхъ священниковъ, а прежде не было и семи». Вотъ какихъ результатовъ достигъ своею неутомимою настойчивостію Филаретъ. Понять нетрудно послѣ этого все озлобленіе противъ него Нѣмцевъ.

Наконецъ родная Академія удѣлила ему двухъ своихъ питомцевъ, и Филаретъ извѣщаетъ о нихъ Горскаго: «Назаревскій и Варницкій [1]) здѣсь не скучаютъ. Тотъ и другой довольно тепло живутъ». А мнѣ со своими какъ-то свободнѣе и легче. Нельзя жаловаться и на Петербурскихъ. Всѣ трое смирны. Но со своими душѣ свободнѣе, опять скажу».

Прибывшіе священники, осмотрѣвшись, удостовѣрились, что жить дѣйствительно можно. Они стали перетягивать и другихъ. «Я жду отъ васъ надежнаго священника, о которомъ писалъ въ Академію Владиміръ Григорьевичъ [2]). Выберите получше, подобрѣе, такого какъ Владиміръ Григорьевичъ, котораго очень люблю и какъ добраго и какъ умнаго».—«Тотъ, о которомъ писали вы, по вашимъ же словамъ не очень одобрителенъ. А въ Ригѣ житье мудреное. Нѣмцы—народъ умный, городъ торговый, гдѣ богатство портитъ людей и, портя, губитъ счастіе». Одною изъ преградъ, какую ставили себѣ воспитанники Академіи, это—незнаніе туземнаго языка. Филаретъ убѣждалъ, чтобы этого не пугались, увѣряя, что на мѣстѣ легко выучатся и приводилъ примѣры: «Это говорю по опыту: 60 священниковъ, посвященныхъ мною, которыхъ первоначальныя познанія въ народномъ языкѣ были или слабы, или даже и ничтожны, теперь всѣ и говорятъ и пишутъ на народномъ языкѣ». При этомъ Филаретъ совѣтовалъ пріѣзжать неженатыми и избирать себѣ подругъ жизни здѣсь. «Это полезно во многихъ отношеніяхъ, на первый разъ и для разговора съ народомъ. Къ тому же скучно и женѣ быть на чужой сторонѣ, скучно и мужу не имѣть вблизи себя звѣна, связующаго съ здѣшнею мѣстностію».

Но все-таки, и помышляя уже о переводѣ изъ Риги, Филаретъ не переставалъ осаждать родную Академію требованіями священниковъ, очевидно желая, насколько это возможно, упрочить дѣло, на случай, еслибъ преемникъ его оказался человѣкомъ съ малымъ запасомъ энергіи. Въ отвращеніе такой гибельной для церкви случайности онъ просилъ въ преемники себѣ ректора Евсевія, зная его твердый, неуклончивый характеръ. Горскому же писалъ: «Я все ожидаю вашихъ питомцевъ. Такъ они нужны мнѣ. Приходы остаются безъ священниковъ. Размѣщеніе ихъ соединено для меня съ нѣкоторыми

---

[1]) Первый былъ ректоромъ дух. училища въ Ригѣ. Скончался въ Москвѣ въ 1881 г. Второй и нынѣ состоитъ ключаремъ Рижскаго каѳедральнаго собора, сохраняя почтительную память о Филаретѣ.

[2]) Назаревскій.

затрудненіями. Приходится переводить прежнихъ на новыя мѣста, а это, какъ понимаете, печалитъ переводимыхъ».

Наконецъ, явились ожидаемые воспитанники выпуска 1848 года и назначены: «Карелинъ на о. Эзель благочиннымъ и священникомъ, Поспѣловъ въ г. Вольмаръ, Троицкій на мызу. Карелинъ въ готовый церковный домъ и церковь, Бѣликовъ въ Рятное, очень богатое доходами. Я просилъ за нихъ преемника». Такъ извѣщалъ Филаретъ Горскаго, передавая уже свою паству новому пастырю.

Такимъ образомъ, девять академиковъ заняли священническія мѣста въ Лифляндіи.

Чтобы поднять духовенство и привлечь къ служенію церкви людей образованныхъ, конечно нужно было увеличить убогіе штаты священнослужителей. Это заботило Филарета, который на первыхъ же порахъ сталъ ходатайствовать объ увеличеніи содержанія духовенству. Къ прискорбію его, мѣстный епархіальный архіерей, Псковской преосвященный Наѳанаилъ возсталъ противъ этого. Утверждая, что Рижское духовенство болѣе обезпечено чѣмъ духовенство Псковской епархіи, онъ представилъ Синоду объ оставленіи ходатайства Филарета безъ уваженія. Ключемъ къ разгадкѣ такого противодѣйствія Наѳанаила можетъ служить мѣстная епархіальная интрига и слишкомъ узкій взглядъ владыки. Но Филаретъ былъ настойчивъ, и его это не остановило. Ходатайство свое онъ подкрѣпилъ слишкомъ вѣскими доводами, между прочимъ «разсчетомъ поставить духовенство на видныя мѣста, чтобы иновѣріе не могло указывать на недостатки жизни въ упрекъ православію» *). Синодъ, разумѣется, не могъ включить вопросъ этотъ въ такія узкія рамы, въ коихъ смотрѣлъ на него Псковской владыка, и ходатайство Филарета было уважено. Получены штаты, къ нимъ добавочныя, далѣе на обзаведеніе.

Какую же награду просилъ для себя Филаретъ? «Еслибы духовенство Рижское помянуло меня за гробомъ»! писалъ онъ Горскому, съ особенною радостію извѣщая его объ успѣхѣ этого дѣла.

*

Много горя пришлось перенести Филарету въ его заботахъ объ огражденіи присоединившихся и искавшихъ присоединенія къ православію отъ жестокаго ихъ преслѣдованія.

---

*) Ходатайство Филарета докладывалось Государю; въ слѣдъ за тѣмъ Филаретъ, побуждалъ Московскихъ академиковъ ѣхать въ Ригу и извѣщалъ Горскаго: «Жалованье еще прибавится, на что имѣю увѣреніе изъ Синода, пока частное».

Вотъ какъ описывается положеніе Латышей на основаніи офиціальныхъ свѣдѣній, имѣющихся при дѣлахъ оберъ-прокурора Св. Синода. «Кажется, всякаго рода насилія, истязанія, жестокости и ухищренія пущены были въ ходъ и приведены въ дѣйствіе, чтобы отвратить Латышей и Эстовъ отъ принятія православія. Несчастныхъ жертвъ морили голодомъ, сгоняли съ земли съ цѣлою семьей, лишали мѣстъ, бросали въ тюрьмы, били палками, забивали до изуродованія и даже до смерти, волочили по судамъ, подстерегали каждое ихъ слово и дѣйствіе, подвергали допросамъ, брили имъ головы, издѣвались надъ ними всячески, употребляя всѣ мѣры, всѣ средства, чтобы вывести ихъ изъ терпѣнія и возбудить къ бунту; такъ что по выраженію преосв. Филарета, надобно при этомъ удивляться только одному—терпѣнію невинныхъ страдальцевъ. Истинно, самъ Господь подкрѣпляетъ ихъ силы, терзаемыя изувѣрствомъ и своекорыстною ненавистію. На долго ли станетъ терпѣнія ихъ? Богъ знаетъ. Доселѣ они покойно идутъ, какъ овцы на бойню—на судъ Нѣмецкій».

Картину этого времени хорошо рисуетъ одинъ и, за исключеніемъ Филарета, быть можетъ, единственный въ то время Русскій дѣятель въ Лифляндіи въ духѣ православія и человѣколюбія, графъ Д. Н. Толстой. Онъ привелъ въ извѣстность всѣ правительственныя распоряженія по дѣлу о присоединеніи и раздѣлилъ ихъ: 1) относящіяся до порядка присоединенія и содѣйствія духовной власти со стороны гражданскаго управленія, 2) къ устройству постоянныхъ и временныхъ церквей и школъ, 3) по охраненію общественнаго порядка и спокойствія, 4) о преслѣдованіи злоупотребленій властью и обязанностями. Этимъ желалъ онъ дать правильное направленіе и движеніе дѣлу, вывести его изъ хаоса. Но едва удалось ему окончить трудъ этотъ, какъ дѣло снова было сбито съ правильнаго пути въ непроглядную сферу хаоса и интригъ. Получилось секретное распоряженіе военнаго министра объ учрежденіи военно-ссудной коммиссіи для дѣлъ о разглашателяхъ. Въ народѣ всегда ходятъ какіе-либо слухи, затрогивающіе болѣе или менѣе близкія ему струны. Такъ было и здѣсь. Изстрадавшійся народъ искалъ въ своихъ мечтахъ исхода къ лучшему. И вотъ пошла огласка, что можно переселяться въ теплыя земли, т. е. на Югъ, гдѣ непрепятственно исповѣдуется православная вѣра. Надежда на переселеніе, весьма можетъ быть, придавала бодрости и терпѣнія. Но эти невинные слухи окрасили небывалымъ народнымъ волненіемъ. Предсѣдателемъ коммиссіи назначенъ былъ ген.-м. Крузенштернъ, членами флигель-адъютанты Ефимовичъ и Анненковъ. Самое назначеніе Крузенштерна убѣждало всѣхъ въ томъ, что здѣсь дѣло Нѣмецкой партіи. «Но не въ этомъ еще зло», говоритъ графъ Толстой; «оно

заключается въ разъединеніи дѣйствій правительства по одному и тому же дѣлу. Сношенія наши съ Петербургомъ раздѣлились на четыре пути: первый прямой, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ; второй—архіерейскій, черезъ оберъ-прокурора св. Синода; третій—черезъ военнаго министра и, наконецъ, по начинающемуся, какъ слышно, движенію въ Эстляндіи (состоящей въ С.-Петербургскомъ викаріатѣ) четвертый—черезъ митрополита Антонія. Естественно, что донесенія эти будутъ различествовать по мѣрѣ различія въ воззрѣніяхъ на предметъ, и вмѣсто того, чтобы придать дѣйствію правительства болѣе энергіи и единства, мы должны теперь ожидать мѣры на мѣру, повелѣнія на повелѣніе».

И какъ же пошло дѣло? Что̀ нашли? «Флигель-адъютанты пріѣхали и напрасно ищутъ дѣла. Военный министръ не ладитъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и вотъ прислалъ флигель-адъютантовъ, потому что будто бы изъ множества производящихся здѣсь слѣдствій ни одно не кончено (это вздоръ), а въ самомъ дѣлѣ ему нужно противодѣйствовать Перовскому. Для Чернышова здѣсь нѣтъ ничего и никого: въ виду одинъ Перовскій. И бѣднаго старика моего *) тянутъ и рвутъ во всѣ стороны и сбиваютъ съ толку. Графъ Протасовъ видитъ въ этомъ дѣлѣ ленту; епископъ хлопочетъ о распространеніи паствы, *во что̀ бы ни стало*; ген.-губернаторъ, думая въ душѣ быть безпристрастнымъ, на самомъ дѣлѣ оказывается слабымъ. Одинъ Перовскій глядитъ широко и видитъ въ этомъ дѣлѣ распространеніе Русскаго элемента. Онъ постигаетъ, что положеніе здѣшняго края аномалическое для Россіи, и потому я служу въ его министерствѣ. Я служу, ибо раздѣляю его убѣжденія; чуть замѣчу, что дѣло противно моему убѣжденію, противно совѣсти — брошу и уѣду».—«Часто мы обманываемъ себя, относя къ безпристрастію равнодушіе и холодность нашу къ дѣлу, въ которомъ чувствуемъ, что должны бы были принять участіе; и чтобы помириться самимъ съ собою, громко называемъ себя безпристрастными». Конечно слова эти всецѣло относились къ Головину, который, по замѣчанію графа Толстаго, наконецъ сдѣлался совершеннымъ Нѣмцемъ по убѣжденіямъ.

Интрига работала во всеоружіи. «Теперь дѣло присоединенія находитъ новыхъ обвинителей», повѣствуетъ графъ Толстой: «говорятъ, разумѣется православные, что нашъ народъ не хочетъ обращаться съ неофитами и что даже Русскіе жители Дерпта хотѣли подавать объ этомъ просьбу. Начинаютъ опасаться раскола тѣ, которые никогда прежде того не заботились объ интегральности Русской церкви. Го-

*) Головина.

ворятъ, что новоприсоединенные вносятъ протестантизмъ въ нѣдра нашей церкви».

Когда Государь выѣхалъ въ чужіе края, Имперіею управлялъ Государь-Цесаревичъ. Онъ повелѣлъ раздѣлить обвиняемыхъ въ разглашеніи ложныхъ слуховъ о выгодахъ, сопряженныхъ будтобы съ переходомъ въ православіе, на два разряда: «1) Дѣйствующихъ съ злостнымъ умысломъ посредствомъ обольщеній привлечь въ православіе простодушныхъ. 2) Безъ умысла повторяющихъ слышанное. Первыхъ судить военнымъ судомъ, а вторыхъ подвергать полицейскимъ наказаніямъ». Чѣмъ же это кончилось? Тюрьмы переполнились, и ни одинъ изъ заключенныхъ, по свидѣтельству графа Толстаго, не принадлежалъ ни къ первому, ни ко второму разряду. Забыли о третьихъ, которые на самомъ дѣлѣ одни только и были: это тѣ, которые безъ злостнаго умысла говорятъ вздоръ, не повторяя однакоже слышаннаго, а сами толкуя превратно дѣло, по крайнему своему разумѣнію. Такими-то и были наполнены тюрьмы.

Какъ же относился Филаретъ къ этому убійственному въ собственномъ смыслѣ дѣлу? Прежде всего онъ обратился къ молитвенной помощи родной своей лавры. «Здѣсь столько теперь трудовъ и скорбей! Нѣмцы со всѣмъ ожесточеніемъ возстали противъ дѣла православія. И происки, и клеветы—все въ ходу. Бѣдныхъ крестьянъ волнуютъ и мучатъ. Волнуютъ и высшее начальство сомнѣніями. Чиновники летаютъ изъ Петербурга въ Ригу для повѣрокъ. Слѣдствія за слѣдствіями. Помолитесь Господу Богу за грѣшнаго Филарета. Помолитесь Божіей Матери и преподобному Сергію о защитѣ невинныхъ и святаго православія. Радъ бы писать, но нѣтъ времени».

«Нынѣ—покой, завтра—тревога», писалъ Филаретъ. «Ни за одинъ день нельзя поручиться. Вотъ недавно два раза присылаемъ былъ флигель-адъютантъ. Тревогъ довольно. Сперва огласили: въ Перновѣ бунтъ, оказался покой. Вотъ затѣмъ огласили: въ Аренсбургѣ бунтъ, и опять не нашлось бунта. Представьте, что о каждомъ такомъ дѣлѣ пишутъ ко всѣмъ министрамъ и къ Государю. Вы поймете, что много надобно твердости, чтобы не возмущаться по этой волнующейся пучинѣ. По крайней мѣрѣ у меня грѣшнаго нѣтъ такой крѣпости, чтобы оставаться покойнымъ. Да будетъ воля Господа! Видно, каждому своя дорога. Каждаго ведетъ Отецъ Небесный Своимъ путемъ. Въ прошломъ Декабрѣ (1845 г.), теперь скажу какъ о прошломъ, совсѣмъ готовился я для того пути, которымъ выѣхалъ отсюда предмѣстникъ мой. Такъ назначали, такъ объявляли, такъ писали. Но вотъ доселѣ еще здѣсь, на радость Нѣмцамъ добрымъ. Что̀ будетъ далѣе, что́ будетъ завтра? Не знаю, истинно не знаю».

Но подъ давленіемъ тяжелой скорби и собственныхъ опасеній не слабѣетъ дѣятельность Филарета. Напротивъ, какъ будто бы она еще болѣе возбуждается ими. Обливаясь слезами, описываетъ Филаретъ притѣсненія и обиды Латышей и препровождаетъ записки свои къ генералъ-губернатору, то ѣдетъ къ нему просить о несчастныхъ, то къ губернатору, то просить посредничества графа Толстаго и обо всемъ пишетъ въ Петербургъ графу Протасову; а несчастныхъ, приходящихъ къ нему, укрѣпляетъ въ терпѣніи, даетъ совѣтъ и собственными слезами участія облегчаетъ имъ душу.

Противодѣйствіе православію дошло до наглаго его оскорбленія. Такъ наприм., кирхенфоршпильсратъ Дерптско-Верровскій, собравъ общее собраніе всѣхъ церковныхъ попечителей и проповѣдниковъ своего округа, въ виду «настоящей и въ близкой будущности нашей отечественной (?) церкви предстоящей участи» (какъ писалъ онъ) предложилъ имъ для непремѣннаго руководства слѣдующія правила: 1) *Странствующій* (?) Русскій священникъ не имѣетъ права требовать на мызѣ помѣщенія для подвижной церкви, пока не предъявитъ полнаго отъ орднунгсгерихта удостовѣренія въ отправленіи его для исполненія духовныхъ требъ на землѣ того мызнаго управленія. 2) О прибытіи Русскаго священника обязаны мызныя управленія немедленно черезъ нарочныхъ доносить орднунгсгерихтамъ, церковнымъ попечительствамъ и мѣстнымъ проповѣдникамъ. 3) Всѣ священнодѣйстія священниковъ, за исключеніемъ частныхъ требъ, какъ-то крещенія, погребенія и т. п., должны происходить въ присутствіи лица, командированнаго отъ орднунгсгерихта и мѣстнаго попечительства. При этомъ вмѣнялось и мызному управленію въ обязанность назначать отъ себя представителя для строгаго контроля надъ дѣйствіями священника. 4) Въ тѣхъ мызахъ, гдѣ нѣтъ членовъ общества, присоединившихся къ Греческой церкви, отнюдь не дозволять исполненія духовныхъ требъ. 5) Не допускать, чтобы подвижная церковь ѣздила по деревнямъ, и совершалось тамъ присоединенія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда по настоятельной необходимости исполнить какую-либо духовную требу священникъ поѣхалъ бы въ деревню, мызный представитель обязанъ былъ ему сопутствовать и строго наблюсти за неуклоненіемъ священника отъ установленныхъ правилъ, т.-е. чтобы не допускали записыванія и муропомазанія. Въ противномъ случаѣ предлагалось черезъ нарочнаго обращаться за содѣйствіемъ къ орднунгсгерихту, а до времени, въ качествѣ мызной полиціи, дѣйствія священника съ осторожностію и благоразуміемъ остановить. 6) Строго наблюдать, чтобы при подвижной церкви не записывались тѣ, кои о желаніи своемъ заявляли только по прибытіи церкви. (Здѣсь опять забота: чтобы народъ, обманутый

и возмущенный распространенными слухами объ ожидаемыхъ, вслѣдствіе присоединенія, свѣтскихъ выгодахъ, не взиралъ на появленіе подвижной церкви, какъ на вызовъ и повелѣніе присоединяться). 7) Опять повторяется, вѣроятно для вящаго вразумленія, о строгомъ наблюденіи за *странствующими* Русскими священниками, о донесеніи оберокирхенфоршпильгерихту и принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ. 8) Дозволяя *странствующему* Русскому духовенству въ присутствіи представителя мызнаго правленія богослуженіе и совершеніе требъ на тѣхъ мызахъ, гдѣ уже есть члены общества, перешедшіе къ Греческой церкви, допускать присоединеніе только прежде записанныхъ членовъ общества, но не иначе, какъ въ присутствіи церковныхъ попечителей и испытаніи каждаго присоединяющагося въ томъ, что онъ имѣетъ твердое и истинное желаніе присоединиться, не побуждаясь къ тому земными выгодами и по надлежащемъ потомъ *въ правилахъ Греческой церкви законоученіи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовалось строгому наблюденію, чтобы присоединяемые имѣли надлежащія умственныя способности и совершеннолѣтіе (для мужчинъ 18 лѣтъ, для женщинъ 16 лѣтъ). Недостигшіе же послѣдняго не иначе должны допускаться, какъ съ согласія обоихъ родителей. Въ случаѣ отступленій также предлагалось доносить ординунгсгерихту и остановить дальнѣйшія дѣйствія священника (здѣсь «осторожность и благоразуміе» уже не рекомендовались) и т. д. Еще два параграфа, въ которыхъ между прочимъ говорится, чтобъ проповѣдники доставили немедленно свѣдѣнія о числѣ присоединенныхъ къ православію малолѣтнихъ. Эту инструкцію оберкирхенфоршпильсратъ заключаетъ увѣренностію, что ее будутъ выполнять «съ благоразуміемъ и сознаніемъ своихъ христіанскихъ, человѣческихъ и *подданническихъ* (?) обязанностей».

Итакъ одновременно съ повелѣніями государственной власти шли распоряженія мѣстнаго лютеранскаго духовнаго управленія, затрудняющія исполненія первой и убаюкивающія бдительность Русскихъ правителей трогательною заботливостію о выполненіи вѣрноподданническаго долга! Филаретъ горячо отстаивалъ новыхъ чадъ церкви, побѣждая лютеранскую консисторію своею несокрушимою логикою, уличая ее ея же словами. Такъ, напримѣръ, писалъ онъ ген.-губернатору въ Декабрѣ 1845 г. «По разсмотрѣніи препровожденнаго дѣла и сличеніи съ документами, находящимися у меня, считаю долгомъ предложить слѣдующій отзывъ:

«1) Экстрактъ консисторіи говоритъ о движеніяхъ церковныхъ, происходившихъ до Апрѣля мѣсяца сего года; а въ Ноябрѣ консисторія проситъ суда надъ Карломъ Эрнестомъ и Давидомъ Баллодомъ. Но а) если смотрѣть на Эрнеста и Баллода, какъ на ви-

новныхъ въ церковныхъ движеніяхъ (какъ заставляетъ смотрѣть и отношеніе консисторіи), то, поелику они присоединились къ св. православію, по силѣ ст. 209 и 211-й XV т. Св. Зак. должны считаться свободными и отъ отвѣтствія, и отъ суда, тѣмъ болѣе, что они теперь самые искренніе христіане православія. Предъ самымъ присоединеніемъ ихъ отзывъ г. гражданскаго губернатора отъ 5-го Апрѣля сего года за № 4456 (требовавшійся по первоначальному порядку присоединенія) говорилъ о Давидѣ Баллодѣ: «поведенія хорошаго», о Карлѣ Эрнестѣ: «ведетъ пристойно званію добропорядочную жизнь, и о немъ полиціи ничего предосудительнаго неизвѣстно». Самые отзывы выисканныхъ лицъ экстракта представляютъ Карла Эрнеста и Давида Баллода ищущими только одного благочестія; сами пасторы въ экстрактѣ говорятъ о нихъ тоже. б) Еслибы Баллодъ и Эрнестъ и оставались еще въ лютеранствѣ и не были бы ограждены отъ подозрѣній свидѣтельствомъ гражданскаго начальства и отзывами самаго экстракта: и тогда странно, что отношеніе консисторіи требуетъ суда только надъ этими двумя лицами, тогда какъ экстрактъ ея говоритъ еще о Лукѣ Михельсонѣ, Андреѣ Вейдѣ и другихъ, открывавшихъ недовольство свое церковнымъ положеніемъ. А еще страннѣе, еще непонятнѣе, что консисторія, горячо возставая противъ Баллода и Эрнеста, которые ни личностію, ни выставляемымъ дѣломъ православія, болѣе не подлежатъ ея вѣдѣнію, оставляетъ безъ вниманія дѣла пасторовъ Трея и Ширена, которыхъ такъ винитъ самый экстрактъ. в) Благовременно ли консисторія собралась успокоивать движенія, происходившія въ лютеранствѣ? Почти полтора года прошло послѣ того, какъ было первое, выставляемое ею, виновное по ея понятію, движеніе, и цѣлые семь мѣсяцевъ послѣ послѣдняго движенія; теперь дѣйствія ея скорѣе говорятъ о явномъ противодѣйствіи православію, чѣмъ о порядкѣ дѣла».

«2) Что касается до дѣла нѣкоторыхъ членовъ братства *), изъявившихъ мнѣ благочестивыя желанія свои, до чего частію касается экстрактъ; то а) прежде всего слѣдуетъ сказать, что это дѣло совершенно отдѣльное отъ дѣла о присоединеніи Латышей къ православію. Послѣднее отдѣлено отъ перваго высочайшею волею, сообщенною мнѣ въ отношеніи г-на оберъ-прокурора Св. Синода отъ 14-го Марта с. г. за № 1799 и пространнѣе изображено въ дополнительной инструкціи Рижскому епископу, высочайше утвержденной 25-го Апрѣля с. г. Сообразно съ сею волею, каждый, желающій православія, изъявляетъ желаніе отъ себя, а не отъ общества и испытывается въ чистотѣ и искренности добровольнаго желанія за себя самого, въ при-

*) Гернгутеровъ.

сутствіи гражданскаго или сельскаго чиновника. Самое первое такое испытаніе, сообразно съ высочайшею волею, происходило 25 Марта, а въ самый первый разъ присоединеніе Латышей-лютеранъ къ православію совершено 21-го Апрѣля, т.-е. далеко послѣ всего, о чемъ говоритъ экстрактъ. Кто хотѣлъ подвергаться такому испытанію, тотъ и былъ подвергаемъ; кто искренно желалъ православія, тотъ и былъ присоединенъ; а кто, хотя и изъявлялъ когда-либо желаніе православія, но перемѣнилъ желаніе, по себѣ ли самъ, или отвращенный отъ добраго намѣренія усиліями худыхъ людей,—тотъ предоставляется суду Божію, какъ и отвращавшій его. Такимъ образомъ консисторія напрасно въ своемъ отношеніи позволяетъ себѣ оскорбительныя выраженія о дѣлѣ православія; напрасно, безъ всякихъ доказательствъ, чернитъ православныхъ Баллода и Эрнеста именами, которыхъ не оправдываетъ даже экстрактъ ея, не имѣющій, какъ сказано, связи съ присоединеніемъ къ православію, а еще менѣе самое дѣло присоединенія; напрасно тѣмъ болѣе, что консисторіи, какъ показываетъ экстрактъ ея, извѣстна высочайшая воля, сообщенная ей отъ 20-го Марта, запрещающая, какъ и общеизвѣстный законъ Имперіи, всякій поступокъ противъ православія. б) Для пользы тѣхъ, которые грѣшатъ по невѣдѣнію противъ благочестиваго дѣла *), вынуждаюсь сказать, что дѣло членовъ братства происходило такъ. Послѣ принесенной мнѣ горькой жалобы членами братства на то, что пасторы упорно отказываютъ имъ въ дозволеніи совершать утреннее и вечернее богослуженіе (понятно, что такой жалобы не могъ я причислить къ формальнымъ моимъ дѣламъ), послѣ врученія членамъ православнымъ Латышскихъ книгъ, предложены были на Русскомъ и Латышскомъ языкѣ письменныя условія, на которыхъ православный епископъ согласенъ принять во вниманіе благочестивыя желанія страждущихъ, а между этими условіями было и соединеніе съ православіемъ. Бумага съ условіями отдана была самому братству, читана была членами въ собраніи братства и въ домахъ, и кто соглашался съ условіями, подписывался подъ бумагою, кто не хотѣлъ соглашаться, не подписывался. Православный катехизисъ, православный молитвенникъ, православная литургія, всѣ три на Латышскомъ языкѣ, отданные братству, вполнѣ уясняли для братства то, о чемъ шло дѣло. Слѣдовательно каждый подписавшійся, какъ умѣющій читать, а еще болѣе слушать, могъ знать въ чемъ дѣло. Когда набралось значительное число желавшихъ поступать, согласно съ условіями, на подачу прошенія къ епископу, потребовалась довѣренность отъ общества од-

*) Вразумительно и для ген.-губернатора.

ному лицу, и довѣренность, написанная на Русскомъ языкѣ и кратко выражавшая содержаніе вышепомянутой бумаги, подписана собственноручно унтеръ-офицеромъ Маркевичемъ, Давидомъ Баллодомъ, Карломъ Бертулемъ, Атомъ Медни, и за другихъ подписана Маркевичемъ же. Такимъ образомъ, а а) никто не могъ жаловаться на кого-либо по этому дѣлу: дѣло было предоставлено разумѣнію и волѣ каждаго. б б) Считая тяжелымъ для совѣсти обличать неправды другихъ, ограничиваюсь однимъ примѣромъ. Экстрактъ говоритъ о Яковѣ Маркевичѣ, будто по показанію его, Маркевича, онъ Маркевичъ не самъ подписывалъ довѣренность, а подписывалъ за него Баллодъ, и будто онъ только 8-го Марта въ полиціи узналъ, что дѣло идетъ о соединеніи съ православіемъ. Ни того, ни другаго не говорилъ и не могъ говорить Маркевичъ: перваго потому, что довѣренность подписывалъ онъ самъ своею рукою, и даже подписывалъ ее за другихъ, какъ показываетъ самая довѣренность; втораго потому, что не только довѣренность подписана имъ за себя и за другихъ, но и бумагу съ условіями соединенія подписалъ онъ своею рукою, да и онъ же присоединился къ православію однимъ изъ первыхъ. вв) Вынуждаюсь повторить опять, что если консисторія не знала хода дѣла братскаго, то ей надлежало по крайней мѣрѣ быть осторожною въ своемъ отзывѣ о дѣлѣ православія, чтобы не подвергнуться самой осужденію; если же знала, то тогда не лучше и для совѣсти, и для чести ея».

Самую яростную оппозицію выразило православію Дерптско-Верровское главное церковное попечительство. Прежде всего оно обратилось къ Дерптскому протоіерею Березскому съ своимъ протестомъ, стараясь подкрѣпить его ссылками на разные законы и даже указы 1819 года. Вотъ этотъ курьезный протестъ и отвѣтъ на него Филарета ген.-губернатору.

«Въ силу приложеннаго у сего въ копіи § 25 высочайше утвержденнаго устава духовныхъ консисторій отъ 27-го Марта 1841 г. обязаны священники желающихъ присоединиться къ православной Греко-россійской вѣрѣ иновѣрцевъ прежде всего наставлять и утверждать въ ученіи православной вѣры, а указомъ отъ 8 Января 1819 г. (также при семъ въ копію приложенномъ и выписанномъ изъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи) Св. Правительствующій Синодъ, принявъ въ соображеніе, что присоединять къ православной церкви такихъ протестантовъ, кои не по прямому расположенію, но по другимъ самою церковью отвергаемымъ видамъ обращаются къ ней, было бы противно Евангельскому духу, приказалъ принимать и присоединять къ церкви протестантовъ, которые имѣютъ понятіе и совершенный возрастъ, требуемый для дѣйствительности произволенія

къ супружеству, т.-е. по сему синодскому указу лица мужескаго пола 15, а женскаго 12 лѣтъ, а Свода Зак. изд. 1842 г. т. X. зак. гражд. по статьѣ 3-й (основанной на высочайшемъ указѣ отъ 19-го Іюля 1830 г.) лица мужескаго пола 18, женскаго 16 лѣтъ; совершать же обрядъ присоединенія протестантовъ не иначе, какъ если они, по предварительномъ испытаніи, окажутся имѣющими твердое и истинное расположеніе, а присоединеніе малолѣтнихъ дѣтей, до вышеозначеннаго возраста, по таковомъ же испытаніи и когда родители тѣхъ дѣтей подтвердятъ произволеніе ихъ своимъ согласіемъ. Необходимость въ точнѣйшемъ исполненіи сихъ высочайшаго и синодскаго указовъ высказывается нынѣ относительно здѣшнихъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что (какъ всѣмъ и всякому извѣстно) вслѣдствіе слуховъ, распространившихся между ними, подтвердилось и у крестьянъ ложное мнѣніе, будто бы они присоединеніемъ къ православной Греко-россійской церкви получатъ большія выгоды, какъ-то: по числу душъ раздѣленную землю, освобожденіе отъ барщины, подушныхъ податей или рекрутской повинности, или другія свѣтскія выгоды, либо отвратятъ угрожающіе имъ ущербы, а именно возвращеніе въ прежнее крѣпостное состояніе. Все это не можетъ быть неизвѣстно здѣшнему Греко-россійскому духовенству, а особливо вашему высокопреподобію, тѣмъ болѣе, что вы присутствовали при многихъ въ здѣшнихъ полицейскихъ присутственныхъ мѣстахъ произведенныхъ слѣдствіяхъ, изъ которыхъ ясно обнаруживалось существованіе таковыхъ ложныхъ слуховъ и мнѣній, и что были случаи, въ которыхъ Эсты православнаго Греко-россійскаго исповѣданія и даже природные Русскіе являлись для внесенія ихъ именъ въ списокъ подобно крестьянамъ лютеранскаго исповѣданія, частно у своихъ господъ, а частно у вашего высокопреподобія, съ тѣмъ намѣреніемъ (какъ по слѣдствіямъ оказалось), чтобы имѣть участіе въ выгодахъ, ожидаемыхъ крестьянами, присоединяющимися къ Греко-Россійской церкви, или чтобы избѣжать предполагаемаго ими возвращенія въ крѣпостное состояніе. Несмотря на вышеизложенные законы и обстоятельства, несмотря на то, что по п. 2-му публикаціи генералъ-губернатора отъ 29-го Октября с. г. присоединеніе къ церкви должно быть совершаемо по высочайшей волѣ согласно предписанному общему порядку,—присоединено въ г. Дерптѣ нѣсколько тысячъ здѣшнихъ крестьянъ лютеранскаго исповѣданія къ Греко-россійской церкви, и присоединяется почти ежедневно до *ста*, даже до *двухсотъ* человѣкъ, безъ всякаго наставленія и утвержденія ихъ въ ученіи сей церкви и безъ всякаго предварительнаго испытанія, а въ особенности испытанія сообразнаго съ нынѣшними обстоятельствами, могущаго удостовѣрить въ томъ, что они не въ ожиданіи свѣтскихъ выгодъ, но

по прямому и твердому расположенію желаютъ оставить свою прежнюю вѣру и принять Греческую. Являющіеся къ присоединенію допускаются по большей части толпами около *сорока* и болѣе человѣкъ, и кромѣ объявленія, что имъ не ожидать свѣтскихъ выгодъ, спрашиваютъ ихъ не по одиночкѣ, но всѣхъ совокупно о томъ, желаютъ ли они присоединиться изъ лютеранства къ православію чистосердечно и отъ всей души, на что естественно слѣдуетъ изъ находящейся чрезъ помянутые ложные слухи въ заблужденіи толпы утвердительный отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что даже носится слухъ между ними, будто священникамъ не позволено сказывать имъ правду относительно ожидаемыхъ ими выгодъ. Сверхъ того присоединено къ Греко-россійской церкви въ противность законныхъ постановленій и много малолѣтныхъ дѣтей, ниже 18 и 16 лѣтъ безъ согласія ихъ родителей или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто». Затѣмъ попечительство, заявляя о такомъ будто бы нарушеніи православнымъ духовенствомъ правъ евангелическо-лютеранской церкви и оскорбленіи ея, грозитъ о такихъ несообразныхъ съ законами дѣйствіяхъ духовенства довести до свѣдѣнія, куда слѣдуетъ. Подписалъ ландратъ баронъ Брюнингъ.

На этотъ вызовъ Филаретъ отвѣчаетъ, что лютеранское попечительство требуетъ: «1) Не того о чемъ говоритъ. Еслибы оно было искренно, оно созналось бы, что домогается собственно того, чтобы остановить успѣхъ православія. Соблюдается-ли или не соблюдается православными священниками правило православной консисторіи, лютеранскому попечительству конечно нѣтъ дѣла до того; и оно конечно чувствуетъ, что входитъ въ чужое дѣло, съ опасностію получить выговоръ за вмѣшательство въ чужое дѣло». (Здѣсь конечно заключается легкій намекъ на то, какой взглядъ долженъ установить на это дѣло представитель власти).

«2) Не того, чего бы обязано было требовать. Оно обязано наблюдать, чтобы ни частныя, ни начальственныя лица лютеранскаго исповѣданія не оскорбляли правъ человѣчества. А что дѣлается лютеранами Лифляндіи? Когда вводилось лютеранство на мѣсто Римскаго исповѣданія, помѣщикъ вводилъ пастора въ костелъ и говорилъ крестьянамъ: вы теперь лютеране, и вотъ вамъ пасторъ! Если же кто послѣ того не шелъ слушать пастора, того помѣщикъ велѣлъ бить палками, пока бѣднякъ начиналъ кричать «и я лютеранинъ». Теперь пасторъ и помѣщикъ хватаютъ крестьянина и послѣ домашнихъ истязаній отдаютъ, подъ судъ—за что? За то, что бѣднякъ и простякъ сказалъ другому исповѣдь своей души: Русская вѣра хороша. Пусть

подумаетъ лютеранское попечительство, о чемъ оно обязано теперь пещись?

3) Требуя подробно наставленія для каждаго присоединяющагося, оно требуетъ по настоящему положенію дѣлъ невозможнаго. а) Дерптское попечительство хорошо знаетъ, что оно само первое закричало бы: бунтъ, бунтъ, заговоръ, заговоръ, еслибы священникъ собралъ около себя хотя бы до 500 крестьянъ-лютеранъ, для преподаванія имъ наставленія о различіи православія отъ лютеранства. Говорю: хорошо это знаетъ, потому что предсѣдатель попечительства г-нъ Брюнингъ первый въ концѣ Сентября прислалъ въ Ригу доносъ на какой-то бунтъ въ Дерптѣ, когда крестьяне приходили къ священнику для православія, и онъ же г-нъ Брюнингъ получилъ справедливый выговоръ за дерзость того же времени противъ генералъ-губернатора. б) При общемъ движеніи народа къ какому бы то ни было благородному дѣлу не спрашиваютъ у каждаго частнаго лица отчета, почему, къ чему и для чего онъ стремится къ благородному дѣлу? Тогда начальство обязано только радоваться этому движенію, хвалить его, усиливать прекрасное чувство, управляющее движеніемъ; тогда тотъ, кто сталъ бы упрекать начальство въ томъ, что оно не объясняетъ каждому, къ чему и для чего онъ стремится, былъ бы врагъ общества, врагъ всего благороднаго, преступникъ уголовный. Такъ бываетъ при движеніяхъ народа въ защиту отечества. Такъ бываетъ при движеніяхъ религіозныхъ. Законъ, которымъ прикрываетъ свое требованіе попечительство, не говоритъ о такихъ случаяхъ. в) Если попечительство позволяетъ себѣ говорить, будто Дерптское духовенство присоединяетъ крестьянъ «безъ всякаго предварительнаго испытанія, а въ особенности испытанія сообразнаго съ нынѣшними обстоятельствами», то оно слишкомъ смѣло и подвергаетъ себя опасности быть подъ судомъ за клевету. *Во-первыхъ*, лютеранское попечительство не приглашаютъ къ присутствію при принятіи крестьянъ съ желаніями вѣры; и слѣдовательно оно не въ состояніи своею личностію свидѣтельствовать, какъ совершается принятіе такихъ крестьянъ, еслибы отзывъ его и принятъ былъ за отзывъ свидѣтеля. *Во-вторыхъ*, ни одинъ чиновникъ, прикомандированный къ Дерптскому-ли или къ другому священнику, никогда, ни частно, ни формально, не жаловался (да и не имѣетъ основанія жаловаться), чтобы присоединяли крестьянъ «безъ всякаго испытанія». Особенно же въ послѣднее время, когда столько сдѣлано подтвержденій священникамъ, столько введено новыхъ строгостей по дѣлу принятія крестьянъ, надобно имѣть слишкомъ мало совѣсти, чтобы позволять себѣ дѣлать такой отзывъ о святомъ дѣлѣ, какой дѣлаетъ лютеранское попечительство.

4) Лучше думать, что лютеранское попечительство не понимаетъ, чего требуетъ. Принимающія православіе лица лютеранскаго исповѣданія суть или конфирмованныя или неконфирмованныя. Неконфирмованныя а) по правиламъ лютеранской церкви не могли быть допущены къ св. причастію, не бывъ предварительно наставлены (конфирмованы) относительно главныхъ предметовъ христіанства въ познаніи Бога, Св. Троицы, великаго подвига Господа нашего Іисуса Христа и въ нравственныхъ правилахъ вѣры. Если же конфирмованные утверждены въ главныхъ существенныхъ предметахъ вѣры, то православная церковь не имѣетъ причины лишать ихъ таинства мѵропомазанія, или что́ тоже поставлять ихъ въ рядъ Магометанъ. б) Конфирмованныя по правиламъ лютеранской церкви для полученія права на св. причастіе утверждены въ существенныхъ правилахъ вѣры и жизни. Но для нихъ не считалось необходимымъ, чтобы доходили они до тонкихъ и высшихъ богословскихъ разсужденій о вѣрѣ, доступныхъ только тѣмъ, которые исключительно посвятили себя изученію богословія. И это дѣлано справедливо. Съ одной стороны христіанская вѣра—вѣра всеобщая, доступна для всѣхъ, какъ высокихъ, такъ и ограниченныхъ по образованію умовъ, какъ скоро не мѣшаютъ ея доступу къ душѣ страсти. Съ другой—требовать отъ каждаго утонченныхъ разсужденій о вѣрѣ значило бы требовать невозможнаго, даже по занятіямъ земной жизни. Если же не требуются такія разсужденія о вѣрѣ для полученія права на имя христіанина, то православіе поступило бы вопреки христіанству, еслибы требовало такихъ разсужденій о православіи для полученія права на имя православнаго христіанина. в) Самая поразительная разность между православіемъ и лютеранствомъ состоитъ въ томъ, что послѣднее стремится питать только умъ разсужденіями о вѣрѣ, православіе же назидаетъ умъ и сердце, сердце благоговѣйными молитвами и обрядами, умъ—мыслями вѣры, скрывающимися въ обрядахъ, и поученіями. Основаніе же этой разности скрывается въ самыхъ догматическихъ началахъ того и другаго исповѣданія, такъ какъ лютеранство говоритъ: вѣрь (иначе умствуй), и сего довольно; православіе же говоритъ: вѣрь и дѣлай по вѣрѣ. Потому каждый конфирмованный, если онъ слушаетъ православное служеніе въ храмѣ на понятномъ для него языкѣ, уже чувствуетъ и сознаетъ, чего не доставало ему въ лютеранствѣ и что́ даетъ ему православіе; а входить съ нимъ въ тонкія разсужденія означало бы не лечить болѣзнь духа его, а растравлять. Другія разности между православіемъ и лютеранствомъ такъ немногосложны и просты для общаго смысла, что для объясненія ихъ церковь вовсе не уставила никакого особеннаго оглашенія (наставленія), тогда какъ уставила шестидневное оглашеніе для Іудея, Магометанина и язычника. И

слѣдовательно какъ по существу дѣла, такъ и по чину церкви не требуется подробное наставленіе конфирмованнымъ при принятіи православія. Муропомазаніе съ самыхъ первыхъ временъ христіанства соединяется съ крещеніемъ. Въ крещеніи не отказываютъ младенцамъ ни лютеранство, ни православіе. Если же въ крещеніи не отказывается младенцамъ, наставленіе же въ вѣрѣ предоставляется будущему времени: то православная церковь, безъ нарушенія чина своего, не можетъ отказывать и въ муропомазаніи младенцу, по тѣлесному-ли возрасту или по духовному».

«Послѣ того немного остается сказать о неконфирмованныхъ или такихъ, которые еще не получили достаточныхъ понятій о христіанствѣ. По отношенію къ неконфирмованнымъ можемъ прибавить только то, что наполнять неиспорченную душу наставленіями о разностяхъ между православіемъ и своеволіями лютеранства значило бы наказывать невиннаго».

Филаретъ, какъ только получилъ протестъ попечительства съ угрозой «довести до свѣдѣнія куда слѣдуетъ», поспѣшилъ сдѣлать разъясненіе ген.-губернатору, побивая на всѣхъ пунктахъ попечительство и даже слегка коснувшись того, что допускать противодѣйствіе православію со стороны начальства преступно. Конечно, такое предупрежденіе должно было бы въ значительной степени ослабить впечатлѣніе, произведенное на Головина донесеніемъ попечительства, а стало-быть по крайней мѣрѣ на половину поколебать энергію въ преслѣдованіи безвинно-обвиняемыхъ. Къ удивленію, состоялось распоряженіе Головина, чтобы показанія о православіи отбирались орднунгсрихтерами, а по отобраніи послѣдними сообщались духовному начальству. Дознаніямъ, произведеннымъ добросовѣстно чиновниками ген.-губернатора Варадиновымъ, Ханыковымъ, Самаринымъ, Бюргеромъ, о жестокихъ поступкахъ бароновъ и пасторовъ съ Латышами, не давалось никакого значенія и хода. «Ген.-губернаторъ», писалъ Филаретъ графу Протасову, «добрый христіанинъ; но что ни одна жалоба крестьянина орднунгсрихтеру или не дойдетъ до ген.-губернатора, или дойдетъ въ искаженномъ видѣ, и крестьяне будутъ награждаемы только новымъ гоненіемъ, въ этомъ можетъ сомнѣваться только тотъ, кто, имѣя здоровые глаза, говоритъ, что ничего не видитъ».

Жалобы на невыдачу паспортовъ были, напримѣръ, такія. Крестьянинъ съ мызы Марценгофъ Мартынъ Лапинъ съ женою и тремя дѣтьми живетъ въ Ригѣ 10 лѣтъ, по нынѣ, по присоединеніи къ православію, не получаетъ паспорта подъ тѣмъ предлогомъ, что, пла-

тивъ прежде по 10 руб., нынѣ обязуется заплатить 16 руб. На мызѣ не имѣетъ ни дома, ни земли. Крестьянинъ съ мызы Тегапсъ Андрей Витуль, жившій 9 лѣтъ въ Ригѣ и нынѣ отправившій 6 р. 50 к. на паспортъ, получилъ паспортъ только для жены, а съ него требуется еще 10 руб. На мызѣ не имѣетъ ни дома, ни земли. Присоединившаяся къ православію вотчины Петкенсгофъ дѣвица Каролина Андерсонъ, проживавшая въ Ригѣ 10 лѣтъ, всегда получала паспортъ безъ всякаго платежа; по присоединеніи ея баронъ Врангель требуетъ съ нея 10 р. сер., грозя ей въ противномъ случаѣ вызвать къ крестьянскимъ работамъ, коихъ она по непривычкѣ и слабости здоровья не могла исполнять. Указавъ о подобномъ притѣсненіи Еввы Граганъ, Филаретъ просилъ генералъ-губернатора поручить полиціи или другому правленію требовать отъ помѣщиковъ формальнаго объясненія по подобнымъ заявленіямъ и представлять непремѣнно на благоусмотрѣніе его высокопревосходительства.

Всѣ эти жалобы были собственноручно записываемы Филаретомъ. Понятно, что трудъ такой бралъ на себя лично Филаретъ, чтобъ не впутывать въ дѣло другихъ и не подвергать ихъ случайности и преслѣдованіямъ, подобно пострадавшему безвинно о. Дороѳею Емельянову. Записки эти Филаретъ препровождалъ къ генералъ-губернатору, часто подкрѣпляя личнымъ ходатайствомъ за притѣсняемыхъ. Не получая удовлетворенія, Филаретъ повторялъ свое ходатайство особой запиской. Но эти записки, эти просьбы Филарета вмѣсто того, чтобы возбуждать энергію Головина довели его до того, что онъ не могъ равнодушно читать ихъ, а наконецъ и слышать о Филаретѣ. Видя, что (благодаря конечно его безхарактерности) его предписанія не исполняются и что онъ ничего не можетъ сдѣлать, чтобы поднять свое значеніе, Головинъ однако не могъ выносить уколовъ своему самолюбію и предпочелъ поставить между собою и епископомъ стѣну. Къ кому же было тогда обращаться Филарету? Единственный человѣкъ, до кого достигать могъ голосъ его и кто печаловался вмѣстѣ съ нимъ объ участи несчастныхъ, это былъ графъ Д. Н. Толстой; но и его Филаретъ долженъ былъ предупреждать, чтобъ не знали, что извѣстное ходатайство исходитъ отъ него. «Посылаю къ вамъ записку», писалъ онъ къ нему, «но не съ тѣмъ, чтобы отъ моего имени дѣлалось что-нибудь. Дѣло въ томъ, что за тѣмъ же хлѣбомъ прибыло съ той же мызы много другихъ крестьянъ въ Ригу; говорятъ, что рѣшительно нѣтъ хлѣба. Для Господа и творите милость, и предупреждайте козни! Не говорите, пожалуста, Е. А. [1]) о моемъ имени. Были у васъ [2]), но ихъ не пустили».

[1]) Евгенію Александровичу Головину.

[2]) Здѣсь подразумѣвается, что крестьяне были у генералъ-губернатора.

Агенты пасторовъ и бароновъ вездѣ шныряли и подслушивали рѣчи поселянъ. Эти неосторожныя рѣчи, въ которыхъ порицались проповѣди пасторовъ, заключавшія въ себѣ площадную брань на православіе, или высказывалось намѣреніе присоединиться къ православію, оканчивались всегда большимъ несчастіемъ.

Вотъ грустный разсказъ объ одномъ изъ множества подобныхъ случаевъ. Узнали, что одинъ поселянинъ желаетъ принять православіе. Его отправили изъ мызнаго правленія съ порученіемъ въ Ригу. Едва прибылъ онъ туда, какъ ему надѣли кандалы и посадили его въ тюрьму. Двѣ недѣли не высыхали глаза у этого узника отъ слезъ, которыя текли при мысли о женѣ и дѣтяхъ, ихъ безпокойствѣ и нищетѣ. Соузники удивлялись этому обилію слезъ. Съ грустію взглянувъ разъ черезъ форточку на Петропавловскій православный соборъ, несчастный увидалъ на паперти свою жену. А та сидѣла на паперти, опершись на руку и задумавшись надъ тѣмъ, куда дѣвался ея мужъ, опора семьи. Гдѣ его найти? «Анна!» раздался знакомый ей голосъ изъ окна тюрьмы. «Учи дѣтей. Пусть обо мнѣ не плачутъ. Я еще живъ. Поспѣши сама присоединиться и дѣтей присоедини». Анну прогнали; форточка закрылась....

Исторія новаго мученичества въ Лифляндіи весьма вразумительна для тѣхъ, кто, читая о подвигахъ христіанъ-мучениковъ первыхъ вѣковъ, сомнѣвается и видитъ въ нихъ прикрасу повѣствователей. Самъ осужденный при страданіяхъ за свои убѣжденія о чемъ заботится? Чтобы жена и дѣти спѣшили присоединиться, зная хорошо и на собственномъ опытѣ и на опытѣ другихъ, что ихъ ожидаютъ за то горе и страданія.

Анна бросилась къ единственной двери, которая, по словамъ ея сына, не запиралась для несчастныхъ; это была дверь, ведущая въ келлію Рижскаго православнаго епископа Филарета. И самъ повѣствующій дѣлаетъ такой вопросъ: «Спалъ ли онъ когда-нибудь? Къ нему всегда можно было придти». Филаретъ обѣщалъ похлопотать. Нѣсколько успокоенная обѣщанной защитой, Анна бредетъ къ тюрьмѣ. Къ удивленію, ее допустили; но, оказалось,—уже къ трупу ея мужа. Все тѣло его, въ особенности лицо было покрыто кровавыми пятнами, челюсти судорожно сжаты, изъ рта сочилась кровавая пѣна. Докторъ далъ ему лѣкарство. Попробовавъ, онъ отказался его допить. Тогда докторъ выплеснулъ остальное ему въ глаза. Такъ объяснили заключенные съ нимъ. Съ отчаянными воплями припала Анна еще къ теплому трупу дорогаго ей человѣка, друга и опоры семьи.....

Оттащили несчастную отъ трупа, изъ тюрьмы прогнали. Побрела опять она къ Филарету, пріемная котораго была переполнена подобными ей страдальцами. И вотъ стоитъ передъ Филаретомъ, едва держась на ногахъ, несчастная женщина и передаетъ ему, захлебываясь слезами, скорбную свою повѣсть. А епископъ стоитъ передъ нею, и слезы текутъ по его ланитамъ. И плачетъ онъ надъ горемъ ближняго, надъ своимъ безсиліемъ, надъ позоромъ своей родины, надъ поруганіемъ своей матери-церкви.... Онъ спрашиваетъ ее съ участіемъ: «какъ велико семейство? можетъ ли кто изъ сыновей помогать править хозяйствомъ? въ какомъ оно положеніи? есть ли домъ и великъ ли? какъ велика барщина и повинность? есть ли чѣмъ похоронить мужа?» Одного изъ сыновей, Ивана, впослѣдствіи священника, тутъ же записываетъ онъ въ духовное училище. «Можетъ, онъ будетъ тебѣ утѣшеніемъ? Кромѣ твоего я еще девятерыхъ приму Латышей и постоянно буду принимать. Тамъ ненужно будетъ ничего платить: все будетъ готовое. Если будутъ хорошо учиться, то онъ и всѣ будутъ священниками». Узнавъ, что она почти безъ денегъ, онъ вынесъ ей послѣдніе 5 рублей, извиняясь, что болѣе не имѣетъ. «Это была правда», утверждаетъ повѣствующій. «Гласъ народа—гласъ Божій», говоритъ пословица. А Филаретъ еще при жизни пріобрѣлъ наименованіе *Филарета-Милостиваго.*

Горе женщины, о которой говорили мы, не исчерпано потерею мужа, и участіе Филарета въ ея положеніи не кончилось. Все ея имущество было продано. Ее съ малолѣтними дѣтьми, изъ коихъ старшему было 9 лѣтъ, выгнали изъ дома. И холодную осень, безъ куска хлѣба, провела она въ сараѣ, гдѣ навозная куча служила ей и дѣтямъ постелью. Неоднократно писалъ Филаретъ генералъ-губернатору, который обнадеживалъ и писалъ о ней; но доходило ли его писаніе до кого слѣдовало, или здѣсь было явное пренебреженіе къ распоряженіямъ Русской власти, только къ облегченію положенія несчастной ничего не дѣлалось. Графъ Толстой отсутствовалъ. Филаретъ писалъ ему: «Любезный графъ! Дѣло Колманга сокрушительное. Семь человѣкъ дѣтей остались безъ отца и безъ всякаго призора. Дѣло ведено, извините, судомъ Шемякинымъ. Не возьмете ли на себя пересмотрѣть его? Еслибы что-нибудь подобное сдѣлано было со стороны православія противъ какого-нибудь Нѣмца, Нѣмцы не только протрубили бы о томъ по всей Россіи, но напечатали бы во всѣхъ газетахъ Европы. Ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ. Бога ради возвратитесь скорѣе. Съ любовію о Господѣ грѣшный Филаретъ».

Изъ этого письма очевидно, что графъ Толстой былъ единственною опорою для Филарета. Понимали то и бароны, и это обстоятель-

ство не укрылось отъ ихъ интригъ. Головина стали увѣрять, что Толстому приписывается слишкомъ большое вліяніе на дѣла. Другими словами, задѣвая самолюбіе слабаго старика, добивались охлажденія его къ Толстому. Этого мало. Стараясь ослабить ревность графа Толстаго къ дѣлу православія, озаботились подорвать добрыя отношенія Толстаго къ Филарету и съ этою цѣлію доводили до его слуха разныя небылицы. Филаретъ узналъ объ этомъ, уже бывъ въ Харьковѣ, откуда по этому поводу писалъ графу Толстому: «Я слышалъ, васъ хотѣли поставить противъ меня; вамъ говорили о мнѣ Богъ знаетъ какія странности. И вы вѣрите? Не вѣрю: вы знаете меня. Говорю объ этомъ, потому что люблю васъ и дорожу вашимъ расположеніемъ. И въ знакъ любви искренней скажу вамъ искреннее слово: пожалѣйте того, кто до того зачернился, что по одному страху, не говорятъ ли о немъ всей правды, дозволяетъ себѣ дѣлать низости. Sat sapienti».

Разумѣется такой разсчетъ не имѣлъ успѣха. Графъ Дмитрій Николаевичъ остался глубоко преданнымъ Филарету и отзывался о немъ восторженно, какъ о великомъ свѣтильникѣ церкви и страдальцѣ за нее. Письма Филарета, по его словамъ, онъ хранилъ какъ святыню. Благодаря счастливой случайности, намъ удалось списать нѣкоторыя изъ нихъ. Но можно надѣяться, что рано или поздно, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, они явятся въ печати *).

По чувству пріязни и уваженія къ Филарету графъ Толстой навѣстилъ его въ Харьковѣ, послѣ чего писалъ ему Филаретъ, между прочимъ: «Какъ вы многимъ подарили меня, подаривъ нѣсколько времени на пребываніе въ Харьковѣ! Я глубокою памятію помню васъ; но, повидавшись съ вами, я обвѣялъ душу радостными мыслями, что во очію видѣлъ безкорыстнаго друга Божія».

(Продолженіе будетъ).

*) Когда эта статья была писана, нѣкоторыя письма уже появились въ „Журналѣ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи".

ОТВѢТЪ В. А. КОКОРЕВА В. А. ПОЛЕТИКѢ НА ПИСЬМО ЕГО ПО ПОВОДУ «ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ПРОВАЛОВЪ» *).

На возбужденное вашимъ письмомъ ко мнѣ, любезный Василій Аполлоновичъ, состязательство со мною по поводу «Экономическихъ проваловъ», я смотрю какъ на самое отрадное для меня явленіе. Такой взглядъ исходитъ изъ глубокаго уваженія къ вашему ораторскому таланту и изъ убѣжденія въ томъ, что «провалы», будучи понятны для стариковъ, представляютъ необходимость разъясненія ихъ для большинства молодыхъ читателей, основавшихъ свои взгляды на экономическую жизнь Россіи не на событіяхъ, а на ошибочныхъ и невѣрныхъ экономическихъ статьяхъ, чуждыхъ Русской жизни и преисполненныхъ слѣпаго вѣрованія въ непримѣнимыя къ намъ западныя теоріи.

Возраженія ваши на «Экономическіе провалы» по нѣкоторымъ предметамъ совпали съ моими мыслями и взглядами. Сначала я поименую тѣ статьи, въ которыхъ мы сошлись, а потомъ уже перейду къ защитѣ тѣхъ положеній, въ которыхъ мы расходимся. Вотъ въ чемъ выразилось единство нашихъ взглядовъ.

Вы находите, что Болгарскій «провалъ» выражалъ повтореніе Севастопольскаго и довершилъ разстройство нашихъ финансовъ. И я имѣю точно такой же взглядъ, выраженный мною во всей подробности въ XIII-мъ провалѣ, въ которомъ идетъ рѣчь о бесѣдѣ съ фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ. Далѣе вы находите, что «всѣ финансовыя и «экономическія бѣдствія обрушились на насъ отъ насильственнаго угне«тенія Русской мысли и отъ величайшей скудости самостоятельной «Русской жизнедѣятельности». И я пришелъ къ тому же самому за-

*) См. „Р. Архивъ" выпускъ 8-й.

ключенію, выразивъ это слѣдующими словами: «всѣ бѣды надвинулись «на насъ, какъ наказаніе за великій смертный грѣхъ духоугашенія, «и чѣмъ болѣе гаснулъ духъ народныхъ мыслей, тѣмъ болѣе входилъ «въ законопроекты—и вообще въ насилованіе жизни—духъ умопо-«мраченія».

Затѣмъ, прежде чѣмъ перейдти къ спорнымъ пунктамъ, не могу не коснуться вашей литературной дѣятельности по изданію газеты «Молва», въ которой вы съ дальнозоркостью горячаго патріота высказывали всю вредоносность Восточной войны. Послѣдствія показали, что ваше честное и искреннее слово выражало глубокую правду. Невниманіе къ этому слову составляетъ очевидное доказательство системы духоугашенія, за что̀ и приходится теперь расплачиваться цѣною всеобщихъ нуждъ и бѣдствій.

Кромѣ означеннаго вѣрнаго предсказанія вашего относительно бѣдственныхъ послѣдствій Восточной войны, напомню вамъ другое ваше предсказаніе, высказанное вами 5-го Іюля 1870 года, на обѣдѣ, бывшемъ по случаю открытія Волжско-Камскаго Банка. Въ самый этотъ день получено было извѣстіе о началѣ Франко-Прусской войны. Вы сказали во время обѣда блестящую рѣчь, включивъ въ нее мысль о необходимости поддержать Французовъ, не допуская Прусаковъ до полнаго торжества, дабы добрые сосѣди со временемъ слишкомъ не подняли свой носъ. Какъ теперь помню, что эта рѣчь была встрѣчена съ выраженіями удивленія и даже неудовольствія. Васъ неоднократно прерывали, и вы усиливались высказать тѣ предсказанія, которыя теперь вполнѣ оправдались.

И такъ вы видите, что я принадлежу къ числу поклонниковъ вашихъ воззрѣній, но не безусловно. Въ надзвѣздномъ мірѣ, т.-е. въ области высшихъ созерцаній, подношу вамъ пальму первенства; но, спускаясь ниже, въ подлунный міръ, не соглашаюсь съ вашими взглядами, потому что взгляды эти расходятся съ дѣйствительнымъ ходомъ жизни. Приступаю къ возраженію на тѣ пять пунктовъ, которые вы изложили въ вашемъ письмѣ.

Первое—о крупной серебряной единицѣ. Въ этомъ вопросѣ вы исходите изъ того, что ассигнаціонный рубль, существовавшій до 1839 года, потерялъ въ то время всякую опредѣленную стоимость. Не правда. Ассигнаціонный рубль стоялъ въ народномъ обращеніи выше его номинальной стоимости на 25%, т.-е. десятирублевая ассигнація имѣла цѣнность 12 р. 50 к. и т. д. Вы впали въ эту ошибку потому, что, достигнувъ зрѣлаго возраста, начитались финансовыхъ статей, писанныхъ финансистами того времени, желавшими вреда Россіи, а сами знать дѣйствительную цѣнность ассигнаціи въ 1837 году не

могли, потому что вамъ было тогда 12; а мнѣ было 20 лѣтъ, и я былъ уже вполнѣ въ курсѣ промышленной уѣздной дѣятельности, будучи управляющимъ солевареннымъ заводомъ въ Солигаличѣ Костромской губерніи. Въ истинѣ моихъ словъ ссылаюсь на всѣхъ въ Россіи людей 70-ти лѣтняго возраста.

Вмѣстѣ съ тѣмъ привожу въ свидѣтели всѣхъ лицъ, помнящихъ теченіе жизни отъ 1835 года по 1842 годъ, въ томъ, что наши рынки во всей Россіи были завалены массою золотой и серебряной Русской и иностранной монеты такъ, что, несмотря на просьбы пансіонеровъ, ходатайствовавшихъ о выдачѣ пенсій ассигнаціями, имъ навязывали золото и серебро. Въ откупные и акцизные за соль платежи дозволялось вносить монетою только одну шестую часть, а пять шестыхъ было обязательно вносить ассигнаціями, за неимѣніемъ которыхъ мнѣ въ 40-хъ годахъ не разъ случалось представлять въ казну золотую и серебряную монету въ обезпеченіе слѣдующихъ взносовъ, при чемъ бралась подписка, обязывавшая въ теченіи мѣсяца замѣнить монету ассигнаціями. Д. Е. Бенардаки, В. С. Каншинъ и другіе золотопромышленники, имѣвшіе надобность посылать деньги въ Енисейскую губернію для удовлетворенія расходовъ по золотымъ пріискамъ, нѣсколько разъ обращались къ министру финансовъ съ просьбою объ обмѣнѣ монеты на ассигнаціи и часто получали въ томъ отказъ *). У И. Ѳ. Мясникова, жившаго въ Екатерингофѣ, въ домѣ Кудрявцевой, очень часто стояли въ его комнатахъ боченки съ полуимперіалами, полученными съ монетнаго двора, и для обмѣна ихъ на ассигнаціи по нѣскольку недѣль биржевые маклера пріискивали Мясникову потребное количество ассигнацій, потому что Государственный Коммерческій Банкъ не принималъ иначе денегъ на вкладъ изъ процентовъ, какъ только ассигнаціями. Послѣ всего вышеизложеннаго, считаю слова ваши о томъ, что ассигнаціонный рубль въ 1839 году потерялъ всякую опредѣленную стоимость совершенно несогласными съ дѣйствительнымъ положеніемъ денежнаго обращенія того времени. Очевидно, что никакой девальваціи дѣлать было не нужно, и еще очевиднѣе то, что наше монетное изобиліе кому-то нужно было похитить, и для этого похищенія была закинута сѣть переложенія ассигнаціоннаго рубля на серебро, и этой сѣтью, на которую мы поддались отъ недомыслія, была выловлена—въ теченіи семи лѣтъ—вся имѣвшаяся у насъ зо-

*) На дняхъ я встрѣтилъ сына В. С. Каншина, Анатолія Васильевича, который очень хорошо помнитъ, какъ его отецъ, при отсылкѣ денегъ въ Сибирь, хлопоталъ о пріисканіи ассигнацій. Не очевидно ли изъ этого то, что бумажный рубль цѣнился дорого, а количество монеты въ обращеніи было громадное. В. К.

лотая и серебряная монета, а за тѣмъ эта сѣть начала ловить далѣе въ видѣ заграничныхъ займовъ.

Настоящее объясненіе, обнаруживая наше минувшее монетное богатство, не даетъ однакожъ понятія о томъ, отчего это богатство исчезло. Вотъ объясненіе. До 1839 года было два денежныхъ курса, одинъ правительственный и постоянно неизмѣнный для взноса въ казну податей и разныхъ налоговъ, а другой народный или торговый, постоянно измѣнявшійся подобно тому, какъ нынѣ измѣняется курсъ нашего рубля на биржѣ. Теперь этимъ измѣненіемъ орудуютъ нѣсколько биржевиковъ въ Петербургѣ, дѣйствуя по указаніямъ Европейскихъ биржъ, а до 1839 года этимъ курсомъ орудовалъ весь Русскій промышленный и торговый міръ. Кто устроилъ этотъ народный курсъ, я не могу объяснить: вѣдь для того, чтобы извлечь изъ памяти это объясненіе надобно имѣть на плечахъ не 70, а 100 лѣтъ; ни изъ какихъ книгъ вычитать исторію этого курса нельзя, потому что наши экономическія сочиненія никогда и ничего не говорили намъ о Русской самодѣятельности. Между тѣмъ вліяніе народнаго курса на удержаніе монеты въ Россіи было самое дѣйствительное. Помню, какъ бывало въ какомъ-либо губернскомъ или уѣздномъ городѣ кто-то начнетъ скупать полуимперіалы или серебряные рубли; тогда то и другое начинаетъ быстро возростать въ своей цѣнѣ, и отъ этого возростанія утрачивается интересъ скупки монеты для отправки ея за границу, и вслѣдствіе этой задержки монета остается до́ма. Ясно ли теперь, что для возможности выловить изъ Россіи всю монету, нужно было уничтожить существованіе народнаго курса, носившаго названіе лажа, т.-е. подкопаться подъ самое основаніе охранительной мѣры, созданной Русскою жизнію и народнымъ смысломъ. Манифестъ 1-го Іюля 1839 года соединилъ въ одно курсъ правительственный и курсъ народный и назначилъ единицею рубль серебра съ объясненіемъ въ самомъ манифестѣ, что это дѣлается для уничтоженія курсовыхъ колебаній, существовавшихъ въ торговыхъ и промышленныхъ оборотахъ, вслѣдствіе чего исчезновеніе монеты пошло быстрыми шагами.

Далѣе вы говорите, что нельзя вообразить себѣ, чтобы какое бы то ни было государство могло постоянно и безнаказанно хозяйничать на бумажныя деньги, иначе можно бы было устроить у себя обширную фабрику бумажныхъ денегъ для пріобрѣтенія даромъ всемірныхъ сокровищъ. Прочтите X-й отдѣлъ «Экономическихъ проваловъ», и тамъ вы увидите, что я нахожу возможнымъ выпускъ бумажныхъ денегъ только въ крайнемъ случаѣ, на необходимыя и полезныя предпріятія, могущія своей доходностью погашать сдѣланный временно выпускъ

бумагъ. Мы вмѣсто этого выпуска, допускаемаго законодательствомъ Англіи и Америки, прибѣгнули къ заграничнымъ займамъ, продавъ наши обязательства (облигаціи, акціи) по 70 коп. за рубль, съ обязанностью уплачивать монетою по курсу того дня, въ который будетъ произведенъ платежъ. Что же мы сдѣлали съ полученными деньгами? Мы отдали ихъ землекопамъ, каменьщикамъ, плотникамъ и разнымъ заводчикамъ при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ; но вѣдь всѣ эти лица взяли бы отъ насъ платежные безпроцентные знаки Русскаго государства. Потомъ, когда пришлось намъ платить по займамъ, мы стали выбивать нужныя на то деньги изъ тѣхъ же каменьщиковъ, землекоповъ, плотниковъ и разныхъ заводчиковъ въ видѣ различныхъ налоговъ и выбивали и нынѣ продолжаемъ выбивать и будемъ еще долго выбивать не только то, что дали, но и проценты платимые за границу, и потери по курсу, и уступки сдѣланныя при реализаціи. Не правда ли, здорова и сильна Русская натура, выносящая это выбиванье въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ (отцы, дѣти, внуки правнуки) порожденное ложными финансовыми теоріями?

Затѣмъ вы говорите, что Пруссія вела отлично свое хозяйство, имѣя денежною единицею талеръ, то-есть величину, равную нашему металлическому рублю. Да, это было очень давно, и уже минуло болѣе двадцати лѣтъ какъ Пруссія уничтожила эту единицу и перешла на марку, равную нашимъ тремъ гривенникамъ. Далѣе вы говорите, что въ Англіи единица, фунтъ стерлинговъ, въ 6 съ полов. разъ болѣе нашего металлическаго рубля. Это единица только счетная для курсовыхъ и банковыхъ разсчетовъ; а единица жизненная, такъ сказать, рыночная, шиллингъ равняется по своей цѣнности нашимъ 30 копѣйкамъ. Если признать ваши замѣчанія оправдывающія заграничные займы справедливыми, то это значило бы поставить всѣ потребности необходимаго благоустройства въ Россіи въ зависимость отъ благоволенія иностранныхъ биржъ и занимать деньги насчетъ народа, а потомъ для платежа процентовъ и курсовыхъ потерь взыскивать эти деньги съ народа полицейскими мѣрами. Въ этомъ вопросѣ очевидно вы заражены губительною теоріею нашихъ финансистовъ, не устремляясь нисколько въ изысканіе средствъ самовозрожденія Русской жизни изъ ея собственныхъ способовъ. Защищая эту теорію, вы противорѣчите сами себѣ. Вы говорите: Русская жизнь страдала отъ угнетенія самодѣятельности и въ тоже время отстаиваете деспотическіе займы насчетъ народа, дѣлавшіеся безъ его вѣдома.

Второе. Совершенно согласенъ съ тѣмъ, что во время Крымской войны нашему парусному флоту нельзя было вступить въ бой съ паровымъ Европейскимъ флотомъ, и частью согласенъ съ тѣмъ, что съ

кремневыми ружьями трудно было отразить непріятеля, имѣвшаго скорострѣльные штуцера.

Да, трудно было отразить съ кремневыми ружьями, но не невозможно. Сраженіе подъ Альмой не было окончательнымъ пораженіемъ для насъ, какъ равно и подъ Инкерманомъ. Еслибы мы были поражены подъ Альмой, тогда бы мы не держались одиннадцать мѣсяцевъ въ Севастополѣ. И подъ Альмой, и подъ Инкерманомъ обѣ стороны утомились до крайности, и еслибы у насъ былъ запасъ свѣжихъ, не изнуренныхъ тысячеверстнымъ переходомъ по грязи войскъ (хотя бы самый небольшой запасъ 20—30 тысячъ человѣкъ), то этотъ запасъ, накинувшись въ концѣ сраженія на утомленнаго непріятеля, сокрушилъ бы его безъ остатка.

Когда бы мы имѣли желѣзную дорогу къ Черному морю, тогда бы, какъ я сказалъ въ «Экономическихъ провалахъ», не могло быть и самой высадки, изъ того опасенія, что мы, подкрѣпляя себя войсками, прибывающими по желѣзной дорогѣ, могли бы не уходить съ Дуная (изъ-подъ Силистріи) въ Крымъ, а двинуться къ Константинополю и запереть въ Черномъ морѣ все непріятельское малочисленное войско.

Еслибы вы поставили вопросъ такъ, что Крымская война вовсе ни для чего не была нужна, въ особенности при очевидной противу насъ коалиціи почти всей Европы, тогда бы я былъ съ вами совершенно согласенъ. Всѣ войны съ Турками послѣ Екатерининскихъ, какъ вы справедливо замѣчаете, представляли собой безполезныя траты. Прибавлю—и надрывъ внутреннихъ силъ Россіи.

Вы пишете, что желѣзнодорожный путь отъ Москвы къ Черному морю не оплачиваетъ процентовъ и погашенія капитала. Это не вѣрно. Отъ Москвы до Харькова не только оплачиваются проценты и погашенія, но даже по акціямъ получается значительный дивидендъ. Убытокъ является на линіи отъ Харькова до Севастополя, но въ сложности по всей линіи никакого убытка нѣтъ. Означенное возраженіе вы сдѣлали въ опроверженіе моего мнѣнія о необходимости въ сороковомъ году вмѣсто Николаевской дороги начать сооруженіе рельсоваго пути изъ Москвы къ Черному морю, доказывая, что нѣкоторыя изъза Московныхъ дорогъ (Московско-Рязанская и Рязанско-Козловская) «оказались выгодными только потому, что сооруженію этихъ дорогъ предшествовала постройка Николаевской дороги, связавшей Московскій раіонъ съ вывознымъ Петербургскимъ портомъ». Это возраженіе имѣло бы значеніе, еслибы я говорилъ, что всѣ замосковныя дороги надобно было строить прежде Николаевской. Моя рѣчь шла только о томъ, чтобы первая линія была отъ Москвы къ Черному морю, и въ

тоже время я говорилъ, что Николаевская дорога могла начаться постройкою 5—10 лѣтъ позднѣе, и тогда нашъ Югъ былъ бы ранѣе Крымской войны связанъ съ центромъ нашей вооруженной силы. Въ этомъ вопросѣ Рязанская и Козловская дороги ни при чемъ, потому что онѣ начали строиться черезъ 25-ть лѣтъ послѣ приступа къ сооруженію Николаевской дороги.

Изъ всѣхъ вышеозначенныхъ доказательствъ получаются два неоспоримыхъ вывода: *первый*—ни съ какой стороны польза Россіи не требовала того, чтобы мы въ 1853 году начинали войну съ Турками, и *второй*—что при существованіи въ это время желѣзной дороги изъ Москвы къ Черному морю высадка непріятеля на берега Крыма не могла послѣдовать.

Третье. Объ Американскомъ хлопкѣ. Вы говорите, что, не допуская привозу хлопка, мы лишили бы рабочее населеніе дешевыхъ ситцевыхъ рубахъ. Развѣ можно считать дешевыми тѣ рубахи и сарафаны, которые шьются изъ матеріала, выращеннаго въ другомъ государствѣ, за который надобно заплатить монетою его первоначальную стоимость, съ прибавкою провозной платы иностраннымъ владѣльцамъ торговаго флота? Положимъ, что льняныя рубашки дороже бумажныхъ; но вѣдь лучше имѣть дорогое свое, чѣмъ дешевое чужое, тѣмъ болѣе, что чужой хлопковый матеріалъ не можетъ дать такой прочной ткани, какую даетъ нашъ лѣнъ. Здѣсь вы опять впадаете въ ошибку оттого, что вы моложе меня на восемь лѣтъ; вы не помните того времени, въ которое все народонаселеніе носило полотняныя рубашки и сарафаны, и вамъ невольнымъ образомъ представляется, что экономическія статьи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ говорили правду, что до введенія хлопка мы не знали чѣмъ себя прикрыть.

Какъ бы ни былъ дешевъ хлопокъ и какъ бы обильно онъ ни произросталъ въ Америкѣ, все же за него приходится заплатить болѣе 50 милліоновъ въ годъ; тогда какъ эта сумма, расходуясь на лѣнъ, распредѣлилась бы между крестьянскими избами.

Четвертое. По вашему транспортъ Кяхтинскаго чая имѣлъ для Сибири ничтожное значеніе. Судите сами по слѣдующимъ цифрамъ. До 1848 года провозилось изъ Кяхты до Москвы полмилліона пудовъ чая, съ платою за провозъ по 6 р. съ пуда, что̀ составляло для населенія выручку каждогодно въ 3 мил. рублей, и такое же количество по вѣсу отправлялось изъ Россіи въ Кяхту мануфактурныхъ издѣлій, за перевозку которыхъ получались вторые 3 мил. рублей. Нынѣ потребность чая упятерилась; потрудитесь помножить бывшую въ 1848 году заработку по извозу на нынѣшнее потребленіе чая, и тогда вы получите въ пользу Сибирскаго края десятки милліоновъ. Вы

говорите, что экономическій ростъ въ Сибири начался съ водвореніемъ тамъ золотопромышленности. Да, это правда; но однакожъ ростъ этотъ выражался только въ томъ, что на золотыхъ пріискахъ открылся спросъ на хлѣбъ и мясо, что̀ и воздѣйствовало на доходность крестьянскаго сельскаго хозяйства; но для работъ на золотыхъ пріискахъ, за исключеніемъ казенныхъ, мѣстные жители Сибири не поступали, и рабочіе приходили изъ внутреннихъ губерній, перенося ужасные труды при пѣшеходномъ переходѣ, напримѣръ изъ Рязани въ Енисейскъ, и при житьѣ въ пустынныхъ тайгахъ. Всѣ эти труды пропали даромъ, потому что все добытое въ Сибири золото ложная финансовая теорія перевезла за границу посредствомъ предательскихъ тарифовъ, порождавшихъ постоянные минусы въ нашихъ торговыхъ балансахъ.

Не знаю почему и ради какихъ доказательствъ вы говорите о томъ, что въ 1841 году парадныя комнаты въ Барнаулѣ были обиты холстомъ, выбѣленнымъ известкою, и освѣщались сальными свѣчами. Точно тоже самое я могу сказать о Солигаличѣ и другихъ городахъ Костромской губерніи. Все это происходило оттого, что въ сороковыхъ годахъ не было ни обойныхъ фабрикъ, ни заводовъ для выдѣлки Калетовскихъ свѣчей въ размѣрѣ, могущемъ снабжать провинціи, и все это не имѣетъ никакого отношенія къ извозу по Сибирскому тракту. Еще вы говорите, что въ 1840 году кто-то въ Барнаулѣ за шесть паръ нитяныхъ чулокъ вымѣнялъ корову. Подивитесь не этому, а тому, что и теперь нитяныхъ чулокъ въ продажѣ нѣтъ: мы носимъ чулки изъ бумажной пряжи.

Здѣсь будетъ совершенно кстати сдѣлать сравненіе между Англійскою и нашею промышленною политикою. Англія всюду внимательно изучаетъ куда бы ей можно было водворить свой трудъ, въ видѣ ли ткани, или въ видѣ механическаго литья и желѣзныхъ издѣлій и т. д. Намъ сама судьба устроила оживленіе Сибирскаго пустыннаго тракта отъ Кяхты до Камы движеніемъ чайныхъ грузовъ, и мы вмѣсто того, чтобы поддерживать и развивать это движеніе, рѣшили такъ: обречемъ Сибирскій трактъ на мертвенное бездѣйствіе и будемъ покупать чай по Европейской границѣ, привозимый на иностранныхъ корабляхъ. Страшное дѣло! Ужасное предательство Русскихъ интересовъ въ руки иностранцевъ, а вы придаете этому совершенно ничтожное значеніе. Тутъ мы рѣзко расходимся. Въ этомъ рѣшеніи, равно и въ дозволеніи ввозить хлопокъ, всѣ проводники такихъ рѣшеній представляются мнѣ гораздо виновнѣе Рыковыхъ и Юханцевыхъ *).

*) Говоря о хлопкѣ и чаѣ, я привожу приблизительныя цифры, но вслѣдъ за этимъ письмомъ представлю точные выводы, основанные на офиціальныхъ данныхъ. Думаю, что вредъ наносимый торговому балансу выразится и яснѣе, и къ сожалѣнію еще печальнѣе, чѣмъ мы думаемъ. В. К.

Пятое. Вы говорите, что «съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, когда рабочее тягло перестало быть обезпеченіемъ ссудъ, выдававшихся подъ залогъ его дароваго труда помѣщику, преобразованіе опекунскихъ совѣтовъ стало совершенной необходимостію. Лишенный дароваго труда и вынужденный переходить къ неизвѣданному еще хозяйничанью по вольному найму, помѣщикъ терялъ опредѣленную кредитную способность. Продолженіе выдачи ссудъ помѣщикамъ, на прежнемъ основаніи, могло бы привести Государственное Казначейство къ неисчислимымъ потерямъ». Да, это точь-въ-точь то самое, что́ говорили знаменитые «они» и что́ я слышалъ отъ А. М. Княжевича въ 1861 (см. «Провалъ» VI-й). И сколько тутъ противорѣчій! Разберемъ по суставамъ. Если съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права помѣщичьи поля лишились дароваго труда и потребовали земледѣльческихъ машинъ, то выдача денежныхъ ссудъ представляется наиболѣе необходимою, и если эту ссуду обезпечивало тягло, то почему же ее не могла обезпечивать земля, оставшаяся во владѣніи помѣщика? Конечно, преобразованіе опекунскихъ совѣтовъ являлось необходимымъ; но у насъ послѣдовало, вмѣсто преобразованія, совершенное ихъ уничтоженіе. Странно думать, что продолженіе выдачи ссудъ помѣщикамъ привело бы Государственное Казначейство къ неисчислимымъ потерямъ. Наоборотъ, отмѣна ссудъ, несуществованіе земельнаго кредита въ теченіи семи лѣтъ и потомъ учрежденіе мышеловокъ (земельныхъ банковъ), вотъ что́ привело не только къ неисчислимымъ потерямъ, но даже къ отчаянію, выразившемуся бросаніемъ динамитныхъ взрывчатыхъ снарядовъ.

Въ одномъ мѣстѣ вы говорите, что все дворянское сословіе прямо изъ пеленокъ поступало на казенное иждивеніе. Какой же слѣдуетъ изъ этого выводъ? Выводъ тотъ, что нельзя было сразу прекратить это иждивеніе и поставить десятки тысячъ семействъ въ безвыходное затрудненіе. Правительство, подобно частному доброму домохозяину, должно имѣть сердце, преисполненное любви; а безъ этого оно впадетъ въ безбожіе и безчеловѣчіе и распространитъ это вліяніе на многихъ, что́ (увы!) и воспослѣдовало къ величайшему оскорбленію нашего времени.

Далѣе вы говорите, что дворянство ровно ничего не дѣлало и тунеядствовало на счетъ крѣпостнаго труда.

Боже праведный! Доколѣ глаголъ клеветы будетъ оглашать Святую Русь? Дворянство ничего не дѣлало! А кто же водилъ Русскія войска къ побѣдамъ при завоеваніи Крыма и Кавказа, и при усмиреніи Польши, и въ тяжелую годину 1812 года? Обратимся къ частной дѣятельности дворянства. Кто образовалъ на Югѣ Россіи овцеводство?

Кто производилъ въ Россіи до 1866 года винокуреніе? Кто началъ винодѣліе въ Россіи? Кто въ послѣднее время образовалъ чугунно-литейные, желѣзо-дѣлательные заводы и пароходныя сообщенія на моряхъ и рѣкахъ? Дворянство. И одно только дворянство всегда шло впереди. Всѣ упреки дворянству въ родѣ помѣщенныхъ въ вашемъ письмѣ многократно мною слышались отъ поборниковъ фирмы «они». Всѣ нападки на дворянство исходятъ изъ того, что дворянство владѣло людьми. Но развѣ можно винить въ томъ отдѣльно каждую личность, когда это владѣніе было установлено и строго охраняемо законами Имперіи; и когда пробилъ часъ уничтоженія крѣпостнаго права, то со стороны дворянства не только не было противодѣйствія къ отмѣнѣ того права, которымъ оно пользовалось изъ рода въ родъ, но даже было высказано полное содѣйствіе къ уничтоженію крѣпостничества, и преобразованіе на всемъ обширномъ пространствѣ Русской земли было совершено лицами дворянскаго сословія съ полнымъ самоотверженіемъ и забвеніемъ о своихъ интересахъ. Мнѣ не разъ случалось относительно себя и другихъ лицъ, имѣвшихъ откупную дѣятельность, слышать нареканія за то, что я былъ откупщикомъ, т.-е. отвѣтственнымъ сборщикомъ казенныхъ питейныхъ доходовъ, отдававшихся правительствомъ на откупъ съ начала царствованія Екатерины II-й. Нареканія эти вовсе упускаютъ изъ виду то, что откупщикъ являлся вслѣдствіе того, что былъ откупъ; а коль скоро существовала откупная система, требовавшая для приведенія въ дѣйствіе до 200 тысячъ лицъ крупныхъ и мелкихъ дѣйствователей, то очень естественно, что люди, имѣвшіе нужду въ полученіи жалованья (къ числу которыхъ и я принадлежалъ) поступали на службу по откупнымъ дѣламъ и потомъ сами выходили въ хозяева. Что̀ касается до меня, то я очень доволенъ, что судьба бросила меня на этотъ путь, доставивши мнѣ возможность изучить мѣстныя нужды и потребности во всей ихъ полнотѣ въ 17 губерніяхъ, въ которыхъ впослѣдствіи, при расширеніи моихъ дѣйствій, я имѣлъ служащихъ 32.000 лицъ. Это вводное обстоятельство я включаю потому, что изъ этихъ 32 тысячъ лицъ болѣе тысячи лицъ составляли мою живую современную библіотеку съ изустными разсказами о теченіи Русской жизни, и изъ части этихъ разсказовъ сложилось воспоминаніе объ «Экономическихъ провалахъ».

Вы ставите мнѣ въ хвастливость предположенія мои о великомъ значеніи Россіи, на роду намъ написанномъ; но вы выпустили слова мои о томъ, что великое значеніе могло бы выразиться тогда, еслибы мы не сдѣлали изложенныхъ мною экономическихъ проваловъ, сочиненныхъ по рецептамъ фирмы «они», сходнымъ съ вашимъ воззрѣніемъ. Не будь въ Россіи привоза Американскаго хлопка, составля-

ющаго расходъ болѣе 50 милліоновъ рублей въ годъ, не будь покупки чая на монету, на что́ тратятся вторые 50 милл., и будь водвореніе первыхъ 50 милл. въ крестьянскія избы за лёнъ, а вторыхъ—за фабричныя издѣлія для размѣна на нихъ чая въ Кяхтѣ, и вотъ только отъ этихъ двухъ статей произошло бы то, что наша государственная роспись не знала бы дефицита, и наше Сибирское золото не перемѣстилось бы за границу; слѣдовательно при сохранности золотыхъ запасовъ и неимѣніи дефицита нашъ кредитный рубль выражалъ бы въ биржевомъ курсѣ свою полную стоимость.

По вашему воззрѣнію, все наше финансовое разстройство вы относите не къ экономическимъ проваламъ, а къ царствованію императора Николая Павловича. Опять какъ разъ слышатся тѣже слова, которыя въ 60-хъ годахъ проповѣдывались въ Россіи членами фирмы «они». Раздѣлимъ взгляды на царствованіе мудраго Государя на два отдѣла, какъ на Царя и какъ на хозяина Русской земли.

Какъ Царь, императоръ Николай I-й *перестрожилъ* мѣру охраненія своего царствованія отъ стремленія человѣческой мысли къ простору; но еслибы онъ не *дострожилъ*, тогда бы могла послѣдовать другая бѣда, именно: развитіе своевольства помѣшало бы спокойному разрѣшенію великаго дѣла освобожденія крестьянъ, которое—вы это очень хорошо знаете—могло быть совершено только силою твердаго самодержавія, безъ чего 1-е Марта могло послѣдовать ранѣе 19-го Февраля. Оправдаемъ бывшую строгость тѣмъ, что черезъ все царствованіе проходило воспоминаніе объ ужасныхъ дняхъ, разразившихся дѣйствіями 14-го Декабря; но и за всѣмъ тѣмъ часто проявлялась въ личной волѣ Государя человѣчность. Его разговоры въ кабинетѣ съ Пушкинымъ, Чижовымъ, вызваннымъ имъ изъ Петропавловской крѣпости и отпущеннымъ на свободу, и многіе другіе случаи возбуждаютъ глубокое чувство величайшаго уваженія. А. С. Хомяковъ говорилъ, что Николаевское царствованіе—это постоянный сухой морозъ, въ который—мы всѣ знаемъ—надобно надѣвать кенги и рукавицы; но вѣдь оттепели съ морозными утренниками, убивая всходы растеній, гораздо опаснѣе и неопредѣленнѣе мороза, потому что не знаешь, какой завтра подуетъ вѣтеръ.

Какъ хозяинъ Русской земли, Николай Павловичъ изображалъ послѣ Петра I-го замѣчательное явленіе. Въ его царствованіе желѣзныя дороги строились посредствомъ Русской дѣятельности; въ его царствованіе Волга покрылась пароходами безъ призыва иностранцевъ; въ его царствованіе устроились на многія тысячи верстъ шоссейныя дороги; въ его царствованіе Московскіе купцы въ Кремлевскомъ дворцѣ неоднократно получали изустные выговоры за плохо приготовленныя фабричныя издѣлія для Китая; въ его царствованіе художественная

жизнь въ живописи и архитектурѣ процвѣтала и оживлялась; въ его царствованіе укрѣпленъ Кронштадтъ до такой несокрушимости, что Непиръ съ Англійскимъ флотомъ могъ въ 1854 году только полюбоваться наружнымъ видомъ укрѣпленія; въ его царствованіе учреждено почетное гражданство; въ его царствованіе окончено размежеваніе земель; въ его царствованіе возникла и развилась золотопромышленность; въ его царствованіе казенные крестьяне получили самоуправленіе, и наконецъ, въ его царствованіе Россія получила Сводъ Законовъ.

Но Европейская интрига подтачивала исподволь великорослый дубъ. Она задалась мыслію высосать изъ Россіи денежныя средства и достигла этого посредствомъ серебрянной единицы, ввоза хлопка и уничтоженія мѣновой чайной торговли на Кяхтѣ; когда же этими подкопами потрясена была наша финансовая сила, тогда, при составленіи Европейской противъ насъ коалиціи въ 1852 году, и раздался голосъ въ Европѣ о колоссѣ на «глиняныхъ ногахъ».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ царствованіе Николая Павловича ни въ какомъ случаѣ не былъ бы уничтоженъ земледѣльческій кредитъ и не было бы разрѣшено безпредѣльное проживаніе Русскихъ денегъ за границей, не было бы допущено учрежденіе Французскаго общества желѣзныхъ дорогъ съ правленіемъ (въ первыхъ годахъ) въ Парижѣ, не была бы отдана этому обществу Николаевская дорога, и вообще Русская жизнь не была бы подведена подъ зависимость милостивыхъ благоволеній иностранныхъ биржъ и Европейскихъ банкировъ.

Для меня ясно какъ день, что вы и до сихъ поръ находитесь подъ вліяніемъ проповѣдей 60-хъ годовъ. Если прежде этого Русская мысль была въ угнетеніи и переживала величайшую скудость въ смыслѣ самостоятельной Русской дѣятельности, то неужели вы можете, положа руку на сердце, сказать, что начинавшіяся съ 60-хъ годовъ преобразованія, за исключеніемъ свѣтоноснаго освобожденія крестьянъ, имѣли въ своемъ основаніи Русскую мысль, изученіе нуждъ и потребностей и заботливость о томъ, чтобы замѣнить канцелярскую силу силой самовозрожденія? Всѣ законопроекты исходили изъ желанія пишущихъ лицъ сдѣлать себѣ служебную карьеру, и всѣ они были чужды истиннаго попеченія о благѣ народа. Ложь прикрывалась Европейскими теоріями. Но всякая ложь не долговѣчна. Время есть лучшій судебный слѣдователь, открывающій всѣ промахи и заблужденія.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно ввѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.

Личина спала, и открылась истина, выражающаяся въ томъ, что мы очутились въ неоплатныхъ долгахъ съ хроническимъ дефицитомъ по государственной росписи, съ десятками тысячъ помѣщичьихъ семействъ, скитающихся по бѣлому свѣту, съ двумя милліонами крестьянъ, пропившихъ свой скотъ и домашнюю утварь, съ массою молодежи, оканчивающей свою жизнь самоубійствомъ или занимающеюся бросаніемъ взрывчатыхъ снарядовъ; тогда какъ въ тяжелое, по вашему мнѣнію, Николаевское царствованіе мнѣ неоднократно случалось бывать въ маскарадахъ Зимняго Дворца въ Январѣ мѣсяцѣ, куда былъ допущенъ входъ всѣмъ сословіямъ, и среди густой массы всѣхъ сословій видѣть спокойно прогуливавшихся Государя съ Государыней, носимыхъ отъ тѣсноты собравшихся во дворецъ разносословныхъ гостей, такъ сказать, на плечахъ своего народа. Я вамъ привелъ факты, и отъ васъ зависитъ или согласиться со мною, или опровергнуть мои слова; но, конечно, опроверженіе будетъ дѣйствительно въ томъ случаѣ, если оно будетъ состоять также изъ фактовъ, а не изъ забрасыванія сущности дѣла однѣми только фразами. Для меня остается непонятнымъ, какимъ образомъ такой дальнозоркій мыслитель, какъ вы, предвидѣвшій печальный исходъ Восточной войны и политическое униженіе Россіи отъ пораженія Франціи Нѣмцами, можетъ и до сихъ поръ, когда Россія раззорена ложными финансовыми теоріями, видѣть въ этихъ теоріяхъ однѣ только «случайныя и малозначущія ошибки финансовой администраціи».

Но знаете ли кто, между прочимъ, всего болѣе пострадалъ отъ вѣянія западныхъ теорій, которыми, въ теченіи 30 лѣтъ, руководила Русскою жизнію фирма «они»? Изъ частныхъ лицъ болѣе всѣхъ пострадали вы сами, любезный Василій Аполлоновичъ. Вспомнимъ прошлое. Вы и товарищъ вашъ, покойный П. Ѳ. Семянниковъ, пріѣхавъ изъ Сибири, какъ опытные горные офицеры и какъ люди понимающіе современныя потребности отечества, образовали вблизи Петербурга чугунно-литейный и желѣзодѣлательный заводецъ, который, черезъ нѣсколько лѣтъ своего существованія, поддержаннаго временною постройкою мониторовъ, обратился въ большой заводъ, а потомъ долженъ былъ закрыться, потому что правительство, не поддержавъ вашъ заводъ оборотнымъ капиталомъ и не давая вамъ никакихъ заказовъ по сооруженію локомотивовъ и другихъ желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, всѣ потребные для рельсовыхъ путей заказы дѣлало за границей. Еслибы къ вашему заводу не былъ примѣненъ взглядъ фирмы «они», который вы относите къ Николаевскому времени, тогда бы вашъ заводъ значилъ въ Россіи тоже самое, что́ значитъ подъ Берлиномъ заводъ Борзига.

Видя свой заводъ лишеннымъ работъ, вы продали его акціонерной компаніи (и хорошо сдѣлали), которая, сдѣлавъ нѣсколько выпусковъ акцій и облигацій, не добилась возможности имѣть постоянные заказы для желѣзныхъ дорогъ и окончила свое существованіе полнымъ банкротствомъ. Такъ ли, незлобивый Василій Аполлоновичъ, все это я изложилъ? Я употребилъ выраженіе «незлобивый» потому, что въ письмѣ вашемъ ко мнѣ вмѣсто того, чтобы сѣтовать на сгубившія васъ и всѣхъ насъ западныя теоріи, вы ихъ оправдываете, сваливая вину съ больной головы на здоровую. Незлобіе въ частной жизни составляетъ высокую добродѣтель, но незлобіе въ государственныхъ вопросахъ — преступленіе. Если вы, лично за себя, хотите быть незлобивымъ, въ этомъ вы вольны распорядиться по настроенію вашего духа; но какъ заводчикъ вы не имѣете права на это незлобіе, по случаю бѣдствій, постигшихъ всѣхъ рабочихъ вашего завода вслѣдствіе прекращенія заводской дѣятельности.

Ваше послѣднее слово состоитъ въ томъ, что «не случайныя и «малозначущія ошибки финансовой администраціи, на которыя указа-«но въ «провалахъ», привели насъ къ «мрачному времени нуждъ и ли-«шеній», а хроническая полувѣковая связь призрачной, тщеславной, «раззорительной для насъ внѣшней политики съ непробуднымъ засто-«емъ и вынужденной отсталостію нашей внутренней жизни». И такъ вы называете малозначущими такія финансовыя ошибки, какъ убійство льно-производства, уплату Америкѣ нѣсколькихъ милліардовъ за хлопокъ, пріобрѣтеніе всего потребнаго количества чая на монету вмѣсто размѣна его на свои фабричныя издѣлія, отнятіе у Сибирскаго края извощичьяго промысла, безразсудные и безразсчетные, раззорительные займы за границей, уничтоженіе мелкихъ сельскихъ винокурень, спаиванье народа посредствомъ распространенія безпредѣльнаго числа кабаковъ, уничтоженіе исключительнаго дворянскаго права на винокуреніе, минусы нашего торговаго баланса, порожденные предательскими тарифами, лишившими насъ всего добытаго въ Сибири золота, мотовство денегъ за границей и такъ далѣе; все это, по вашему мнѣнію, не болѣе какъ малозначущія ошибки. Нѣтъ, мы съ вами никогда не сойдемся; между вами и мною великая пропасть; однимъ словомъ, два различныхъ теченія. Вы — другъ фирмы «они», а я — постоянный сѣтователь на эту фирму за всѣ причиненныя ею злоключенія. Вы сваливаете вину на внѣшнюю политику, а я вамъ скажу, что еслибы не было всѣхъ вышеозначенныхъ проваловъ, тогда и политика имѣла бы значеніе и силу, соотвѣтственныя объему и народонаселенію Русской земли.

Вы называете политику Николаевскаго царствованія «высокомѣрною». Да какая же иная политика можетъ быть у Царя стомилліоннаго

царства? Бѣда вся въ томъ, что, при политикѣ высокой мѣры, были уже слишкомъ низкомѣрны экономическіе и финансовые взгляды.

Вы оканчиваете ваше письмо тѣмъ, что я началъ мои провалы— якобы возгласомъ — «пора домой въ Москву». Такъ ли это? Я сказалъ, что подъ Аксаковскимъ словомъ «пора домой» я разумѣю не Москву, а то, что пора государственной мысли перестать блуждать за границей и пора познать въ своихъ людяхъ свою силу.

Послѣднія ваши слова гласятъ: «Впередъ! Къ знанію, къ свѣту и къ свободѣ». Позвольте эти слова немного переставить, именно такъ: прежде къ знанію, къ свѣту, къ свободѣ, а потомъ уже крикнуть впередъ. Но гдѣ же путь къ знанію? Неужели въ томъ, чтобы находить всѣ вышепоименованныя экономическія и финансовыя преступленія не провалами, а малозначущими ошибками. При такомъ освѣщеніи никогда нельзя разглядѣть того пути, по которому слѣдуетъ идти, и если мы, не опредѣливъ вѣрной точки знанія и свѣта, пойдемъ безсознательно впередъ, то насъ ожидаютъ еще горшія и тягчайшія бѣдствія. Откровенно скажу, что затрудняюсь васъ понять. Противорѣчія ваши сбиваютъ меня съ толку: въ одномъ мѣстѣ вы говорите, что надо идти къ преданіямъ народоправства, а въ другомъ вы оправдываете сгубившіе насъ раззорительные займы, дѣлаемые на счетъ народа, безъ вѣдома его, но съ привлеченіемъ народныхъ силъ къ платежу этихъ займовъ. Изъ всего этого можно опредѣлить свойство нашихъ основныхъ началъ: ваше начало — подражаніе Европейскимъ теоріямъ, а мое начало — чисто-русское, народное, пріемлющее на столько Европейскія условія, на сколько они согласуются съ Русскими потребностями. Повѣрьте мнѣ, что нельзя быть кореннымъ Русскимъ человѣкомъ въ душѣ при чувствѣ идолопоклоненія западнымъ теоріямъ; такъ равно нельзя пріискать такой формы дѣйствія, которая чужестранныя потребности заставляла бы признавать нашими домашними потребностями. Тутъ будетъ вѣчное противорѣчіе жизни съ законопроектами и постоянная путаница идей и направленій. Самое письмо ваше ясно говоритъ о смѣшанности вашихъ взглядовъ: вы, идя по пути Европейскаго прогресса, называете своимъ домомъ Кіевъ, обращаясь къ временамъ Богдана Хмѣльницкаго, а моимъ домомъ Новгородъ съ междоусобными временами Марѳы Посадницы. Затѣмъ, говоря истину, что изъ Кіева возсіялъ свѣтъ Христова ученія, называете это спасительное ученіе попорченнымъ Византійскимъ изувѣрствомъ, забывъ, что свѣтъ ученія явился изъ Византіи.

Послѣ движенія къ знанію и стремленія къ свѣту, вы сказали, надобно идти къ свободѣ; но, конечно, прежде всякаго движенія къ свободѣ должно быть вѣрно и сообразно съ народною потребностію

понято и усвоено знаніе народныхъ нуждъ и потребностей и освящено свѣтомъ истины и правды, а безъ этого явится такая свобода, которая въ сущности составляетъ прикрываніе лютой злобы.

Заключаю тѣмъ, что путь къ знанію, свѣту и свободѣ составляетъ высшій идеалъ человѣческихъ желаній; но кто укажетъ этотъ путь, кто освѣтитъ мрачную ночь, въ которой мы спотыкаемся въ нашей жизни? Этотъ мракъ можетъ исчезнуть, и нашъ путь можетъ освѣтиться только тогда, когда наши мысли будутъ искать спасенія не въ ложныхъ западныхъ Европейскихъ теоріяхъ, а проникнутыя вѣрою въ Бога и надеждою на Царя будутъ преисполнены сердечной заботливости о созданіи народнаго благоденствія изъ указаній, почерпнутыхъ изъ народной жизни.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о Москвѣ, о которой вы выразились съ ужаснымъ поруганіемъ и заключили обращеннымъ ко мнѣ вопросомъ указать, какой слѣдъ во всемірной исторіи оставила Москва въ теченіи своего существованія? Съ особымъ наслажденіемъ отвѣчаю вамъ на это, хотя заранѣе увѣренъ, что вамъ и безъ меня извѣстны славные подвиги Москвы; но къ сожалѣнію въ вашемъ воображеніи они, вѣроятно, исчезнули изъ памяти, потому что вы сосредоточились преимущественно на стремленіи къ Европейскому прогрессу безъ всякаго пополненія его Русскимъ значеніемъ.

Всемірное значеніе Москвы въ древнія времена состоитъ въ томъ, что она своею грудью удерживала стремленія Монголовъ, направлявшихся на общечеловѣческое разрушеніе. Въ новѣйшія времена Москва является могилою Наполеоновскихъ полчищъ, завоевавшихъ почти всю Европу и виновницею освобожденія Европы отъ деспотизма Корсиканца.

Для насъ Москва является собирательницею Россіи. Присоединеніе удѣльныхъ княжествъ, Куликовская битва, Казань, Астрахань, Сибирь, царь Алексѣй съ Уложеніемъ и Малороссіей и съ Кіевомъ составляютъ дары Москвы для Россіи. Затѣмъ Москва — колыбель Великихъ царей Петра I и Александра II.

Вы спрашиваете, зародилась ли въ Москвѣ какая нибудь мысль и что̀ оставила намъ Москва въ наслѣдство? Отвѣчаю: изъ Московскихъ мыслей составилось для насъ наслѣдство, удивляющее міръ своимъ великимъ значеніемъ, и это наслѣдство называется — Россія.

В. Кокоревъ.

10 Августа 1887 г. Ушаки.

ЛЕРМОНТОВЪ И Г-ЖА ГОММЕРЪ ДЕ-ГЕЛЛЬ ВЪ 1840 ГОДУ.

1.

Пятигорскъ. Пятница, 14-го Августа 1840 года.

Мы пріѣхали въ Пятигорскъ и остановились у доктора Конрада. Нашъ первый визитъ былъ къ источнику «Александра», по имени Императрицы. Сѣрныя воды этого источника имѣютъ болѣе 38 градусовъ по Реомюру. Входишь по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ въ обширное помѣщеніе. Много другихъ источниковъ разсѣяно по всюду, на вершинахъ окружающихъ Пятигорскъ, и дѣлаютъ честь заботливости Русскаго правительства. На неприступныхъ утесахъ видишь очень щегольскія постройки, тропинки, сто разъ перекрещивающіяся, терассы съ насажеяными деревьями. На верху одной изъ высочайшихъ скалъ поставили осьми-угольный павильонъ съ колонами, которыя поддерживаютъ голубой куполъ. Павильонъ этотъ открытъ со всѣхъ сторонъ и охраняетъ эолову арфу. Мелодическіе звуки ея доходятъ до конца долины и смѣшиваются съ эхо окружающихъ горъ.

Я справлялась о Ребровой. Мнѣ сказали, что она нѣсколько дней какъ уѣхала въ Кисловодскъ съ большой компаніей. Говорятъ, на ней женится Лермонтовъ, замѣчательный Русскій литераторъ и поэтъ. Пари держатъ, что онъ на Ребровой не женится. Я вмѣшалась тутъ въ разговоръ и сказала, что я отца и дочь знаю. Дѣвчонка довольно взбалмошная и готова за всѣхъ выдти за мужъ; но отецъ ея, очень богатый помѣщикъ, не отдастъ ея за литератора, лишившагося всякой карьеры.—Хотя сезонъ водъ уже почти оканчи-

вался, мы встрѣтили у Конрада нѣсколько больныхъ, принимавшихъ участіе въ нашихъ вечерахъ. Тутъ Русскій офицеръ, не надолго пріѣхавшій изъ экспедиціи. Двѣ тяжелыя раны заставляютъ его провести зиму въ Пятигорскѣ. Трепетъ насъ охватывалъ, когда онъ намъ разсказывалъ съ постоянной улыбкой объ этой кампаніи и объ ужасныхъ сценахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Русскимъ эта кампанія однако обошлась дорого: половина людей легла на мѣстѣ, и сто двадцать офицеровъ было убито. Одинъ изъ его пріятелей спасъ чудную дѣвочку, по убіеніи ея матери въ пылающемъ аулѣ. Онъ ее схватилъ на лошадь и привезъ въ Русскій лагерь. Пріѣхавъ въ Пятигорскъ, онъ отдалъ ребенка на воспитаніе во Французскій пансіонъ. Мы ходили ее навѣстить и обворожены были ея красотой.

Веселая компанія, и въ особенности Лермонтовъ, меня тянутъ въ Кисловодскъ, въ которомъ лучшее общество обыкновенно собирается послѣ Пятигорска. Кисловодскъ отстоитъ отъ Пятигорска на 40 в.; онъ дальше въ горахъ и подверженъ болѣе нападкамъ Черкесовъ. Я однако храбро довѣрилась военнымъ властямъ, доставившимъ возможность больнымъ и туристамъ посѣщать этотъ очаровательный край. За мной пріѣхала дѣвица Реброва и зоветъ насъ въ Кисловодскъ. Она очень милая дѣвушка, немного взбалмошная, но очень хорошенькая, съ черными глазами; ея зрачки очень расширились въ слѣдствіе ея болѣзни. Можно утонуть въ нихъ. Она мнѣ тотчасъ созналась, что влюблена въ Лермонтова, что Лермонтовъ ее любитъ, но не хочетъ сознаться. Она все очень мила со мной, несмотря на свою любовь; таже, какъ я ее знала въ Владимировкѣ на Кумѣ. Я тебѣ уже писала въ прошломъ году, когда мы возвращались изъ Киргизскихъ степей и встрѣтили этотъ обѣтованный уголъ. Я забыла у тебя просить извиненія за напечатаніе этого письма къ тебѣ въ Journal d'Odessa 26 Апрѣля (8 Мая) 1840 № 34, со всевозможными пропусками, и твоего имени не упоминаю.

Реброва пріѣхала за мной, и я спѣшу пріодѣться. Ея туалетъ былъ очень шикъ, и я не хотѣла сдѣлать дурное впечатлѣніе на новыхъ знакомыхъ въ Кисловодскѣ. Она была одѣта въ платьѣ chamois, demi-décolleté, въ короткихъ рукавахъ, въ черномъ кружевномъ платкѣ, который сходился крестъ на крестъ на груди и въ ботинкахъ цвѣта *puce*. Я декольтировалась вполнѣ и надѣла мои бронзовыя башмаки. Она мнѣ дала свой кружевной платокъ, потому что Русскія дамы считаютъ неприличнымъ декольтироваться въ дорогѣ. Ея дормёзъ стоитъ у подъѣзда.

2.

Кисловодскъ, 26-го Августа 1840.

Пріѣхавъ въ Кисловодскъ, я должна была переодѣться: такъ мой туалетъ измялся дорогой. Мы ѣдемъ на балъ, который даетъ общество въ честь моего пріѣзда. Мы очень весело провели время. Лермонтовъ былъ блистателенъ, Реброва очень оживлена. Петербургская франтиха старалась аффишировать Лермонтова, но это ей не удавалось. Въ часъ мы пошли домой. Лермонтовъ заявилъ Ребровой, что онъ ея не любитъ и никогда не любилъ. Я ее бѣдную уложила спать, и она вскорѣ заснула. Было около двухъ часовъ ночи. Я только что вошла въ мою спальню. Вдругъ тукъ-тукъ въ окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня проситъ позволенія скрыться отъ преслѣдующихъ его непріятелей. Я, разумѣется, открыла дверь и впустила моего героя. Онъ у меня всю ночь остался до утра. Бѣдная Реброва лежала при смерти. Я около нея ухаживала.—Я принимаю только одного Лермонтова. Сплетнямъ не было конца. Онъ оставилъ въ туже ночь свою военную фуражку съ краснымъ околышкомъ у Петербургской дамы. Всѣ говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ туже ночь rendez-vous съ Ребровой. Петербургская франтиха проѣзжала верхомъ мимо моихъ оконъ въ фуражкѣ Лермонтова, и Лермонтовъ ей сопутствовалъ. Меня это совершенно взорвало, и я его болѣе не принимала подъ предлогомъ моихъ заботъ о несчастной дѣвушкѣ. На пятый день мой мужъ пріѣхалъ изъ Пятигорска, и я съ нимъ поѣду въ Одессу, совершенно больная.

30-го Августа. Изъ Одессы я ѣду въ Крымъ, куда меня зовутъ Нарышкины. Пиши въ Ялту poste restante. Я правды такъ и не добилась. Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такая его система. Всѣ знакомые, имѣвшіе съ нимъ сношенія, говоря съ его словъ, разсказывали все розное. Обо мнѣ онъ ни полслова не говорилъ. Я была тронута и ему написала очень любезное письмо, чтобы благодарить его за стихотвореніе, которое для Русскаго совсѣмъ не дурно. Я обѣщала ему доставить въ Ялтѣ мои стихи, которые у меня бродятъ въ головѣ съ условіемъ однако, что онъ за ними пріѣдетъ въ Ялту.

3.

Ялта. Четвергъ 29-го Октября 1840.

Оставивъ позади насъ Алупку, Мисхоръ, Кореисъ и Оріанду, мы позабыли скоро всѣ волшебные замки, воздвигнутые тщеславіемъ, и вполнѣ предались чарующей насъ природѣ. Я ѣхала съ Лермонтовымъ, по смерти Пушкина величайшимъ поэтомъ Россіи. Я такъ увлеклась порывами его краснорѣчія, что мы отставали отъ нашей кавалькады. Проливной дождикъ настигъ насъ въ прекрасной рощѣ, называемой по-татарски Кучукъ-Лампадъ. Мы пріютились въ биліардномъ павильонѣ, принадлежащемъ повидимому генералу Бороздину, къ которому мы ѣхали. Кіоскъ стоялъ одинокъ и пустъ; дороги къ нему заросли травой. Мы нашли биліардъ съ лузами, отыскали шары и выбрали кіи. Я весьма порядочно играю въ Русскую партію. Затаившись въ павильонѣ и желая окончить затѣянную нами игру, мы спокойно смотрѣли, какъ насъ искали по рощѣ. Я, подойдя къ окну, замѣтила бѣгавшаго по всѣмъ направленіямъ Тетъ-Бу-де-Мариньи, подъ прикрытіемъ своего рифлара. Окончивъ преспокойно партію, когда люди стали приближаться къ павильону, Лермонтовъ вдругъ вскрикнулъ: «Они насъ захватятъ! Ай, ай, вашъ мужъ! Скройтесь живо подъ биліардомъ!» и, выпрыгнувъ въ окно, въ виду собравшихся людей, сѣлъ на лошадь и ускакалъ изъ лѣсу. На меня нашелъ столбнякъ; я ровно ничего не понимала. Мнѣ и въ умъ не приходило, что это была импровизованная сцена изъ водевиля. Я очень была рада, что тутъ вошелъ, столько же встревоженный сколько промокнувшій Тетъ-Бу-де-Мариньи и увидалъ меня держащую кій въ рукахъ и ничего не понимающую. Онъ мнѣ объяснилъ это взбалмошнымъ характеромъ Лермонтова. Г-нъ Де-Гелль спокойно сказалъ, что m-r de Lermantove очевидно школьникъ, но величайшій поэтъ, какихъ въ Россіи еще не бывало. Богъ знаетъ, что они могли бы подумать! Мужъ мой имѣлъ невозмутимое довѣріе ко мнѣ. Я поспѣшно отправилась къ владѣльцу Кучукъ-Лампада, Бороздину, гдѣ веселая кампанія насъ ожидала и съ громкимъ смѣхомъ привѣтствовала глупую шутку Лермонтова. Графиня В., которая ушла съ кн. Г., чтобы справить свой туалетъ, спросила меня, застегивая свою Амазонку, что случилось у меня съ Лермонтовымъ. «А это другое дѣло! Но все таки порядочныя женщины не должны его не только принимать, но и вовсе пускать близъ себя».—Я потребовала отъ Тетъ-Бу, чтобы онъ пригласилъ Лермонтова ѣхать съ нами на его яхтѣ. Лермонтовъ по секрету говорилъ, что онъ торопится въ Анапу, гдѣ снаряжается

экспедиція «Онъ не прочь и въ Анапу, но только вмѣстѣ со мною», сказала я Тетъ-Бу. Тетъ-Бу тутъ не на шутку разсердился: «Я ему натру уши, негодяю» (Je lui frotterai les oreilles à ce triquet), и уѣхалъ, не простившись ни съ кѣмъ, а на другой день снялся съ якоря и отправился на Кавказъ стрѣляться съ Лермонтовымъ.

Между тѣмъ Лермонтовъ явился въ Ялтѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ былъ у меня, пока г. Де-Гелль ходилъ уговаривать Тетъ-Бу остаться съ нами еще нѣсколько дней. Мы даже дали другъ другу слово предпринять на его яхтѣ *Юлія* поѣздку на Кавказскій берегъ къ немирнымъ Черкесамъ. Я на Лермонтова вовсе не сердилась и очень хорошо понимала его характеръ: онъ свои фарсы дѣлалъ безъ злобы. Съ нимъ какъ-то весело живется. Я всегда любила то, чего не ожидаешь. Но я была взбѣшена на г. Де-Гелля и особенно на Тетъ-Бу. Г. Де-Гелль слишкомъ вошелъ въ свою роль мужа. Оно просто смѣшно. Вотъ уже второй годъ, какъ я дурачу Тетъ-Бу и сбираюсь его мистифицировать на третій. Ужъ онъ у меня засвищетъ соловьемъ (je le ferai chanter ce rossignol-là); ужъ поплатится онъ мнѣ, и не за себя одного!

Лермонтовъ меня увѣряетъ очень серьозно, что только три свиданія съ обожаемою женщиной цѣнны: первое для самого себя, второе для удовлетворенія любимой женщины, а третье для свѣта. Чтобы разгласили, не правда ли? сказала я и отъ всей души разсмѣялась; но, не желая съ нимъ встрѣтиться въ третій разъ, я его попросила дать мнѣ свой автографъ на прощаніе. «Да я уже съ вами вижусь въ шестой разъ. Фатальный срокъ уже миновалъ. Я вашъ навсегда».

А Тетъ-Бу пожалуй въ самомъ дѣлѣ отправится на своей яхтѣ въ погоню за Лермонтовымъ. Вотъ комедія! Мнѣ жаль Лермонтова: онъ дурно кончитъ. Онъ не для Россіи рожденъ. Его предокъ вышелъ изъ свободной Англіи со своей дружиной при дѣдѣ Петра Великаго. А Лермонтовъ великій поэтъ. Онъ описалъ наше первое свиданіе очень мелодичными стихами. Я сдѣлала всего одну поправку: «c'est une feuille que pousse» и замѣнила: «c'est la poussière que soulève». Оно какъ-то женственнѣе; une feuille que pousse какъ-то неприлично. Согласись сама: «son tronc desséché et luisant», а и подавно оно въ высшей степени неприлично, особенно въ стихахъ. Хороша картина, нечего сказать! Каково подношеніе любимой женщинѣ, и въ добавокъ оно совершенно неправда. Онъ самъ на себя клевещетъ: я рѣдко встрѣчала болѣе влюбленнаго человѣка. Впрочемъ, ты въ поэзіи ничего не понимаешь, и ты бы пожалуй оставила «une feuille que pousse и son tronc desséché et luisant». Хотя ты мало цѣнишь стихотворенія, я все же тебѣ его перепишу. Не правда-ли, стихи очень звучны? Они такъ и льются въ душу. Я ихъ ставлю выше стиховъ, которые мнѣ посвятилъ Alfred-Musset.

Лермонтовъ сидитъ у меня въ комнатѣ, въ Мисхорѣ, принадлежащемъ Ольгѣ Нарышкиной, и поправляетъ свои стихи. Я ему сказала, что онъ въ нихъ долженъ непремѣнно упомянуть мѣста, сдѣлавшіяся намъ дорогими. Я между тѣмъ пишу мое письмо къ тебѣ. Какъ я къ нему привязалась! Мы такъ могли быть счастливы вмѣстѣ! Не подумай чего дурного; у тебя на этотъ счетъ большой запасъ воображенія. Между нами все чисто. Мы оба поэты. Я сговорилась идти гулять въ Симеисъ и застала его спящимъ непробуднымъ сномъ подъ березой. Вотъ вся канва, по которой онъ вышивалъ. Мы полюбили другъ друга въ Пятигорскѣ. Онъ меня очень мучилъ. Посылаю тебѣ мои стихи, надписанные: Chant du cygne; они помѣщены въ «Journal d'Odessa» 2-го Октября 1840. Онъ сблизился со мною за четыре дня до моего отъѣзда изъ Пятигорска и бросилъ меня изъ-за старой рыжей франтихи, которая до смерти всѣмъ въ Петербургѣ надоѣла и пріѣхала попробовать счастія на Кавказскихъ водахъ. Они меня измучили, и я выѣхала изъ Кисловодска совсѣмъ больная. Теперь я счастлива, но не на долго. Я ему передала на другой день мое стихотвореніе. «Соловей». Онъ, какъ ты видишь, самъ подписываетъ Lermontoff; но это совершенно неправильно. Нѣмое *e* вполнѣ соотвѣтствуетъ Русскому ъ. Къ чему ff, совершенно непонятно. Также точно неправильно писать Puschkin вмѣсто Pouschkine, Schterbinin вмѣсто Schterbinine. Puschkine, Potemkine, Karamsine у насъ риѳмы для Gaussin, Berquin, Dandin, а слѣдовало бы taquine, coquine, Condamine, Racine.

Bulbul à Lermontove.

Le souffle d'un amant a glissé dans ta voix,
Oiseau mystérieux, qui chantes dans les bois.
Tu sais tout emprunter à son délire extrême,
Larmes, désirs confus, soupir qui dit: je t'aime...
Tes accents sont l'écho des vagues voluptés,
Qu'il entrevoit au fond de ses anxietés.
En accords douloureux tu redis ses tristesses,
En notes de plaisir ses ardentes tendresses.
L'amour t'a révélé ses secrets les plus doux,
Et devant toi, Bulbul, tout poëte est jaloux.

Не даромъ я его назвала Bulbul—что̀ обозначаетъ по-татарски соловья. Это новое свѣтило, которое возвысится и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи. Его выслали на Кавказъ за дуэль съ Эрнестомъ или Просперомъ Барантомъ. (Они оба бывали на моихъ балахъ у Тюфякина). Лермонтовъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ княгиней Щ.; а дуэль вышла изъ-за сплетни, переданной г-жею Баха-

рахъ *). Я съ г-жею Бахарахъ познакомилась въ Вѣнѣ въ 1836 году. Она очень элегантная и пребойкая женщина. Этому будетъ четыре года. Боже мой, какъ время идетъ! Ты, говорятъ, разошлась съ Деложемъ. Если твои деньги спасены, то дѣло не бѣда. Что̀ ты дѣлаешь? Твое молчаніе меня терзаетъ. Я получила твое послѣднее письмо изъ Флоренціи и съ тѣхъ поръ ни единаго слова. Ты, кажется, познакомилась въ Баденъ-Баденѣ съ Евгеніемъ Гино. Ты мнѣ писала о немъ, называя его folliculaire. Передай ему письмо со всѣми приложеніями. Онъ въ немъ найдетъ тему для водевиля, и скажи ему, чтобы онъ сохранилъ письмо со всѣми приложеніями до моего пріѣзда.

A Madame Hommaire de Hell.

Près d'un bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant,
Tout dénudé par les vents d'autan,
Je m'assois, fatigué, sur la route.
Attentif,—longuement,—j'écoute
La grande voix du silence.

*

De loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement,
Son tiède parfum distillant.
Elle vient à moi en courant;
Puis disparaît subitement,
Et se perd dans la nuit sombre.

*

C'est la poussière qui poudroie,
Un tas de feuilles qui tournoie;
La chaude bouffée qu'exhalait
Le vent parfumé de la nuit,
En s'avancant à petit bruit,
Un serpent glissait sur les galets.

*

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse.
Las d'attendre, je m'endors soudain.
Tout à coup tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

M. Lermontoff.

Mischor
28 Octobre 1840.

4.

Графинѣ Л. Г.

Шкуна „Юлія", 5-го Ноября 1840.

Тетъ-Бу доставилъ насъ на своей яхтѣ «Юлія» въ Балаклаву. Входъ въ Балаклаву изумителенъ. Ты прямо идешь на скалу, и скала раздвигается, чтобы тебя пропустить, и ты продолжаешь путь между двухъ раздвинутыхъ скалъ. Тетъ-Бу показалъ себя опытнымъ морякомъ.

Онъ помѣстилъ меня въ Мисхорѣ, на дачѣ Нарышкиной. Но на сушѣ ему не совсѣмъ удалось, какъ ты скоро увидишь. Мисхоръ несравненно лучше Алупки со всѣми ея царскими затѣями. Здѣсь роскошь скрывается подъ щеголеватой деревенской простотой. Я уже была готова увѣнчать его пламя (à couronner sa flamme); но пріѣхалъ Лермонтовъ и какъ бурный потокъ увлекъ всѣ вѣнки, которые я готовила бѣдному Тетъ-Бу. Это выходило немного изъ моихъ разсчетовъ; но я была такъ счастлива! Поѣздка въ Кучюкъ-Лампадъ была рѣшительнымъ кризисомъ. Я уговорила г. Де-Гелля, ложась спать, чтобы онъ сходилъ на другой день посмотрѣть на Ялтинскомъ рейдѣ, что̀ тамъ происходитъ. Я приказала моей дѣвушкѣ съѣздить въ туже ночь въ моей коляскѣ, которая тутъ же стояла у подъѣзда, въ Ялту и провѣдать Лермонтова. Она вернулась къ утру и сказала мнѣ, что онъ будетъ около полудня. У меня была задняя мысль, что Лермонтовъ еще не уѣхалъ въ Петербургъ и будетъ у меня со своими объясненіями, все же, что̀ ни говори, возмутительнаго поступка въ Кучюкъ-Лампадѣ; я ожидаю его и готовлюсь простить его шалость.

Де-Гелль, пріѣхавъ въ Ялту, замѣтилъ что-то неладно на «Юліи». Передвигаютъ на яхтѣ паруса, что́ тотчасъ въ высшей степени заинтриговало г-на Де-Гелля. Тетъ-Бу, разставшись съ нами въ Кучюкъ-Лам-

*) Женою Русскаго консула въ Гамбургѣ, урожденною Струве. П. Б.

падѣ, ничего не сказалъ намъ, что не будетъ участвовать въ прогулкѣ въ долину Судака. Мы, кромѣ этихъ мелкихъ экскурсій, ему дали слово черезъ восемь дней совершить на его яхтѣ поѣздку на Кавказскій берегъ къ его пріятелямъ, непокорнымъ Черкесамъ. Приготовленія къ отплытію составляли загадку для г. Де-Гелля, и онъ отправился на яхту для разъясненія. Генеральный консулъ *) спалъ непробуднымъ сномъ, или по крайней мѣрѣ казался таковымъ. (Я увѣрена, что онъ всю ночь не закрывалъ глазъ.) Сильно потревоженный восклицаніями г-на Де-Гелля, онъ поневолѣ долженъ былъ раскрыть глаза и весьма удивился раннему приходу г-на Де-Гелля, вмѣсто котораго ожидалъ меня. Какъ тебѣ это нравится? «Чортъ бы васъ подралъ (que le diable vous patafiolle)! Какія коварныя козни вы предпринимаете? сказалъ ему мой мужъ, не то сердито, не то смѣясь.

— «Что̀ такое? Что̀ за козни?»

— «Притворяйтесь, что вы тутъ не причемъ; я вамъ совѣтую! Ваши матросы возятся около кабестана, и готовятся поднять якорь. Что̀ вы на это скажете?»

— «Это невозможно. Но я слышу какой-то шумъ. Жьякомо! крикнулъ Тетъ-Бу, съ его загорѣвшимъ лицомъ и курчавыми волосами, ни дать ни взять словно Негръ (avec sa face de Nègre). Ступайте скорѣе сюда, Жьякомо, и скажите мнѣ, что̀ у васъ на верху творится»?

Взошелъ лейтенантъ съ невозмутимымъ лицомъ.

— «Объясните мнѣ пожалуйста, что́ тамъ происходитъ на палубѣ?»

— «Мы снимаемся съ якоря, капитанъ!»

— «Вы снимаетесь съ якоря», возразилъ капитанъ; «да кто же вамъ отдалъ приказаніе, господинъ капитанъ?»

— «Вы день ото дня все откладываете; поневолѣ надо отсюда васъ вытащить, капитанъ, какъ Улисса отъ поющихъ на берегу птицъ съ женскими лицами. Вѣтеръ подулъ отличный, совершенный N O».

— «Ну хорошо, увозите же меня поскорѣе, не говоря худаго слова», сказалъ наконецъ консулъ, полусердясь, полушутя, съ его добрѣйшей улыбкой, которая съ нимъ всѣхъ примиряетъ. Однако, г. Гоммеръ, вы будете свидѣтелемъ, что если я снимаюсь съ якоря, то это поневолѣ, и что тутъ виновникъ одинъ чортъ, этотъ проклятый Жьякомо».

Лермонтовъ мнѣ объяснилъ свою вчерашнюю выходку. Ему вдругъ сдѣлалось противнымъ видѣть меня, садящуюся между генераломъ Бороздинымъ и Тетъ-Бу-де-Марьини. Ему стало невыносимо скучно, что я буду сидѣть за обѣдомъ вдали отъ него. Онъ не могъ выносить при-

*) Т.-е. Тетъ-Бу-де-Марьини. П. Б.

торныхъ ласокъ этого приторнаго франта временъ Реставраціи. Я сильно упрекнула его въ раздражительности, въ нетерпѣніи. «Что же мы должны дѣлать при всемъ гнетѣ, который тяготитъ на насъ ежеминутно? Развѣ много одинъ часъ потерпѣть? Вы не великодушны». У него такое поэтическое воображеніе, что онъ все это видѣлъ въ билліардномъ павильонѣ, когда мы тамъ были вдвоемъ, и выпрыгнулъ въ окно, увидавъ своего Венеціанскаго Мавра. Его объясненіе очень мило, сознайся; я его слушала и задыхалась. Онъ, вообрази себѣ, такъ ревнивъ, что становится смѣшно, еслибы не было такъ жаль его. А Тетъ-Бу въ самомъ дѣлѣ смѣшенъ; онъ ходитъ съ утра въ свѣтло-синемъ фракѣ, съ жгутомъ и однимъ эполетомъ и золотыми съ якорями пуговицами, въ бѣломъ жилетѣ и предлинныхъ шпорахъ (хотя онъ на лошади и безъ шпоръ держаться не умѣетъ) и въ нанковыхъ, не смотря на осень, панталонахъ. Костюмъ его совершенно напоминаетъ портреты Людовика XVIII блаженной памяти. Онъ очень смѣшенъ, особенно когда вальсируетъ или галлопируетъ и садится на минуту, весь въ попыхахъ. Онъ, кажется, лѣчится отъ воображаемаго жира и танцуетъ болѣе для моціона. Онъ не прочь и строить куры, но прежде всего моціонъ ему необходимъ. Онъ страдаетъ закрытымъ геморроемъ. Онъ мнѣ это сказалъ въ первый разъ, что̀ меня встрѣтилъ на балѣ у г-жи П.... о. Такія вещи можно слышать развѣ отъ Фламанскаго ловеласа. Кстати я позабыла тебѣ сказать, что онъ о тебѣ вспоминаетъ съ восторгомъ; онъ увѣряетъ, что всю зиму танцовалъ съ тобой въ Брюсселѣ на балахъ у Mosselmann, кажется твоего отца. Онъ говоритъ, что ты ему напоминала трехъ сестеръ [1]) въ Гельсингфорсѣ, которыхъ онъ называлъ по имени: Аврора, Эмилія и Алина (ихъ фамилія у меня совсѣмъ вышла изъ памяти). Одну сестру я знаю. Аврора жена близкаго мнѣ человѣка и дѣйствительно тебя напоминаетъ, но ты бѣлокура. Онъ говоритъ, что у ея сестры Эмиліи тотъ же цвѣтъ волосъ какъ у тебя. Алина очень похожа на Аврору, но выраженіе ея лица рѣзче. Она болѣе смотритъ Юноной. Когда онъ тебя увидѣлъ на балѣ у принца Оранскаго въ Брюсселѣ, онъ былъ сильно пораженъ этимъ сходствомъ; онъ тебѣ тутъ же былъ представленъ самой принцессой [2]) и тебѣ разсказалъ о своемъ плава-

---

[1]) Старшая сестра Аврора была въ замужествѣ за П. Н. Демидовымъ, вторая Эмилія за графомъ В. А. Мусинымъ-Пушкинымъ, а Алина за Португальскимъ посланникомъ въ Россіи Корреа; онѣ урожденныя Шернваль. Аврора Карловна нынѣ вдова А. Н. Карамзина.

[2]) Великая княгиня Анна Павловна пребывала въ Брюсселѣ до революціи 1830 года. Въ послѣдствіи была вдовствующей королевой Нидерландской, скончалась въ 1865 году.

ніи въ Финляндію и встрѣчѣ съ тремя красавицами. А ты одна за троихъ его обворожила. Это было, кажется, въ двадцать девятомъ году. Я тогда была маленькой дѣвчонкой, ходила въ длинныхъ панталонахъ и въ короткомъ платьѣ. Онъ говорилъ объ этомъ сходствѣ съ великой княгиней, и она на это ему отвѣчала, что этихъ дамъ вовсе не знаетъ, но тебя подозвала и представила ему. Что ты помнишь-ли это, или онъ все вретъ.

Лермонтовъ торопится въ Петербургъ и ужасно боится, чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣзжалъ въ Ялту. Его карьера можетъ пострадать. Графиня В. ему обѣщала объ этомъ въ Петербургъ не писать ни полслова. Не говори объ этомъ съ Просперомъ Барантъ: онъ сейчасъ напишетъ въ Петербургъ, и опять пойдутъ сплетни. Онъ можетъ быть даже вынужденъ будетъ сюда пріѣхать, потому что дуэль еще не кончена. Выстрѣлъ остался за Лермонтовымъ; онъ это сказалъ передъ судомъ и здѣсь повторяетъ во всеуслышаніе ту же пѣснь. Я это тебѣ все разсказываю, и мнѣ въ мысли только теперь пришло, что Лермонтовъ, его поэтическій талантъ, все это для тебя тоже самое, что говорить тебѣ о бѣломъ волкѣ [3]).

Я заходила въ Ялтѣ сказать, что мнѣ нынче не нужно лошади. Мы вернулись въ половинѣ шестаго, и мнѣ г-нъ Де-Гелль разсказалъ, какъ Тетъ-Бу отправился къ Черкесамъ. «Это не можетъ быть: онъ мнѣ далъ слово ѣхать съ нами вмѣстѣ». Это неожиданное извѣстіе меня смутило, и я велѣла сказать Тетъ-Бу, что если черезъ три дня онъ не прійдетъ съ своей яхтой, мы съ нимъ навѣрное на вѣки рассоримся. Моя горничная дѣвушка вернулась изъ Ялты и мнѣ донесла, что г-нъ Тетъ-Бу будетъ меня ожидать на рейдѣ, какъ было условлено. На четвертый день я увидѣла шкуну и простилась съ моимъ поэтомъ на станціи. Я долго оставалась въ раздумьи, пока я слышала звонъ его колокольчика и затѣмъ поспѣшила сѣсть на катеръ, доставившій меня на яхту. Съ пушечной пальбой я встрѣчена была г-мъ Тетъ-Бу-де-Марьини, который дожидалъ меня внизу лѣстницы. Г-нъ Де-Гелль уже ожидалъ меня на «Юліи». На берегу съ ранняго утра стояли какія-то подозрительныя личности.

Мое письмо тебѣ доставитъ m-r Seymour въ Парижѣ. Тетъ-Бу сидитъ у меня въ каютѣ и очень торопитъ, хотя таможня ничего не смѣетъ сказать. Я сейчасъ замѣтила, еще будучи на берегу, что приставъ не скрываетъ своихъ подозрѣній, но войти на военное судно не посмѣетъ ни въ какомъ случаѣ. Насъ сопровождала военная шкуна «Машенька», конвоировавшая насъ въ Балаклаву. Въ ночь перевезли

---

[3]) Si je vous parlais du loup blanc.

на яхту четырнадцать ящиковъ съ двумя стами двухствольныхъ карабиновъ, разной мелочью для подарковъ, порохомъ, моими туалетами и двумя горными пушками; но все это за печатьми Англійскаго консульства. Я ихъ везу въ подарокъ князю Адигеевъ (le prince des Adigués) кромѣ моихъ Парижскихъ туалетовъ, разумѣется, которые должны обворожить моего Кавказскаго принца.—Мнѣ ужасно жаль моего поэта. Ему не сдобровать. Онъ такъ и просится на исторіи. А я цѣлыхъ двѣ пушки везу его врагамъ. Если одна изъ нихъ убьетъ его на повалъ, я тутъ же сойду съ ума. Ты навѣрное понимаешь, что такого человѣка любить можно, но не должно, скажешь ты. Ты можетъ быть и права. Я, какъ утка, плаваю въ водѣ, а выйду, отряхнусь, мнѣ и солнца не нужно. Я вижу твое негодованіе. Ты ужасно добродѣтельна, но я лицемѣрить не люблю. Это мнѣ припоминаетъ басню, которую мнѣ разсказывала моя старая няня. Вообрази себѣ, что она меня увѣрила, что у меня утиныя ноги, чтобы я моихъ не выставляла на показъ; что люди скоро это замѣтятъ и станутъ бѣгать отъ меня какъ отъ чертова отродья. Что за глупыя фантазіи водятся у этихъ старухъ! И я долго вѣрила этимъ баснямъ, много плакала и часто разувалась, посмотрѣть, не растутъ-ли у меня перепонки. Ты очень хорошо знаешь, у меня никогда ни между пальцами, ни вообще на ногахъ, никогда отродясь, мозолей не было. Я разъ показала мои ноги Анатолію. Мнѣ тогда было около двѣнадцати лѣтъ. Я очень хорошо помню; мы тогда праздновали въ первый разъ Іюльскіе дни. Онъ наконецъ разубѣдилъ меня, что я далеко не уродъ, напротивъ того. Ты себѣ представить не можешь, какъ я была счастлива! Ты сама знаешь, похожи-ли мои ноги на утиныя. Я бросилась въ его братскія объятія. Я почувствовала, что я женщина.

Примѣчанія переводчика.

Мы нашли въ «Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale, par m-me Hommaire de Hell» 1860 года, на стр. 378—381, соотвѣтствующіе два эпизода, переданные не въ томъ же порядкѣ. Стихотвореніе г-жи Гоммеръ-де-Гелль напечатано въ Journal d'Odessa № 104, 31 Декабря (12 Января) 1840 (1841). Въ журналѣ помѣщено стихотвореніе въ бо́льшемъ объемѣ. Оно подписано: Adèle Hommaire и оканчивается:

Oh, merci, mon poëte! A toi tout ce que l'âme
Dans ses secrets replis peut renfermer de flamme!
A toi l'attrait si doux des lointains souvenirs:
Et les rêves de gloire où tendent mes désirs!

A toi tout ce qui sort de ma lyre ignorée,
Tout ce qui peut flatter ma jeunesse énivrée,
Tout ce que ma pensée a d'éclat, de fraîcheur,
Tout ce que l'harmonie éveille dans mon coeur!

Я помню, какъ въ зиму 1840—1841 года Лермонтовъ набрасывалъ свои стихи то карандашемъ, то перомъ. Онъ все чертилъ ихъ, какъ будто сочинялъ. Въ письмѣ г-жи Гоммеръ, въ концѣ 1840 года, мы ихъ находимъ не въ томъ же отчасти видѣ, но видимо они тѣже самые. Мнѣ очень помнится стихъ: Je vois blanchir une ombre, une ombre qui s'avance lentement. C'est une feuille que pousse le vent parfumé de la nuit. Вмѣсто ихъ въ пѣчатаемомъ нынѣ текстѣ мы не находимъ «la feuille que pousse». Но не находимъ и предложеннаго г-жею Гоммеръ исправленія: c'est la poussière que soulève.

Въ послѣдней строфѣ стиховъ Лермонтова мы находимъ: Las d'attendre, je m'endors soudain. Стихъ этотъ замѣненъ третьимъ. Вмѣсто шестаго стиха той же строфы мы читаемъ: Ton pied effleurait le mien. Въ письмѣ значится: une feuille que pousse. Оно грамматически правильно: «*que*» относится къ послѣдующему le vent parfumé, а «qui» относилось бы къ feuille, что̀ по граматическому смыслу невозможно. Въ подлинникѣ несомнѣнно «que» (ср. «Рус. Стар. 1887. Май, стр. 406).

Француженка-красавица носилась еще въ воображеніи Лермонтова въ 1841 году. Въ послѣдній пріѣздъ Лермонтова я не узналъ его. Я былъ съ нимъ очень друженъ въ 1839 году. Когда я возвратился изъ-за границы въ 1840 году, Лермонтовъ въ томъ же году пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ былъ чѣмъ-то встревоженъ, занятъ и со мною холоденъ. Я это приписывалъ Монго Столыпину, у котораго мы видались. Лермонтовъ что-то имѣлъ съ Столыпинымъ и вообще чувствовалъ себя неловко въ родственной компаніи. Не помню, жилъ-ли онъ у братьевъ Столыпиныхъ или нѣтъ; но мы тамъ еженочно сходились. Разъ онъ меня позвалъ ѣхать къ Карамзинымъ: «Скучно здѣсь, поѣдемъ освѣжиться къ Карамзинымъ». Подъ словомъ освѣжиться, se raffraîchir, онъ подразумѣвалъ двухъ сестеръ княженъ О., тогда еще незамужнихъ. Третья сестра была тогда замужемъ за кн. М. Наканунѣ отъѣзда своего на Кавказъ, Лермонтовъ по моей просьбѣ мнѣ перевелъ шесть стиховъ Гейне: «Сосна и Пальма». Нѣмецкаго Гейне намъ принесла С. Н. Карамзина. Онъ наскоро, въ недодѣланныхъ стихахъ, набросалъ на клочкѣ бумаги свой переводъ. Я подарилъ его тогда же княгинѣ Юсуповой. Вѣроятно этотъ первый набросокъ, который сдѣлалъ Лермонтовъ, уѣзжая на Кавказъ въ 1841

году и который нынѣ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Лѣтомъ, во время Красносельскихъ маневровъ, пріѣхалъ изъ лагеря къ Карамзинымъ флигель-адъютантъ полковникъ конногвардейскаго полка Лужинъ (впослѣдствіи Московскій оберъ-полицеймейстеръ). Онъ намъ привезъ только что полученное въ главной квартирѣ извѣстіе о смерти Лермонтова. По его словамъ, Государь сказалъ: «собакѣ—собачья смерть».

Въ письмѣ отъ 26-го Декабря 1838 г-жа Де-Гелль упоминаетъ о березахъ, разводимыхъ помѣщикомъ Кирьяковымъ, въ помѣстьи своемъ Ковалевкѣ, Одесскаго уѣзда. Характеристика березы, сдѣланная Лермонтовымъ, оправдываетъ вполнѣ замѣчаніе сдѣланное г-жею Де-Гелль или правильнѣе Скальковскимъ, на котораго она ссылается: «въ особенности березы, такъ трудно здѣсь растущей». На Кавказскія и Крымскія горы береза могла быть занесена вѣтромъ. Въ Крыму и на Кавказѣ я никогда не былъ, но въ Италіи я встрѣчалъ въ Альпахъ березы, которыя туда только могли быть занесены вѣтромъ. Въ письмѣ изъ Кисловодска есть слѣдъ, что стихи эти писалъ Лермонтовъ г-жѣ Де-Гелль еще на Кавказѣ.

Напрасно легкомысленная Француженка (чтобъ не отозваться о ней строже) издѣвается надъ почтеннымъ г. Тетъ-Бу-де-Мариньи и тщится его представить въ смѣшномъ видѣ. Онъ кромѣ многихъ другихъ, весьма почтенныхъ трудовъ, оставилъ 1) Портуланъ Чернаго и Азовскаго морей, Одесса 1830, 2) Планы, порты и рейды Ч. и А. морей, тамъ же и въ томъ же году 3) Atlas de la mer Noire et de la mer d'Azow, Odessa 1850 и 4) Гидрографія тѣхъ же морей, книга изданная въ 1856 году въ Тріестѣ. Онъ издалъ: 5) Voyage en Circassie en 1818. Bruxelles 1821 и 6) другое свое путешествіе въ Черкесію съ видами и костюмами. Одесса и Симферополь 1836.

Сомнѣваюсь, чтобы онъ дозволилъ на своей яхтѣ провозить военную контрабанду непримиримымъ врагамъ Россіи. Для него допускалось вести торговлю съ непокорными Черкесами и моремъ, но одними лишь дозволенными товарами. Впрочемъ герцогъ Ришелье исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе на торговлю съ Турецкими портами въ самый разгаръ Турецкой войны (1806—1812).

(Сообщено княземъ П. П. Вяземскимъ).

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Я опять обращаюсь къ вамъ съ моими опроверженіями. Р. Старина, какъ старина, должна, кажется, знать старину, да и то довольно близкую. Не помню въ какой книжкѣ этого журнала говорится о родной моей теткѣ свѣтлѣйшей княгинѣ Софьѣ Григорьевнѣ Волконской, что она рожденная княжна Репнина. Она дочь князя Григорія Семеновича Волконскаго; а мать ея княгиня Александра Николаевна Волконская, рожденная княжна Репнина, дочь князя Николая Васильевича Репнина; самъ же онъ сынъ князя Василія Никитича Репнина и не графини Головиной, а дѣвицы Поль, дочери лютеранскаго пастора. Въ деревнѣ, гдѣ пасторъ этотъ жилъ, молодой князь Репнинъ квартировалъ съ своимъ полкомъ. Отецъ его, узнавъ отъ дядьки князя Василія Никитича, что онъ ухаживаетъ за молодой дѣвицей Поль, пріѣхалъ къ нему и потребовалъ, чтобы онъ сдѣлалъ ей предложеніе выйти за него замужъ. Я это слышала отъ моего, отца князя Николая Григорьевича. У дѣда его (по матери) князя Николая Васильевича Репнина не было сыновей, а только три дочери: княгиня Александра Николаевна Волконская, княгиня Голицына и баронесса Каленбергъ. Только у старшей изъ нихъ (моей бабушки) были дѣти, и по восшествіи на престолъ императора Александра I-го возложена была по высочайшей волѣ на отца моего фамилія Репнина и данъ Репнинскій гербъ, чтобы, какъ сказано въ указѣ, *не изсякъ славный родъ Репниныхъ*. Въ настоящее время, кромѣ меня, старицы 79 лѣтъ, племянника моего Николая Васильевича (сына моего брата) и дѣтей его, сына и дочери, нѣтъ Репниныхъ.

Въ той же Русской Старинѣ напечатано, что Александръ Николаевичъ Гойеръ побочный сынъ моего отца! Это отъявленная ложь. Я очень хорошо помню, когда мой отецъ былъ намѣстникомъ въ Саксоніи, и мы жили въ Дрезденѣ въ Брюлевскомъ дворцѣ, къ намъ хаживалъ подслѣповатый капитанъ Гойеръ. Онъ былъ вдовъ; у него было большое семейство, двѣ дочери и четыре сына. Мать моя предложила ему поручить ей одного изъ сыновей, чтобы быть товарищемъ моему брату. Адольфъ Гойеръ поступилъ къ намъ 6 лѣтъ и до 11 лѣтъ воспитывался съ моимъ братомъ; на 12-мъ году онъ отправился съ моей теткой кн. С. Г. Волконской въ Одессу, чтобы поступить предварительно въ пансіонъ нѣкоего Пиллера, а потомъ въ Ришелевскій лицей. Когда онъ вернулся изъ Одессы въ Полтаву, чтобы поступить въ Ингерманландскій гусарскій полкъ, онъ пожелалъ принять православіе и самъ выбралъ имя Александръ, чтобы замѣнить Нѣмецкое имя Адольфъ, и какъ мой отецъ былъ крестнымъ его отцомъ, то онъ именовался Александромъ Николаевичемъ. Нѣтъ ничего проще и правдивѣе моего разсказа, и я прошу васъ дать ему мѣсто въ вашемъ „Русскомъ Архивѣ“. Изъ всего нашего семейства я осталась одна современница своихъ родителей и очень сожалѣю, что не обладаю даромъ слова, чтобы краснорѣчивѣе выпрямить столько кривыхъ толковъ на счетъ уважаемыхъ личностей, какъ напримѣръ, что не моя мать дала начало патріотическому институту въ Петербургѣ. Но довольно: чего не сознаютъ здѣсь, будетъ вознаграждено тамъ!

Княжна Варвара Репнина.

О СООБЩЕНІИ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ПОЛЕЖАЕВА.

Въ ряду второстепенныхъ поэтовъ Пушкинской эпохи, безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Полежаеву по силѣ его таланта, къ сожалѣнію, остановленнаго въ самомъ началѣ развитія крайне-неблагопріятными для поэта обстоятельствами.

Благодаря именно этимъ же обстоятельствамъ, стихотворенія Полежаева очень рѣдко появлялись на страницахъ современныхъ ему журналовъ, а почти исключительно попадали, за ничтожный авторскій гонораръ, въ руки спекулянтовъ-издателей Московскаго толкучаго рынка и печатались ими въ безобразнѣйшихъ сборникахъ съ затѣйливыми именами, чуть-ли не на оберточной бумагѣ, безъ всякаго порядка, и со множествомъ ошибокъ, опечатокъ и пропусковъ, къ которымъ тогдашняя цензура присоединяла еще значительную долю своихъ.

За исключеніемъ этихъ сборниковъ появилось и очень хорошее изданіе въ 1857 году; но, къ сожалѣнію, оно не представляетъ надлежащей полноты, заключая въ себѣ только избранныя стихотворенія.

Предположивъ нынѣ сдѣлать возможно-полное и порядочное изданіе сочиненій Полежаева и подготовивъ его по имѣющимся у меня матеріаламъ, я сверхъ того обращался ко многимъ лицамъ, у которыхъ могъ предполагать рукописи поэта или матеріалы для его біографіи. Къ сожалѣнію. однако, я никакъ не могъ дознаться, гдѣ находятся теперь рукописи Полежаева, которыя другъ его А. П. Лазовскій (уже давно умершій), сообщалъ въ свое время Кетчеру для изданія въ 1857 году и которыми я тогда могъ воспользоваться только въ очень незначительной мѣрѣ.

Остановивъ поэтому печатаніе своего изданія до начала Октября мѣсяца, обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой къ лицамъ, владѣющимъ рукописями, принадлежащими А. П. Лазовскому, сообщить мнѣ ихъ на короткое время или прислать копіи; а также прошу и всѣхъ лицъ, у которыхъ имѣются какія-либо исправленія и дополненія къ стихотвореніямъ Полежаева или матеріалы для его біографіи, не оставить меня своими благоклонными сообщеніями, такъ какъ только при такомъ общемъ содѣйствіи и общей помощи можно надѣяться на возстановленіе и пополненіе текста и самой *біографіи* поэта, *искаженныхъ* прежними издателями и біографами.

Мой адресъ: П. А. Ефремову, въ С.-Петербургъ, по Лиговкѣ, № 25.

П. Ефремовъ.

MÉMOIRES
DE LA COMTESSE EDLING.

Les Mémoires de la comtesse Edling ont été imprimés, en extrait, dans les „Archives Russes“ de l'année 1887, traduits du manuscrit français inédit. Ils ont vivement attiré l'attention de l'élite intellectuelle de notre pays.

Leur contenu est également important pour la littérature historique européenne. Aussi le désir de les faire connaître dans leur original a-t-il été exprimé avec insistance, par un nombre de lecteurs des plus compétents en la matière.

Cela nous a déterminé à entreprendre la publication de l'original français de ces remarquables Mémoires.

Les personnes désirant posséder ce livre, peuvent s'en rendre acquéreurs, par souscription (3 roubles ou 6 francs, avec envoie à domicile en s'adressant soit à S-t Pétersbourg, chez Mellier, libraire de la Cour Impériale, Perspective Newsky près du Pont de Police; soit à Moscou, à la Rédaction des „Archives Russes“ Sadovaya, 175, ou chez Gauthier, libraire, au Pont des Maréchaux.

ВЪ КОНТОРѢ РУССКАГО АРХИВА

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполнѣ его достойныя.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп. За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 к.

Выписывающіе всѣ четыре книжки получаютъ ихъ съ пересылкою за 1 р. 20 коп.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новонайденныхъ сочиненій, его бумаги, черновыя его письма и наброски, выдержки изъ его записокъ, переписка его и письма къ нему разныхъ лицъ, замѣтки на его сочиненія и статьи о немъ (князя П. П. Вяземскаго, по бумагамъ Остафьевскаго архива, П. И. Бартенева, Г. С. Чирикова, Зелинецкаго, М. Н. Лонгинова, князя П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** рубля съ пересылкою **3** р. **30** к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

Русскій Архивъ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1887 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1887 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ составляютъ три большіе тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1887 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

☞ За перемѣну адреса Московскаго на Московскій и иногороднаго на иногородный—**20** к.; иногороднаго на Московскій—**50** к.; Московскаго на иногородный—**90** к. (по платѣ почтовой).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1885 и 1886 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**